

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
"Российский университет транспорта (МИИТ)"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 4(63)

Июль - Август

Москва
2017

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор)
Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответ-
ственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор),
Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор)
Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.:
РУТ (МИИТ), 2017. – Вып. №4 (63). – 171с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ - МИИТ)

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich
Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor,
Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir
Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy
Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Liliya
Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.):
scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2017. – Edition
4(63). – 171 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation-tion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT - MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Dmitriev A.V.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S.

Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Lebedev S.N.

Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Literature

Markovich Danilo

Academician, member of the Serbian Academy of Education, a foreign member of the Russian Academy of Education, Belgrade, Serbia

Marshak A.L.

Senior Researcher of Institute of Sociology, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

- Mironov A.V.*** Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Narbut N.P.*** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.*** Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma
- Sosunova I.A.*** Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor
- Chuprov V.I.*** Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS, honored worker of science of the Russian Federation
- Shabrov O.F.*** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

---

Поздравляем с юбилеем Аркадия Львовича Маршака!

---

9 июля 2017 года исполнилось 75 лет главному редактору журнала «Поиск», доктору философских наук, профессору Маршаку Аркадию Львовичу.

Коллектив Гуманитарного института Российского университета транспорта (МИИТ) и редколлегия журнала сердечно поздравляют Аркадия Львовича со знаменательной датой!

Маршак А.Л. имеет Высшее историко-педагогическое образование. Кандидат философских наук (1972), доктор философских наук (1989), профессор (1991). Автор ряда комплексных социологических исследований по различным проблемам культуры молодёжи и средств массовой информации. 40 лет работал в высшей школе доцентом, профессором, заведующим кафедрой, деканом, проректором. Преподавательскую работу совмещал с научно-исследовательской деятельностью. Общий стаж непосредственно научной работы - более 20 лет. Подготовил 38 кандидатов наук и 6 докторов наук. Опубликовано свыше 450 работ, в т. ч. 8 монографий, 3 учебника и более 10 научно-методических пособий по общей социологии и социологии культурно-духовной сферы. В настоящее время исследует проблемы социологии культуры и культурной безопасности. Член диссертационных советов: при МГУ им. М.В.Ломоносова, при ИСПИ РАН и Университете дружбы народов. В течение многих лет (до декабря 2013) член Экспертного совета ВАК Минобрнауки РФ по философии, социологии и культурологии. Заместитель главного редактора Общенационального научно-политического журнала "Власть". Член редколлегий журналов: "СОЦИС" (Москва), "Социологическое образование" (Москва), "Общество и право" (Краснодар), "Гуманитарии Юга России" (Ростов-на-Дону). Главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Аркадий Львович - лауреат премии им. Н.Г. Петровского за лучшую научно-педагогическую работу в области социологии (МГУ, 2008 г.; обладатель почетного знака «За вклад в развитие социологии образования в России» (2009г.); серебряной медали им. П. Сорокина «За вклад в науку» (2012 г.); Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2002 г.), член союза писателей России, член союза журналистов города Москва; действительный член (Академик) АСН РФ, Академии политической науки.

С юбилеем, уважаемый Аркадий Львович! Крепкого Вам здоровья, новых научных побед и верных единомышленников на дальнейшем жизненном пути!

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ЕВЛАЕВ А.Н.
ЗУБКОВ С.А. Социальная ответственность бизнеса в общественно-политической практике современного российского общества..... 13

ДЕНИСОВА Г. С.
БИНЕЕВА Н.К.
ВОЙТЕНКО В.П.
ХАЧЕЦУКОВ З.М. Взаимодействие органов власти с научными организациями в процессе регулирования межэтнических отношений на Юге России..... 25

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КСЕНОФОНТОВ В.В. Генетический компонент русского мира и его особенности 37

СОЦИОЛОГИ ЮГА РОССИИ

АПЕРЯН А.В. Развитие кадрового потенциала опорных зон Арктического региона Российской Федерации: вызовы и пути решения..... 48

АСЛАНОВ Я.А. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: теоретико-методологические аспекты исследования и проблемы реализации..... 58

ВОЛКОВ Ю. Г.
ДЕНИСОВА Г.С.
ЛУБСКИЙ А. В. Политика и практика мультикультурализма в западных странах: эксперты о возможности использования его опыта в российских условиях..... 72

ГЛУШКОВА С. А. Региональная идентичность: конструктивистская парадигма социологических исследований..... 87

ЛУБСКИЙ А.В.
ВОЙТЕНКО В.П. Ценностная политика и формирование общероссийской идентичности в России..... 101

ПЕТРОВ Р.В. К вопросу о трудовых мигрантах-экспатах на российском рынке труда..... 118

ХОЦЕНКО В. П. Теоретико-методологический аспект исследования корпоративизма в административном управлении: формирование функциональных и институциональных схем..... 127

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

САЗОНОВА А.Л.	«Любовь» как социокультурный феномен в жизни современных россиян.....	137
---------------	---	-----

МИРОВЫЕ КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

КРАВЧЕНКО С.А.	У. Бек «Как изменение климата могло бы спасти мир.....	154
----------------	--	-----

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

- EVLAEV A. N.
ZUBKOV S.A. Social responsibility of business in social and political practice of modern Russian society..... 13
- DENISOVA G.S.
BINEYEVA N.K..
VOYTENKO V.P.
KHACHETSUKOV V.M Interaction of authorities with scientific organizations in the process of regulation of interethnic relations in the South of Russia..... 25

RUSSIAN WORLD: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

- KSENOFONTOV V. V. The genetic component of the Russian world and its features..... 37

SOCIOLOGISTS OF THE SOUTH OF RUSSIA

- APERIAN A.V. Development of human resources of support zones of the Arctic region of the Russian Federation: challenges and ways of solutions..... 48
- ASLANOV YA.A. Patriotic education of modern russian youth: theoretical and methodological aspects of research and implementation problems..... 58
- VOLKOV Y.G.
DENISOVA G.S.
LUBSKY A.V. Policy and practice of multiculturalism in Western countries: experts on the possible use of its experience in Russian conditions..... 72
- GLUSHKOVA S. A. Regional identity: constructiv paradigm of the sociological researches..... 87
- LUBSKY A.V.
VOYTENKO V.P. Value politics and the formation of Russian identity in Russia..... 101
- PETROV R.V. To the question of labor migrants-expats in the Russian labor market..... 118

HOCENKO V.P.	Theoretical-methodological aspect of the study of corporatism in the administration: the formation of functional and institutional arrangements.....	127
--------------	--	-----

POINT OF VIEW

SAZONOVA A. L.	Love as a sociocultural phenomenon in life of modern Russians.....	137
----------------	--	-----

WORLD CLASSICS OF SOCIOLOGICAL THOUGHT

KRAVCHENKO S.A.	U. Beck How Climate Change Might Save the World ..	154
-----------------	--	-----

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

ЕВЛАЕВ

*Андрей Николаевич
Кандидат политических наук,
доцент кафедры «Политология,
история и социальные
технологии» Российского
Университета Транспорта
(МИИТ),
Москва, Россия
evlaev@ya.ru*

EVLAEV

*Andrej Nikolaevich
Candidate of political sciences,
docent of department «Political
science, history and the social
technologies» of Russian
University of transport (MIIT),
Moscow, Russia*

evlaev@ya.ru

ЗУБКОВ

*Сергей Александрович
Доктор философских
наук, профессор кафедры
«Политология, история и
социальные технологии»
Российского Университета
Транспорта (МИИТ),
Москва, Россия
zubkoff1956@mail.ru*

ZUBKOV

*Sergey Alexandrovich
Doctor of Philosophy, Professor
of the Department of Political
Science, History and Social
Technologies of the Russian
University of transport (MIIT),
Moscow, Russia*

zubkoff1956@mail.ru

Социальная ответственность бизнеса в общественно-политической практике современного российского общества/ Social responsibility of business in social and political practice of modern Russian society

Аннотация

В статье рассмотрена сущность социальной ответственности бизнеса, раскрыта роль государства в функционировании механизма социального партнерства, показана актуальность становления и развития принципов социальной ответственности бизнеса в общественно-политической практике современного российского

общества, проведен детальный анализ социально-ответственной деятельности государственной корпорации ОАО «РЖД».

Ключевые слова

Бизнес и гражданское общество; бизнес и государство; корпоративная политика; социальная ответственность; социальная политика.

Abstract

The article considers the essence of corporate social responsibility; The role of the state in the functioning of the mechanism of social partnership is declared; the urgency of the formation and development of social responsibility of national business in the political practice of modern Russian society is shown; detailed analysis of socially responsible activities of the State Corporation “Russian Railways” is conducted.

Keywords

National business; the state; corporate policy; social responsibility; social policy.

Развитие принципов социальной ответственности бизнеса в общественно-политической практике современного российского общества является не просто желанным и предпочтительным направлением, но единственно возможным способом цивилизованного решения противоречий в сфере социально-трудовых отношений РФ. Социальная ответственность бизнеса рассматривается органами власти в современной России, как ответственность бизнеса перед государством и обществом, которая направлена не только на вовлечение бизнес — корпораций в решение социальных проблем общества совместно с государством и общественными структурами, но и участие бизнеса в выработке стратегий социальной и экономической политики, направленной на повышение политической стабильности в обществе. Провозглашая принцип социальной ответственности, власть ожидает от хозяйственно-экономических структур и прежде всего от компаний с государственным участием, не только уплаты налогов, выпуска качественной продукции и соблюдения законов, но и проведения мер по охране окружающей среды, заботу о сотрудниках.

Очевидно, что в складывающейся системе взаимодействия бизнеса и государства, именно государство должно взять на себя

инициативу в реализации национальной социальной политики. Выступая в Москве 19 марта 2015 года на Неделе российского бизнеса РСПП, Президент РФ Владимир Путин заявил: «Дальнейшее расширение свобод для бизнеса — лучший ответ на все внешние вызовы и ограничения. Чтобы страна уверенно развивалась, чтобы у миллионов людей была хорошая работа и жизненное обеспечение, ответственный бизнес должен, конечно, постоянно стремиться к лидерству, ставить перед собой амбициозные задачи. Уверен, что необходимый потенциал для этого у нас есть, и на поддержку государства вы, конечно, всегда можете рассчитывать. Поэтому мы, безусловно, будем продолжать создавать максимально благоприятные условия для всех, кто готов инвестировать в отечественную экономику и промышленность, в разработку технологий и современные рабочие места»¹. Таким образом, осуществляя правовое регулирование общественных отношений и формируя на законодательном уровне основные принципы социального партнерства, государство показывает направление в осуществлении социального диалога между бизнесом и властью.

Среди реалий современной общественно-политической жизни в странах мира и в России особо выделяется реализация принципа социальной ответственности бизнеса, формирование и развитие его институциональных основ. Распространение данного процесса в нашей стране и значительное его влияние на общественную жизнь вызывает к нему интерес со стороны ученых. Социальная ответственность бизнеса также обозначается ими термином «корпоративная социальная ответственность» (КСО) и рассматривается как совокупность мер по соблюдению и защите социальной справедливости в обществе. При этом КСО преимущественно исследуется в контексте корпоративного управления в рамках менеджмента или социологии управления.² Однако имеются и политологические аспекты анализа этого явления, которые недостаточно изучены. К ним относится, в частности, проблема взаимодействия бизнеса и власти в пространстве социальной политики.

---

¹ Путин В.В. Путин: ответственный бизнес может рассчитывать на поддержку. Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20150319/1053400908.html>

² См.: Благов О.Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление. // Российский журнал менеджмента, 2004, №3. С. 17-34. Деревянченко А.А. Социальная ответственность в системе корпоративного управления. М., 2005. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект. / Под общ. ред. И.Ю. Беляевой, М.А. Эскиндарова. Финансовая академия при Правительстве РФ. — М., 2008. Шевчук А.В. Социальная роль бизнеса в моделях корпоративного управления // SPERO. Зима 2005, №2.

К структурным элементам КСО как социального института исследователи относят: (1) организации, занимающиеся вопросами развития КСО; (2) формальные ограничения, такие как законы, международные стандарты, документально закрепленные правила социального поведения бизнеса; (3) неформальные ограничения, такие как общепринятые и ожидаемые правила социального поведения бизнеса.¹ Их становление происходило в течение двух последних веков развития общества под воздействием следующих факторов: потребность представителей бизнеса заниматься филантропией и благотворительностью, рост уважения с их стороны к соблюдению трудовых прав и интересов наемного персонала и осознание значения человеческого капитала, повышение экологической ответственности бизнеса. Наблюдается тесная связь между институциональным развитием социального партнерства в лице бизнеса и профсоюзов как представителей наемного персонала компаний и фирм и социальной ответственности бизнеса.

В современной России в условиях внедрения в экономику рыночных отношений, формирования хозяйствующих субъектов, представляющих как частный, так и государственный сектор народного хозяйства, институт социальной ответственности бизнеса находится в стадии возрождения. В связи с недостаточным развитием в нашей стране гражданского общества ключевым фактором внедрения принципов КСО в общественно-политическую практику выступает государственная политика. Таким образом, национальная модель КСО приобретает черты близкие к континентальной европейской модели.

Одним из важнейших аспектов внедрения в общественно-политическую практику современной России института социальной ответственности бизнеса выступает то, что хозяйствующие субъекты становятся активными проводниками социальной политики в нашей стране. При этом компании и фирмы начинают разделять ответственность с государством за развитие социальной сферы. Данная тенденция проявляется, прежде всего, в социально-ответственной деятельности крупных государственных корпораций, к которым, в частности, относится ОАО «РЖД». По состоянию на 31 декабря 2013 г. списочная численность работников ОАО «РЖД» составила 902,7 тыс. человек.²

---

¹ См.: Еремина Д.А. Государственная политика как фактор формирования социальной ответственности бизнеса в современной России: Автореф. дис. канд. полит. наук. — СПб., 2012

² Корпоративный социальный отчет ОАО «РЖД». Режим доступа: http://rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5085

Рассматривая формы участия хозяйствующих субъектов в реализации социальной политики на примере ОАО «РЖД», следует обратиться к анализу корпоративной социальной политики (КСП) данной корпорации.

Основой разработки целей и задач КСП РЖД является оценка ключевых рисков в области взаимодействия с персоналом, к которым относятся, во-первых, стратегические риски дефицита трудовых ресурсов в нашей стране, во-вторых, операционные риски, имеющие два вида:

- 1) кадровые риски (риски текучести кадров, потери квалифицированного и перспективного персонала);
- 2) риски травмирования и профессиональных заболеваний работников.

Учет операционных рисков РЖД определяет цели КСП компании по повышению благосостояния и качества жизни работников и членов их семей, а также по обеспечению безопасных условий труда. Для решения первой цели КСП РЖД ставятся следующие задачи:

- социальная поддержка работников, членов их семей, ветеранов;
- жилищная программа;
- организация отдыха сотрудников;
- охрана здоровья сотрудников;
- молодежная политика.

Решение второй цели КСП РЖД связано с постановкой таких задач, как:

- снижение производственного травматизма;
- реализация программ по улучшению условий и охраны труда;
- аттестация рабочих мест;
- обеспечение осведомленности и компетентности работников в области охраны труда.

В механизме управления КСП РЖД применяется система социального партнёрства. Ее основой выступает практика заключения отраслевых тарифных соглашений между работодателями в лице администрации железных дорог и наемными работниками в лице Роспрофжела, в которых предусматриваются меры повышения размера заработной платы, содействия сохранению занятости работников, создания безопасных условий труда, обеспечения жильем.

В феврале 2012 года исполнилось 20 лет применения практики социального партнерства на железнодорожном транспорте страны на основе заключения отраслевых тарифных соглашений. В этот период расширились социальные составляющие отраслевых

тарифных соглашений, возрастал объем социального пакета работников отрасли. Индексация заработной платы работников поэтапно возросла с 70% до уровня роста цен в первом соглашении (на 1992 год) до 100% — в шестом соглашении (на 1998 — 2000 годы). С 1992 по 2011 годы покупательная способность заработной платы железнодорожников возросла в 1,58 раза.¹

В 2013 г. на выполнение обязательств, закрепленных в отраслевом тарифном соглашении на 2011-2013 г.г., РЖД направил средства в объеме более 104 млрд. руб. Содержание КСП РЖД составляют социальные программы и проекты, среди которых можно отметить жилищную программу. В период с 2005 по 2010 г.г. она осуществлялась в соответствии с «Концепцией жилищной политики ОАО «РЖД» на 2005-2007 г.г. и на период до 2010 года». В результате реализации концепции предусматривалось увеличение общей площади жилых помещений приблизительно на 1 млн. кв.м.

За годы осуществления Концепции жилищной политики ОАО «РЖД» на период до 2010 г. были достигнуты следующие результаты. В 2008 году на сети железных дорог инвестиции в строительство жилья составили 3. 35 млрд. рублей. Введено в эксплуатацию 80 тыс. кв. метров жилья, или 1228 жилых помещений. Оформлено 4. 1 тыс. ипотечных кредитов. Сумма субсидируемой части выдаваемых ипотечных кредитов составила 6.2 млрд. рублей.

Жилищная ипотечная программа как составная часть концепции реализовалась в ОАО «РЖД» при кооперации отраслевого потенциала: строительного (строительные и проектные организации ОАО «РЖД»), финансового (Транскредитбанк) и ипотечного (ЗАО «Желдорипотека»). Опыт строительства платного жилья, доступного благодаря применению различных форм корпоративной поддержки работников Компании, показал эффективность участия в ипотечной жилищной программе ЗАО «Желдорипотека», поскольку исключались риски потери работниками денег, как это имеет место в пирамидальных схемах жилищного бизнеса.

В условиях кризиса ликвидности и стремительного удорожания фондирования в 2008 г. ОАО «Транскредитбанк» был вынужден изменить условия по вновь предоставляемым ипотечным субсидируемым кредитам работникам ОАО «РЖД». С 8 декабря 2008 года устанавливалась процентная ставка на уровне 14% годовых в рублях. Для сотрудников, относящихся к категории

---

¹ См.: Научно-практическая конференция «20 лет отраслевым тарифным соглашениям на железнодорожном транспорте и в транспортном строительстве». Сборник докладов. — М.: «Магистраль», 2012, с. 152

молодых специалистов — до 13 % годовых в рублях. Также банком был введен обязательный первоначальный взнос в размере не менее 10 % от стоимости приобретаемого жилого помещения и усилены требования к финансовому состоянию заемщика: снижен максимальный размер его платежей с 50 до 40 % от чистого дохода.

После 2010 года реализация жилищной программы ОАО «РЖД» была продолжена нарастающими темпами. За период 2006-2013 годы более 26,6 тыс. работников ОАО «РЖД» улучшили свои жилищные условия при финансовой поддержке компании. В 2013 г. 2347 работников получили ипотечные субсидируемые кредиты для приобретения жилья в собственность с общей субсидируемой частью 4.3 млрд. руб.. Безвозмездные субсидии предоставлены 66 работникам отдельной категории (многодетные семьи, одинокие родители и др.) и 1228 молодым семьям на общую сумму 448 млн. руб. на погашение части задолженности по ранее полученным ипотечным субсидируемым кредитам в связи с рождением в их семьях детей.¹ Реализуется Адресная программа на 2011-2013 годы и на период до 2015 г., которая предусматривает около 50% строительства и приобретения жилых помещений на железных дорогах Сибири и Дальнего Востока. Практически весь объем формирования жилищного фонда компании по Адресной программе 2011-2013 годов (88,6%) предусматривался в населенных пунктах, где не развит рынок арендного жилья, а в большинстве случаев это небольшие населенные пункты, где такой рынок вообще отсутствует.

Наряду с осуществлением КСП, участие ОАО «РЖД» в реализации социальной политики российского государства выражается также в такой форме как благотворительность. Для эффективной организации благотворительной деятельности в акционерном обществе созданы постоянно действующие комиссии и специализированные фонды, утверждаются ежегодные планы благотворительной помощи, составившие в 2013 и 2014 г.г. 730 млрд. руб. Ее направления включают в себя следующие:

1. Содействие деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, развития физической культуры и спорта;
2. Поддержка наиболее уязвимых групп населения, оказание им материальной помощи;
3. Забота о ветеранах железнодорожного транспорта, участниках Великой Отечественной войны и трудового фронта;

---

¹ Корпоративный социальный отчет ОАО «РЖД». Режим доступа: http://rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5085

4. Поддержка детских дошкольных организаций, детских домов, приютов школьных учреждений.

С помощью Благотворительного фонда «Транссоюз» РЖД совместно с его дочерними обществами поддерживают благотворительные проекты организаций и фондов, имеющих общероссийское значение. Такая поддержка в 2013 г. составила 338 млрд. рублей. К организациям, благим начинаниям которых фонд оказывает регулярную финансовую и организационную помощь, относится издательский дом «Фома», совместно с которым был реализован проект детской книги из серии «Настя и Никита» — «Царскосельская чугунка». Фонд распространил книги на благотворительной основе среди детей компаний-партнеров, предоставил в качестве подарков на детские елки Благотворительного фонда «Расправь крылья» и новогодние представления Павловского дворца. Как продолжение проекта, БФ «Транссоюз» организовал акцию «Звезды читают детям», в которой приняли участие учащиеся кружка изобразительного искусства ЦДДЖ. «Звезды читают детям!» — специальная программа издательского дома «Фома» для популяризации детского чтения.¹

Оказывая поддержку благотворительным организациям, фонд «Транссоюз» использует метод фондрайзинга. Сбор средств осуществляется путем распространения благотворительной «Лотереи железных дорог». Стать ее участником может каждый пассажир поезда дальнего следования на территории России, приобретя лотерейный билет у проводника, или в кассе при покупке проездного документа. Собранные от распространения благотворительной лотереи финансовые средства направляются в Благотворительный фонд «Расправь крылья», который оказывает поддержку детям с тяжелыми заболеваниями. С момента старта лотереи помощь получили более 1500 больных малышей.

В рамках благотворительной деятельности РЖД осуществляет финансовую помощь своим работникам, ветеранам и членам их семей, которая в 2013 г. составила 342 млн. руб. Данная помощь оказывается при необходимости дорогостоящего лечения, решении вопросов улучшения жилищных условий.²

Благотворительную помощь пенсионерам-ветеранам ОАО «РЖД» оказывает путем предоставления им льгот и компенсаций, которые закреплены в коллективных договорах. Сегодня в отрасли

---

¹ Благотворительный фонд «Транссоюз». Режим доступа: www.bfts.ru

² Корпоративный социальный отчет ОАО «РЖД». Режим доступа: http://rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5085

таких граждан насчитывается порядка 700 тыс. человек, что составляет около 2% всех пенсионеров России. В соответствии с Коллективным договором на 2014-2016 годы акционерное общество обеспечивает неработающим пенсионерам, не имеющим права на негосударственное пенсионное обеспечение, бесплатный проезд в поездах дальнего следования, пригородного сообщения, оплату топлива, высокотехнологичного и дорогостоящего лечения, зубопротезирования. Осуществляются разовые выплаты к праздникам, предоставляется возможность пройти лечение в отраслевых санаториях. С января по октябрь 2014 года эта помощь была оказана 276 тыс. человек.

В 2012 году 396 одиноким пенсионерам — инвалидам 1 группы предоставлялась дополнительная адресная помощь в виде патронажа. В зависимости от потребностей она включала в себя покупку продуктов, медицинское сопровождение и индивидуальный уход. С этой ролью эффективно справлялись дорожные и региональные отделения Российского Красного Креста, сотрудники которых предоставляли ветеранам квалифицированную медицинскую помощь.

Оказывая поддержку ветеранам и пенсионерам, ОАО «РЖД» тесно сотрудничает с Благотворительным фондом «Почет». Фонд является социальным оператором, который адресно и эффективно реализует социальные гарантии, предусмотренные Коллективным договором компании. Он создан в 1999 году и за пятнадцать лет своей работы оказал поддержку более 1 млн. человек.

Составной частью Фонда является Единая отраслевая система персонифицированного учета ветеранов отрасли, которая позволяет:

- вести постоянный мониторинг с целью прогнозирования видов, объемов и параметров социальной поддержки пенсионеров и ветеранов железнодорожного транспорта;
- оказывать материальную помощь пенсионерам-ветеранам централизованно, своевременно и в полном объеме;
- обеспечить адресность и прозрачность в выплате материальной помощи за счет того, что средства, предназначенные к выплате пенсионеру-ветерану, зачисляются на его персональный счет, открытый им в любом банке.¹

Благотворительную помощь пенсионерам-ветеранам РЖД оказывает при тесной поддержке и инициативе профсоюзных

---

¹ Благотворительный фонд «Почет». Режим доступа: www.pochet.ru/about.html

организаций и коллективов железнодорожных предприятий. Стало традицией накануне Дня Победы на предприятиях железнодорожного транспорта страны поздравлять своих ветеранов и тружеников тыла. С этой целью организуется целый комплекс праздничных мероприятий, в рамках которых каждый ветеран получает памятные подарки. В их честь проводятся праздничные концерты с чаепитием, где ветераны могут не только пообщаться, но и вспомнить военные годы и свои любимые песни. А если кто-то из пенсионеров в силу возраста или по состоянию здоровья не может прибыть на праздничные мероприятия руководители тех предприятий, где они проработали долгие годы, приезжают к ним в гости и лично поздравляют с наступающим праздником.

Также работники железнодорожного транспорта во всех филиалах и структурных подразделениях компании проводят весенние трудовые субботники, посвященные празднику Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Так, в апреле 2012 года в субботниках приняли участие около 420 тыс. работников компании. Заработанные средства были направлены на помощь ветеранам железнодорожного транспорта.¹

Накануне празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. родилась инициатива локомотивных бригад депо Пенза Куйбышевской магистрали провести 70 поездов к 70-летию Великой Победы. Данную инициативу выдвинул машинист электровоза Сергей Гоштынар, который предложил в ходе акции не только почтить память погибших, но и оказать реальную помощь железнодорожным пенсионерам, перечислив заработок за поездку в фонд ветеранов. 21 января 2014 г. со станции Пенза-1 отправился первый поезд в рамках акции «70 поездов к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне».² Начинание С. Гоштынара поддержали коллеги с других дорог сети, в том числе Северной. В эксплуатационном локомотивном депо Лоста машинисты и помощники присоединились к акции и провели первые грузовые составы на Данилов и Бабаево.

Проведенное исследование внедрения в общественно-политическую практику нашей страны института КСО позволяет сделать вывод о том, что широкое распространение этого процесса оказывает существенное влияние на механизм реализации социальной политики. Наряду с государством ее активным

---

¹ Корпоративный социальный отчет ОАО «РЖД». Режим доступа: http://rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5085

² Пошли поезда в поддержку ветеранов войны // Гудок 29.01.2015 г.

проводником становится бизнес в лице крупных компаний. Это подтверждает анализ социально-ответственной деятельности государственной корпорации ОАО «РЖД».

Ее пример показывает, что основными формами участия бизнеса в социальной политике выступает корпоративная социальная политика и благотворительная деятельность. При этом на современном этапе участие хозяйствующих субъектов в социальной политике отличается от практики советского периода. Особенность заключается в том, что представителями менеджмента фирм самостоятельно разрабатываются и реализуются социальные программы и проекты развития социальной инфраструктуры, материальной поддержки работников и пенсионеров. Одновременно совместно с профсоюзами вырабатываются правила и формы контроля за расходованием выделяемых на социальные цели средств.

Таким образом, внедрение КСО связано с решением ряда экономических и политических задач. Его экономическое назначение в том, что КСО выступает инструментом воспроизводства социальной среды, необходимой для устойчивого развития национального бизнеса и эффективного использования человеческого капитала. При этом опыт показывает, что социальная ответственность бизнеса в долгосрочной перспективе не является убыточной практикой для компании, а, напротив, может принести предприятию определенные финансовые выгоды. Его политическая роль заключается в том, что, поддерживая диалог и согласие в обществе, КСО, во-первых, создает условия жизнеспособности и эффективности конструктивного взаимодействия власти и гражданского общества, во-вторых, участвует в обеспечении политической стабильности, являющейся гарантом легитимности власти.

Библиография

1. Еремина Д.А. Государственная политика как фактор формирования социальной ответственности бизнеса в современной России: Автореф. дис. канд. полит. наук.– Спб., 2012.

2. Евлаев А.Н. Взаимодействие бизнеса и государства в современной России: на примере железнодорожной отрасли: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2010.

3. Перегудов С.П. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии/ С.П. Перегудов, И.С. Семененко; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Прогресс-Традиция, 2008., с. 70-73

4. Благотворительный фонд «Почет»: www.pochet.ru

5. Благотворительный фонд «Транссоюз»: www.bfts.ru

6. Портал ОАО «РЖД»: <http://rzd.ru/>
7. Сорокина А.В., Фионова К.В. Корпоративная социальная ответственность — учебное пособие студентов «Экономика», «Менеджмент», «Управление персоналом». М.МИИТ,2015 Сорокина А.В., Басыров М.А.

References

1. Eremina D.A. State policy as a factor in the formation of social responsibility of business in modern Russia: Author's abstract. Dis. Cand. polit. sciences. — St. Petersburg, [Gosudarstvennaya politika kak faktor formirovaniya social'noj otvetstvennosti biznesa v sovremennoj Rossii], 2012.

2. Evlaev A.N. Interaction of business and the state in modern Russia: on an example of railway branch: the author's abstract. Dis. cand. polit. sciences. [Vzaimodejstvie biznesa i gosudarstva v sovremennoj Rossii: na primere zheleznodorozhnoj otrasli], M., 2010.

3. Peregudov S.P. Corporate Citizenship: Concepts, World Practices and Russian Realities [Korporativnoe grazhdanstvo: koncepcii, mirovaya praktika i rossijskie realii] / S.P. Peregudov, I.S. Semenenko; Institute of World Economy and Intern. RAS relations. Moscow: Progress-Traditsiya, 2008., p. 70-73

4. Charitable Foundation «Pochet»: www.pochet.ru

5. The «Transsoyuz» Charitable Foundation: www.bfts.ru

6. Portal of ОАО «RZHD» <http://rzd.ru/>

7. Sorokina AV, Fionova K.V. Corporate social responsibility is a textbook of students "Economics", "Management", "Personnel Management" [Korporativnaya social'naya otvetstvennost' — uchebnoe posobie studentov «EHkonomika», «Menedzhment», «Upravlenie personalom»]. MMIT, 2015 Sorokina AV, Basyrov MA

ДЕНИСОВА
Галина Сергеевна,
доктор социологических наук,
профессор Южного федерального
университета, Ростов-на-Дону,
Россия
denigs@aaanet.ru

DENISOVA
Galina Sergeevna,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Southern Federal
University, Rostov-on-Don, Russia
denigs@aaanet.ru

БИНЕЕВА
Наталья Камильевна,
кандидат социологических
наук, доцент ФНИСЦ РАН,
Южнороссийский филиал,
Ростов-на-Дону, Россия
n.bineeva@gmail.com

BINEEVA
Natalia Kamilievna,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Scientific
Secretary, FNISC RAS, South
Russian Branch, Rostov-on-Don,
Russia
n.bineeva@gmail.com

ВОЙТЕНКО
Валерия Петровна,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Южного федерального
университета, Ростов-на-Дону,
Россия
leravvp@mail.ru

VOYTENKO
Valery Petrovna,
Candidate of Philosophy, Senior
Researcher of Southern Federal
University, Rostov-on-Don, Russia
leravvp@mail.ru

ХАЧЕЦУКО
Заур Махмудович
кандидат философских наук,
доцент, научный сотрудник,
Институт социологии РАН,
Южнороссийский филиал Ростов-
на-Дону, Россия
xzm@list.ru

KHACHETSUKOV
Zaur Makhmudovich
Candidate of Philosophy, Associate
Professor, Research Associate,
Institute of Sociology RAS, South
Russian Branch, Rostov-on-Don,
Russia
xzm@list.ru

**Взаимодействие органов власти с научными организациями
в процессе регулирования межэтнических отношений на Юге
России / Interaction of authorities with scientific organizations in
the process of regulation of interethnic relations in the South of
Russia**

Аннотация

В статье анализируются представления о регулировании межэтнических отношений на Юге России, сложившиеся в научном сообществе. Авторы систематизируют точки зрения отечественных исследователей относительно взаимодействия органов власти с научным сообществом в сфере регулирования межэтнических отношений, их отношения к роли региональных и муниципальных органов власти, выделяют основные причины, ограничивающие полномочия региональной власти и муниципалитетов в вопросах регулирования межэтнических отношений. По результатам проведенного анализа авторы делают вывод о необходимости передачи функций регулирования межнациональных отношений на уровень региональной власти и органов местного самоуправления. По их мнению, такой подход будет способствовать предупреждению формирования социальной напряженности на почве межэтнических взаимодействий, а также росту авторитета региональных органов власти и органов местного самоуправления.

Ключевые слова

Межэтнические отношения, Юг России, научное экспертное сообщество, органы региональной власти, муниципалитеты, гармонизация межэтнических отношений.

Annotation

The article is reviewed that views on the regulation of interethnic relations in the South of Russia, which have developed in the scientific community. The authors systematize the points of view of domestic researchers regarding the interaction of authorities with the scientific community in the sphere of regulation of interethnic relations, their relationship to the role of regional and municipal authorities, identify the main causes that limit the powers of regional authorities and municipalities in the regulation of inter-ethnic relations. Based on the results of the analysis, the authors conclude that it is necessary to transfer the functions of regulating interethnic relations to the level of regional authorities and local self-government bodies. In their opinion, such an approach will help to prevent the formation of social tensions on the basis of interethnic interactions, as well as the growth of the authority of regional authorities and local self-government bodies.

Key words

Interethnic relations, South of Russia, scientific expert community, regional authorities, municipalities, harmonization of inter-ethnic relations.

Централизация управления в России и связь проблем межэтнических отношений с концепцией федеративного устройства определили федеральное ведение рассмотрения основных вопросов регулирования этнокультурного развития и межэтнических отношений. Важным политическим достижением постсоветской политики было введение экстерриториального принципа организации национально-культурных обществ (автономий) для удовлетворения этнокультурных потребностей населения. Вместе с тем, активизация гражданских инициатив и стимулирование развития институтов гражданского общества требуют осмысления идеи расширения зоны ответственности органов местного самоуправления в сфере регулирования межэтнических отношений. Важным условием такого подхода является постоянное и тесное взаимодействие региональных органов власти и органов местного самоуправления с научными организациями, национально-культурными автономиями и другими общественными организациями по данным вопросам.

Следует отметить, что в современной отечественной научной литературе особое внимание уделяется взаимодействию органов власти с научными и общественными организациями в процессе регулирования межэтнических отношений на Юге России. Так, роль таких акторов, как государственная власть, национальные движения, научные, национально-культурные и общественные организации, в процессе регулирования межэтнических отношений на Юге России исследуют М.А. Аствацатурова, В.А. Тишков, Л.Л. Хопёрская¹. По мнению исследователей, эффективное развитие южно-российского региона возможно только при условии сплочения северокавказского сообщества на базе традиционных и общероссийских ценностей при обозначении интересов русских, северокавказских народов и диаспор. В качестве основополагающих факторов позитивного сценария называются «укрепление федеральной власти, законности и правопорядка; эффективное функционирование СКФО в

---

¹ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов в Северо-Кавказском регионе.

целях снижения региональной конфликтогенности, обеспечения безопасности, борьбы с криминалитетом и коррупцией; ликвидация террористической опасности; дезавуация экстремистских настроений; нейтрализация национализма, ксенофобии»¹.

Р.Х. Усманов и Н.М. Тажиев справедливо отмечают, что никакие формальные институциональные практики гармонизации межнациональных отношений не будут иметь положительного эффекта без конфликтологической экспертизы социально-политических проблем и рисков, угроз региональной безопасности². Следовательно, управление межэтническими отношениями — поле взаимодействия не только акторов, наделенных субъектностью (например, представителей федеральных и региональных элит), но и акторов, изучающих управленческие практики. Проще говоря, управление межэтническими отношениями — это ещё и поле научной деятельности профессиональных социологов, регионоведов, конфликтологов, политологов, психологов, так как решение многих проблем межнациональных и межэтнических отношений тесно связано с изменением глубинных структур общественной самоорганизации, устранением причин и условий, способствующих этнонациональным конфликтам, напряженности, осуществлению террористической деятельности³. Эффективность диалога государственной власти, научных, культурных и общественных организаций на Юге России подчеркивают также А.Ю. Шадже и С.А. Ляшева⁴. Авторы педалируют идею совершенствования имеющихся нетрадиционных диалогических институтов в обществе и формирования новых в соответствии с требованиями современности. Так, по мнению А.Ю. Шадже и С.А. Ляшевой, «отсутствие диалога между учеными, между властью и интеллигенцией, между властью и наукой подрывает творческий потенциал общества, создает напряженность в обществе, тормозит его развитие и воспроизводство»⁵.

М.А. Аствацатурова и Т.А. Казиев рассматривают этнические диаспоры в качестве основных акторов, обеспечивающих

---

¹ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов в Северо-Кавказском регионе. С. 241.

² Усманов Р.Х., Тажиев Н.М. Конфликтогенные факторы и новые вызовы этнополитической стабильности южных регионов России и Прикаспия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 188–197.

³ Гурба В.Н., Фокин Н.И. Этнонациональные факторы терроризма // Вестник непрерывного образования. 2015. № 1. С. 42–52.

⁴ Пивоев В.М. Этнос и нация: проблемы идентификации. С. 129–137.

⁵ Пивоев В.М. Этнос и нация: проблемы идентификации. С. 135.

продвижение идей межнационального согласия и сотрудничества на межгосударственном уровне, а также содержание и формы социальных связей с исторической родиной. В частности исследователи акцентируют внимание на роли адыгской (черкесской) диаспоры в странах Западной и Восточной Европы. По мнению исследователей, значение института этнических диаспор Юга России в Европе состоит не только в создании благоприятного имиджа российской культуры за рубежом, но и в укреплении ценностей, традиций внутри страны, в поддержании социального диалога между различными этническими общностями Юга России методами публичной дипломатии¹.

Процесс регуляции межэтнических отношений в России и на Юге России реализуется также в сфере этнокультурного образования. На это указывают многие исследователи. Хотя перспективы и потенциал этнокультурного образования рассматриваются неоднозначно. В частности, некоторые исследователи выступают за устранение регионального принципа организации содержания образования и установление единых государственных стандартов образования на всей территории России².

Критический анализ современной отечественной научной литературы по данной теме позволяет констатировать, что российское научное сообщество активно поддерживает взаимодействие органов власти с научными организациями в процессе регулирования межэтнических отношений на Юге России. Однако, подключение к регуляции межэтнических отношений институтов социализации, прежде всего — образования, является зоной скрытой напряженности, на что обращает внимание В.В.Черноус: «Реформа образования в этом смысле носит деструктивный характер, она не учитывает ни интересов русского народа, ни других народов. Равенство культур и народов может быть только правовым и пропорционально-финансовым. Может русская культура по своему весу быть равной чеченской или аварской? Кроме того, о культуре других народов представители народов

---

¹ Тохтабиева А.Р., Аствацатурова М.А. Адыгская (черкесская) диаспора как субъект современного культурного процесса: северокавказские и европейские проекции // Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. и круглого стола, 29 октября 2015 г. / редкол.: Р.М. Петрунева, Н.В. Дулина [отв. ред.], Е.В. Ануфриева, Н.А. Овчар. Волгоград, 2015. С. 81–84.

² Гранин Ю.Д. Этнос, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования. М., 2007. С. 153.

России почти ничего не знают (в отличие от СССР)»¹.

В доктрине Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года регулирование межэтнических отношений увязывается с фундаментальными проблемами нациестроительства и оптимизации модели федеративного устройства России. Сложность и многомерность этих вопросов обуславливает обращение к практикам зарубежного опыта. В демократических политических режимах таких стран, как США и Германия, эти вопросы переданы на уровень местного самоуправления. Здесь они находятся в совместном ведении муниципалитетов и институтов гражданского общества. А как же этот подход реализуется в России и непосредственно на Юге России?

Накопленный научный потенциал в регионах Юга России (функционирование здесь академических институтов, университетов, научных лабораторий в сфере анализа социально-политических и социокультурных процессов) позволяет предположить наличие широких возможностей для совместного решения проблем межэтнических взаимоотношений. Однако эксперты отмечают не востребованность их разработок региональными органами власти². Периодически региональная власть обращается к ученым, но, скорее, не для анализа реальных проблем, а для выполнения требований со стороны федеральной власти (напомним, что в рекомендованном Правительством РФ Плане мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года отдельным пунктом стоит проведение постоянного мониторинга межэтнических взаимоотношений). Во всех субъектах есть общественные палаты, экспертные советы, которые регулярно рассматривают эти проблемы. Концепции, стратегии в регионах разрабатываются с привлечением экспертов. Но политические практики реализуются сугубо бюрократически. Экспертная работа и политические практики лежат в разных плоскостях³.

Однако эта практика имеет различные вариации в разных регионах. Например, в Ставропольском крае такая практика на протяжении многих лет имеет не формальный, а содержательный характер. Но в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-

---

¹ Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 323.

² Там же. С. 330-331.

³ Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 332.

Алании, Калмыкии, Адыгеи, Астраханской и Ростовской областях наблюдается либо полное отсутствие связи региональной власти и экспертного сообщества, либо фрагментарность такой работы¹. Как отмечает профессор А.В. Баранов, на словах региональные органы власти ориентированы на привлечение ряда экспертов к обоснованию региональной этнополитики, но не на позицию равноправного сотрудничества. Примерами такого асимметричного взаимодействия могут выступать различные разовые мероприятия и только по инициативе властей: мероприятия Центра национальных культур Кубани, телепередачи о формировании межэтнического и межконфессионального сотрудничества, участие национально-культурных автономий в Общественной палате края, научные конференции и «круглые столы», которые финансируются органами власти, и в мероприятиях которых участвуют госслужащие².

Эту же ситуацию описывает профессор В.Л. Волгин, отмечая, что в Калмыкии время от времени проводятся научные конференции, заседания круглых столов по тем или иным вопросам, связанным с национальной политикой. На этих мероприятиях присутствуют представители власти, научного сообщества, принимаются резолюции, рекомендации, которые тем или иным образом используются властями в дальнейшей управленческой практике (например, в области поддержки калмыцкого языка). Региональная власть привлекает научные организации для проведения опросов населения об отношении граждан к ситуации в межэтнической, религиозной сфере. Но в целом, если согласование и происходит, то оно не носит системного характера. В составах постоянно действующих совещательных, консультативных органов при власти, связанных с вопросами национальной политики и межэтнических отношений, доминируют чиновники, священники, лидеры этнокультурных организаций, нежели ученые³.

Профессор В.М. Викторин подчеркивает прагматичную мотивацию региональных органов власти: «Органы власти обычно только «заказывают» нужные им исследования, и требуют за это быстрого и приемлемого им результата, даже искажённого, с минимумом критических замечаний и предложений»⁴.

---

¹ Там же. С. 273.

² Там же. С. 273.

³ Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016 С. 273.

⁴ Там же С. 273.

Опыт взаимодействия экспертов с органами региональной власти показывает, что к ученым обращаются только в случае, если ситуация выходит за пределы шаблона, что требует самостоятельного принятия решений.

Основное большинство конфликтных ситуаций, которые обнажают межэтническую напряженность, происходит на повседневном, бытовом уровне жизни, в локальных сообществах. Поэтому логично активное включение органов общественного самоуправления (муниципального) в управление сферой межэтнических отношений и предупреждения конфликтных ситуаций, взаимодействие в этой сфере с региональными органами власти. По вопросу существующих полномочий органов местного самоуправления в современной научной литературе сложились две точки зрения: одна группа ученых полагает, что этих полномочий достаточно, другая — утверждает обратное.

Так, В.Х. Акаев, И.М. Сампиев, В.Н. Нехай и Е.А. Щербина указывают, что в настоящее время муниципалитетам существенно расширили полномочия в сфере регулирования межэтнических отношений. А.Х. Боров фиксирует реальное противоречие: «Согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» органы местного самоуправления имеют большие полномочия в решении проблем укрепления межнационального и межконфессионального согласия, развития языков и культуры народов, проживающих на данной территории. Однако в реальной действительности они мало что решают. Роль местного самоуправления в регулировании межэтнических отношений можно повысить с помощью дополнительных правовых актов и увеличения финансовых возможностей»¹. В.Л. Волгин и В.Н. Нехай указывают на то, что эти полномочия оказываются не реализованными². Муниципалитеты не в полной мере используют свои возможности, перекладывая ответственность либо на федеральные/региональные власти, либо на конкретных людей в лице представителей этнических групп. В условиях экономического спада возможности муниципалитетов уменьшились, но, тем не менее, есть примеры эффективных управленцев и хозяйственников, сумевших при содействии региональных властей локализовать межэтническую напряженность между местным населением и курдской диаспорой (например, глава МО «Красногвардейский

---

¹ Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 280.

² Там же 280-281.

район» Адыгеи В. Тхитлянов)¹.

Другая группа экспертов, напротив, указывает на отсутствие достаточных полномочий у муниципалитетов в сфере решения проблем межэтнических отношений, которые возникают на почве землепользования, контроля над хозяйственной деятельностью мигрантов, утверждения общих норм бытового общежития, влияния на продажу участков и домов мигрантам. Так, А.В. Баранов полагает, что возможно органы местного самоуправления не должны стремиться к решению этих вопросов, так как это не их уровень полномочий и предметов ведения, а скорее, краевой. Иначе можно устроить хаос в земельной или жилищной политике, когда одни муниципалитеты будут только запрещать, а другие только разрешать. Нужен модельный региональный закон о миграционной политике и об этнополитике, они должны быть согласованы между собой. Лучше финансировать низовое звено МВД (участковых, уполномоченных, паспортные службы, судебных приставов), так как любой этнический конфликт начинается на локальном уровне². Слабость органов местного самоуправления в этой сфере отмечает А.Х. Боров: «Самостоятельно решать структурные проблемы, вызывающие межэтническую напряженность, муниципальные власти не могут, ввиду недостаточности полномочий, ресурсов и воли. Повысить роль местного самоуправления можно через развитие местной демократии. Но это зависит от меры демократизации региональной политики. А это зависит от меры демократизации политической жизни в стране в целом»³.

И.М. Сампиев подчеркивает финансовую несамостоятельность местных органов власти как главный фактор их слабой активности. По мнению исследователя муниципалитеты в основном не имеют серьезной финансовой основы и потому не могут самостоятельно решать структурные социально-экономические проблемы (землепользования, контроля за хозяйственной деятельностью, утверждения общих норм бытового общежития, выделения участков, реализации федеральных и региональных социальных программ). Собственно, межэтническая напряженность в данном случае сигнализирует о социальной напряженности как таковой, хотя и имеет субъективную сторону (этнические стереотипы,

---

¹ Там же С. 280-281.

² Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 281.

³ Там же С. 281.

состояние интернационального воспитания, противодействие ксенофобии и т.п.). Для усиления роли местного самоуправления в регулировании межэтнических отношений нужно, в первую очередь, усилить финансовую основу его деятельности, во-вторых, самостоятельность в решении социально-экономических задач¹.

Систематизация и анализ точек зрения отечественных исследователей позволяет сделать вывод о том, что передача функции регулирования межнациональных отношений на уровень региональной власти и муниципалитетов (органов местного самоуправления) в России востребован. Такой подход действительно может способствовать предупреждению формирования социальной напряженности на почве межэтнических взаимодействий, а также росту авторитета региональных органов власти и органов местного самоуправления. Однако в настоящее время даже наличные полномочия не всегда реализуются региональной властью и муниципалитетами. Основными препятствиями выступают:

1) недостаточная активность региональной власти в сфере привлечения научного сообщества, национально-культурных автономий, институтов гражданского общества к решению проблем межнациональных отношений;

2) низкий уровень финансовой самостоятельности муниципалитетов, что не позволяет на местах решать назревшие вопросы (например, не сокращать штат участковых, выделять ресурсы на обучение мигрантов русскому языку и др.);

3) централизация власти, отсутствие полномочий у органов местного самоуправления для решения вопросов землепользования, регулирования миграции и т.д.

4) недостаточная профессиональная подготовка специалистов региональных органов власти и муниципалитетов в сфере межэтнических отношений.

---

¹ Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 281-282.

Библиография

1 Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов в Северо-Кавказском регионе. С. 241.

2 Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов-на-Дону, 2015.

3 Волков Ю.Г. Социальная имитация в контексте социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011. Сер. Имитация

4 Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования. М., 2007. С. 153.

5 Гурба В.Н., Фокин Н.И. Этнонациональные факторы терроризма // Вестник непрерывного образования. 2015. № 1. С. 42–52.

6 Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016.

7 Пивоев В.М. Этнос и нация: проблемы идентификации. С. 129–137.

8 Тохтабеева А.Р., Аствацатурова М.А. Адыгская (черкесская) диаспора как субъект современного культурного процесса: северокавказские и европейские проекции // Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. и круглого стола, 29 октября 2015 г. / редкол.: Р.М. Петрунева, Н.В. Дулина [отв. ред.], Е.В. Ануфриева, Н.А. Овчар. Волгоград, 2015. С. 81–84.

9 Усманов Р.Х., Тажиев Н.М. Конфликтогенные факторы и новые вызовы этнополитической стабильности южных регионов России и Прикаспия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 188–197.

REFERENCES

1. Astvatsaturova MA, Tishkov VA, Khopyorskaya LL Conflictological models and monitoring of interethnic conflicts in the North Caucasus region. 241.
2. Volkov Yu.G., Vyalykh NA, Degtyarev AK, Lubsky AV, Posukhova O.Yu., Serikov AV, Chernobrovkin I.P. value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure. Rostov-on-Don, 2015.
3. Volkov Yu.G. Social imitation in the context of social transformations. Rostov-on-Don, 2011. Ser. Imitation
- 4 Granin Yu.D. Ethnoses, the national state and the formation of the Russian nation: The experience of philosophical and methodological research. M., 2007. P. 153.
- 5 Gurba V.N., Fokin N.I. Ethnonational Factors of Terrorism // Bulletin of Continuing Education. 2015. No. 1. P. 42-52.
- 6 National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience: monograph / otv. Ed. SOUTH. Volkov. - M .: Socio-Humanitarian Knowledge, 2016.
- 7 Pivoyev V.M. Ethnos and the Nation: identification problems. Pp. 129-137.
- 8 Tokhtabieva AR, Astvatsaturova MA Adygskaya (Circassian) diaspora as a subject of the modern cultural process: North Caucasian and European projections // Socio-cultural space of the South of Russia: interethnic and interconfessional interaction: materials Vseros. scientific-practical. Conf. and the round table, October 29, 2015 / rare: R.M. Petruneva, N.V. Doolin [responsible. Ed.], E.V. Anufrieva, N.A. Ovchar. Volgograd, 2015. pp. 81-84.
- 9 R. Usmanov, NM Tazhiev. Conflict factors and new challenges to the ethnopolitical stability of the southern regions of Russia and the Caspian Sea // The Caspian region: politics, economy, culture. 2013. No. 3 (36). Pp. 188-197.

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

RUSSIAN WORLD: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

КСЕНОФОНТОВ

*Владимир Владимирович,
кандидат философских наук,
Московский институт
государственного
и муниципального
управления, Москва
kvvmvoky173@mail.ru*

KSENOFONTOV

*Vladimir Vladimirovich,
Candidate of Philosophical
Sciences
State University of
Management
Moscow, Russia
kvvmvoky173@mail.ru*

Генетический компонент русского мира и его особенности/ The genetic component of the Russian world and its features

Аннотация

В статье раскрываются генетический и социокультурные аспекты русского мира, обосновываются основные этапы его развития, подчеркивается потребность связи государства и церкви в условиях формирования духовности у граждан России.

Ключевые слова

Русский мир; Россия; религия; генезис; духовность; нравственность; культура; церковь; Патриарх Московский и Всея Руси; война; армия; патриотическая идея; мир; христианство.

Abstract

The article reveals genetic and socio-cultural aspects of the Russian world, justifies the main stages of its development, emphasized the need of the connection of Church and state in the conditions of formation of spirituality of Russian citizens.

Keywords

Russian world; Russia; religion; Genesis; spirituality; morality; culture; Church; Patriarch of Moscow and All Russia; war; army; Patriotic idea; the world; Christianity.

Русский мир как социокультурный феномен имеет свой характерный генетический компонент. Он указывает на то, что образование и развитие русского мира опирается на духовную общность и многовековую историю. В этом аспекте русский мир имеет свой синтезирующий духовный корень, объединяющий три братских народа — русский, украинский, белорусский. Он генетически представлен в православии как важной составляющей их духовной жизни.

Так, еще Н.О. Лосский, обращая внимание на данную проблему, отмечал в своем труде «Характер русского народа»: «Основная наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царствии Божием».¹

Весьма емко и образно эта идея отражена в положении академика Д.С. Лихачева. Он отмечал, что Россия с самого начала своей истории создавалась как единая страна, как фундамент русского мира. В книге «Русская культура» Д.С. Лихачев подчеркивает: «Когда Владимир Мономах закладывает Успенский собор в Киеве (1073 г.), в Смоленске (1101 г.), в Суздале (1101 г.), во Владимире (1108 г.), в Чернигове (вскоре после 1113 г.) — он закрепляет центр и границы Руси... Одинаковые по посвящению Успению и по внутренним соотношениям храмы в середине кремлей в разных концах Руси необходимы для «преодоления пространства», для закрепления единства Руси»².

В сложные периоды жизни, в условиях острых социальных противоречий население России, да и всего русского мира, нередко искало выход в приобщении к религии, к таким ее ценностям как добро, сострадание, долг, милосердие и др.

Религиозность занимала важное место в духовной жизни российского общества. Этому в немалой степени способствовала система разветвленных религиозных храмов. Достаточно сказать,

---

¹ Лосский Н.О. Условие абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991, с. 240.

² Цит. по: Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014, № 3, с. 43.

что на территории дореволюционной России действовало 78 тысяч православных храмов, 25 тысяч мечетей, более 6 тысяч синагог, 4,4 тысячи католических костелов, более 2 тысяч церквей в Грузии и Армении.¹

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, подчеркивая роль Церкви в духовной жизни российского общества, отмечает: «Люди, вдохновляемые христианским идеалом, понимая значение веры, Церкви, делают все для того, чтобы поддержать, в том числе и ее высшее, материальное бытие... Мы глубоко благодарны всем тем, кто в этот особый период истории Русской Церкви содействует возрождению святынь, а значит и утверждению непререкаемого духовного авторитета, который Церковь основывает не на человеческом факторе, а на Божественном откровении»².

Нельзя не обратить внимание на то, что на протяжении отечественной истории религия оказывала нравственно-воспитательное воздействие на людей. Особое значение в этой связи приобретает духовный выбор русского народа, воплощенный через православную веру в идеале «Святая Русь». По своей сущности он представлял нравственный идеал, предполагающий приоритет духовного над материальным.

Принятие Русью в 988 г. христианства от Константинополя имело большое историческое, социокультурное и духовно-нравственное значение для народа и перспектив развития государства. Такое явление в свою очередь означало, что представления о происхождении и сущности отечества и феномена патриотизма как важнейшего слагаемого целостного понимания духовности ориентированы на трактовку восточной Церкви. Православная церковь в России исторически до XVII в. обладала монопольным правом на трактовку широкого понимания духовных ценностей общества, в том числе и патриотических. При этом безусловной ценностью провозглашался «мир небесный», по сравнению с «миром земным».

XVII век в истории нашей страны характеризуется постепенным освобождением духовной жизни общества от жесткого давления церковной идеологии. Православная церковь постепенно лишается монопольного права на «производство» господствующих в общественном сознании идей», хотя и сохраняет значительное

---

¹ Из истории цивилизации и современной религии // Отв. ред. Ш.М. Мунчаев. М., 1997. С. 78.

² Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 5-го Великого поста после Литургии в Троицком храме в п. Филимонки г. Москвы // Скажите, пожалуйста. 2015, № 17, с. 5.

воздействие на него.

Наиболее рельефно такое направление проявилось в жизненно важной для духовной жизни России на всех исторических этапах развития проблеме, какой выступает патриотическая идея. Государственная власть рассматривала патриотическую идею не только в системе общемировоззренческих представлений Церкви о «мире земном» и «мире небесном», но и как феномен политической, философско-социологической и этической мысли. Внимание государственной власти России в этой связи концентрировалось на «земном обществе».

В 30-40-х гг. XIX в. русская православная церковь приняла участие в активном обсуждении популярной в тот период концепции «просвещенного абсолютизма». Следует подчеркнуть, что в границах официальной духовной жизни российского общества весьма активно соединяются светские и церковные трактовки в такой проблеме, какой выступили основы государственного патриотизма.

Однако, русская православная церковь, одобряя место и роль государственного патриотизма в духовной жизни общества, высказывала свою позицию о соотношении элементов «триады». Она, во-первых, по существу не считалась с отводимой ей властью обслуживающей ее роли в союзе церкви и престола. Во-вторых, церковь не соглашалась с отношением к религии всего лишь как к простому средству для «привязывания» человека к своей родине. Церковь в свою очередь отдавала приоритет именно православию как духовному феномену, а не государству.

Поиск новых подходов к различным концептуальным воззрениям русской православной церкви и ее идеологов активно осуществлялся во второй половине XIX века.

Особое значение рядом из них, с учетом конкретной социально-политической ситуации в России конца XIX начала XX в., придавалось категории морали — патриотизму. «Любовь к отечеству, — отмечал известный православный богослов М.А. Олесницкий, — есть любовь к стране, в которой мы живем, любовь ... к народу, к которому мы принадлежим, к его нравам и обычаям, любовь, наконец, к государственному организму нашего народа и к верховному главе государства»¹.

Православное учение о христианском патриотизме весьма широко и активно применялось в официальной пропаганде в ходе Первой мировой войны. Примечательна в этой связи и трактовка тех

---

¹ Олесницкий М.А. Нравственное богословие или христианское учение о нравственности. Киев, 1892, с. 288.

или иных государств и их политики в войне. Так, территориальные претензии России к Турции выкристаллизовывались в форму священной войны «креста и полумесяца». В свою очередь Германия представлялась для всех граждан России не только в образе военного противника, но и как родина К. Маркса и Ф. Энгельса, которые стремились установить землю без неба, а человека без Бога, как страна, где духовной ценностью в качестве господствующего и противного православию выступало лютеранство.

Православные взгляды достаточно наглядно реализовывались в такой социально-политической проблеме как война и мир. Так, в книге «Война и воины на службе Господней» дается безоговорочная трактовка о «пользе войны». В этом труде она видится в том, что «война поддерживает в людях все великое, все благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость и мешает им впасть в самый ужасный материализм...»¹.

Важное место в религии и ее функционировании в истории России занимает связь церкви с армией. Достаточно глубоко это положение раскрыто в выступлении Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла в честь 700-летия преподобного Сергия Радонежского. «Преподобный Сергий сыграл значительную роль в становлении русской государственности и «собрании земель» Москвой — подчеркнул Патриарх. Так, известны его «миротворческие походы», когда преподобный Сергий отправился в дальние места, чтобы смирить гордыню сворящих меж собой князей и склонить их к миролюбию. Самый известный из них был совершен пешком из Троице-Сергиева монастыря в Нижний Новгород.

Перед Куликовской битвой игумен обители на горе Маковец дал благословение великому князю Дмитрию Ивановичу и православному воинству, идущему сражаться с ордынцами»².

Патриотическое и нравственное воспитание воинов российской армии до 1917 г. в значительной степени строилось на православной основе. Его важнейшими структурно-организационными компонентами выступали институт военного духовенства, богословие, труды о вероучении, государстве, морали, армии, ритуалы приведения молодых солдат к присяге, освещение новых элементов и штандартов, полковых, корабельных, батальонных и эскадронных образов и т.д.

Отечественные военачальники периода Первой мировой войны дали позитивную оценку духовно-нравственной и патриотической

---

¹ Война и воины на службе Господней.// СПб, 1912, с. 135.

² Цит. по: Россия православная // Скажите, пожалуйста.2014. № 15-16. С. 5-6.

деятельности представителей церкви. Так, известный полководец генерал А.А. Брусилов, характеризуя особенности боев русской армии в 1915 г., отмечал: «В тех жутких контрастах среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры — то полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робким простым евангельским словом и поведением...»¹.

В этой связи следует отметить, что стойкость и мужество военного духовенства в годы Первой мировой войны не остались незамеченными. Подтверждением его ратных подвигов служат конкретные факты. Так, только по неполным данным священникам было вручено 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 288 орденов Св. Владимира 3-й степени с мечами, 543 ордена Св. Анны 2-й и 3-й степеней с мечами. Всего же за проявленное мужество и героизм в годы Первой мировой войны более 1200 военных священников получили государственные награды².

Религия сыграла важную роль в истории нашего Отечества в годы войны с фашистской Германией. Это было связано, во-первых, с тем, что в Отечественной войне 1941-1945 гг. Церковь оказалась вместе с народом, разделила его боль и страдание, поражения и победы. Многие служители Церкви находились непосредственно в действующей армии или в партизанских отрядах и за боевые заслуги были удостоены различных правительственных наград. Важнейшей сферой деятельности Церкви был также сбор денежных средств в фонд Красной Армии. За годы войны на нужды фронта собрано по приходам более 200 млн. рублей.

Активную патриотическую деятельность развернули в этот период представители других религиозных конфессий. В частности, армяно-григорианской церковью были собраны денежные средства на танковую колонну имени Давида Сасунского, а евангельские христиане-баптисты собрали средства на транспортный самолет³.

Во-вторых, в тяжелые годы войны значительное количество людей обратилось к вере. Вместе с тем Православная Церковь вселяла в своих обращениях к ним веру и надежду на победу над врагом, призывала любить Отечество и напоминала о героическом пути наших предков на поле Куликовом и Бородинском.

---

¹ Цит. по: Пчелинцев А.В. Русское армейское и флотское духовенство накануне и в годы Первой мировой войны (опыт религиозно-нравственного и патриотического воспитания) // В кн.: Религия и национализм. М.: Ин-т религии и права, 2000. С. 40.

² Кандидов Б. Империалистическая война и религия. М., 1933. С. 22.

³ См.: Петрий П.В. Духовные истоки победы в битве на Курской дуге. В кн.: 70-летие Победы в Курской битве и безопасность современной России. //М.: Военный университет МО РФ, 2014, с. 198.

В-третьих, на расширение роли религии в годы войны повлиял внешнеполитический фактор. Стремясь упрочить антигитлеровскую коалицию, наше правительство использовало воздействие церкви в развитии международных связей с общественными, в том числе и теми религиозными организациями, которые выступали в поддержку СССР в борьбе с фашизмом.

Так, 4 сентября 1943 года состоялась встреча в Кремле И.В. Сталина с высшими иерархами Русской Православной Церкви. Она положила начало диалогу и сотрудничеству государственной власти и церкви. 8 сентября 1943 года в Москве состоялся Архиерейский собор, который избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и Всея Руси. При Патриархе был воссоздан Священный Синод. В январе-феврале 1945 года был проведен Поместный Собор. Правительство дало согласие на открытие духовных семинарий и академий для подготовки кадров священнослужителей.

В настоящее время необходимо непредвзято анализировать роль религии в духовной жизни российского общества. И в первую очередь в формировании нравственных ориентаций личности, в исторической и реальной сущности религиозных основ русского менталитета.

За последнее время в нашей стране происходит активное воздействие религии на духовную жизнь личности и всего российского общества. «Сегодня, основываясь на данных социологических опросов, — подчеркивал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, — можно с уверенностью сказать, что большинство россиян доверяют Православной Церкви и либо принадлежат к ней по крещению, либо ощущают духовное родство с ней через традиции и национальную культуру».¹ Это обстоятельство ведет к взаимосвязи Церкви и общества на основе религиозно-нравственных ценностей, способствует духовной устойчивости русского мира. В наше время заметно возросла активность церквей, духовенства в различных сферах общественной жизни. В современных условиях возрождается церковная благотворительность, целью которой становится особое нравственное отношение и внимание к беженцам и вынужденным переселенцам, жертвам экономических и социально-политических потрясений, катастроф и военных конфликтов.

В стране появились первые больницы, детские дома и дома престарелых, находящиеся под церковным патронатом, ее духовным воздействием. Развивается присутствие Церкви в Вооруженных

---

¹ Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Россия. Духовное возрождение. М., 1999, с. 62.

Силах, частях и учреждениях МЧС и МВД, местах заключения, где люди особенно нуждаются в милосердии, добре, сострадании.

Расширились международные связи, усилилась благотворительная деятельность, увеличилось количество церквей и монастырей, духовных учебных заведений, воскресных школ. В числе переданных Церкви сооружений такие памятники истории и духовной жизни граждан, как Данилов монастырь, Оптиная пустынь, Соловецкий комплекс, Толгский монастырь и др. Восстановлен храм Христа Спасителя в Москве; реставрируются и восстанавливаются прежде разрушенные церковные сооружения, строятся новые церкви.

Следует также обратить внимание на внешний аспект проблемы. Он обнаруживается в том, что развитие коммуникативных связей в современном мире между Россией и другими государствами привело к массовому проникновению в нашу страну религиозных воззрений, по существу, не имеющих ни гносеологических, ни социально-психологических основ. Общество «Кришны», сомнительные восточные сектантские направления, заокеанские миссионеры протестантизма, «белые братства», «общества сатаны», «Духовное возрождение» и другие аномальные религиозные направления и учения приобретают опасный характер экспансии из-за рубежа. Наметилась опасная тенденция, связанная с тем, что десятки россиян, преимущественно молодежи, воюют на стороне крайнего исламизма и национализма, находятся в отрядах террористов.

Наряду с такими негативными явлениями в сфере религии, проявляется и позитивная тенденция. Она связана с тем, что в России и в целом русском мире, происходит взаимодействие церкви и государства, особенно в области культуры. В наше время возрастает роль церкви в деле единства русского мира. Именно ей принадлежит значительная роль в сохранении культурных традиций, представлений о морали, чувств гражданственности и патриотизма, проповеди любви и верности Отечеству. В истории России всегда народом с глубоким уважением почитались видные представители православной церкви, которые своим словом и личным примером свершили благородные деяния для своего народа, служили нравственным образцом. Особенно высоко почитаем в России и русском мире воспитатель и устроитель России, ее величайший подвижник и духовный хранитель Сергей Радонежский. «Его мудрое и твердое слово наставника, — отмечал Президент РФ В.В. Путин, — было духовной опорой, поддержкой в тяжелый период иноземного нашествия и внутренних раздоров. Именно тогда прозвучали его пророческие слова: «Любовью и единством спасемся». И этот

призыв, наполненный непоколебимой верой, послужил объединению русских земель, навсегда вошел в душу нашего народа, в нашу историческую память. Масштаб и влияние личности преподобного Сергия отразились не на одном поколении, не на одной эпохе»¹.

И в России, и за рубежом Церковь выступала и выступает на страже русской культуры, родного языка, традиций и русской самобытности в условиях мира и взаимопонимания всех народов планеты. Нельзя не отметить, что Церковь всегда активно боролась с бездуховностью, сквернословием, насилием над духовным миром человека, аморализмом в обществе.

В многомерном русском мире в современной России возрастает число людей, приобщающихся к светской и религиозной культуре, расширяющих свой кругозор. Вместе с тем церковь активно включается в общекультурные процессы глобального и регионального уровней. Так, всенародными праздниками стали Дни славянской письменности и культуры, Рождественские, Пасхальные, Крещенские торжества.

Политики, государственные и общественные деятели, ученые, работники культуры и служители церкви совместно решают проблемы сохранения и развития национальной культуры, сближения культуры русского мира, ее взаимодействия с мировой.

Внутри российского общества взаимодействие между государством и церковью идет по ряду направлений, опираясь на организационные основы совместных комиссий и комитетов. Среди них такие, как: деятельность по реставрации и возвращению в строй уникальных историко-культурных памятников, осуществление научно-культурных экспедиций; регулярное проведение совместных культурных, творческих акций, конкурсов, фестивалей. Церковь активно сотрудничает в деле борьбы с наркоманией, алкоголизмом, безнадзорностью, преступностью; способствует формированию, особенно у молодежи, культуры межнациональных и межконфессиональных отношений, борьбы с экстремизмом и национализмом².

Особенно следует подчеркнуть, что за последние годы активизировалась социальная направленность деятельности церкви. Такая ее деятельность проявляется в том, что в большинстве храмов появились социальные работники, по всей России широко

---

¹ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на праздновании 700-летия преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде // Скажите, пожалуйста. 2014, № 15-16, с. 4.

² См. подр.: Москва. Россия. Русский мир: социологический очерк. М.: НИЦ «Академика», 2012, с. 76-79.

развивается церковное социальное служение, помощь женщинам. Достаточно сказать, в настоящее время в стране работает более 50 церковных центров защиты материнства, 27 церковных приютов для женщин с детьми и беременных в кризисной ситуации, 26 из которых созданы в последние пять лет. В Церкви работают около 30 центров гуманитарной помощи, более чем в 25 епархиях ведется консультирование женщин в женских консультациях¹.

Библиография

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991
2. Бессонов Б. Русские мыслители о характере русского народа // Жизнь национальностей. 2014, № 3
3. Москва. Россия. Русский мир: социологический очерк. М.: НИЦ «Академика», 2012, с. 76-79.
4. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на праздновании 700-летия преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде // Скажите, пожалуйста. 2014, № 15-16
5. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Россия. Духовное возрождение. М., 1999
6. Из истории цивилизации и современной религии. // Отв. ред. Ш.М. Мунчаев. М., 1997.
7. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 5-го Великого поста после Литургии в Троицком храме в п. Филимонки г. Москвы // Скажите, пожалуйста. 2015, № 17
8. Олесницкий М.А. Нравственное богословие или христианское учение о нравственности. Киев, 1892
9. Война и воины на службе Господней. // СПб, 1912

References

1. Lossky N.O. Conditions of absolute good: The fundamentals of ethics. The nature of the Russian people. [Uslovija absoljutnogo dobra: Osnovyj etiki. Harakter russkogo naroda.] M., 1991
2. Bessonov B. Russian thinkers about the nature of the Russian people [Russkie mysliteli o haraktere russkogo naroda] / / Life of nationalities. 2014, No. 3
3. Moscow. Russia. Russian world: a sociological essay. [Rossija. Russkijmir: sociologicheskijocherk.]M .: Research Center "Akademika", 2012, 76-79 p.

---

¹ См.: Не убивай // На Западе Москвы. 2015, № 26/370, 10-16 июля, с. 12.

4. Speech of the President of the Russian Federation Vladimir Putin and Putin at the celebration of the 700th anniversary of St. Sergius of Radonezh in SergievPosad[Vystuplenie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina na prazdnovanii 700-letija prepodobnogo Sergija Radonezhskogo v Sergievom Posade] // Tell me, please. 2014, No. 15-16

5. Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. Russia. Spiritual rebirth. [Patriarh Moskovskij Vseja Rusi Aleksij II. Rossija. Duhovnoe vozrozhdenie.] M., 1999

6. From the history of civilization and modern religion [Iz istorii civilizacii sovremennoj religii] // Otv. Ed. Sh.M. Munchaev. M., 1997.

7. Word of His Holiness Patriarch Kirill on the 5th Great Lent's Week after the Liturgy in the Trinity Church in the village of Filimonka, Moscow [SlovoSvjatejshegoPatriarhaKirilla v Nedelju 5-go VelikogopostaposleLiturgii v Troickomhrame v p. Filimonki g. Moskv] // Tell me, please. 2015, No. 17

8. Olesnitsky, M.A. Moral theology or the Christian doctrine of morality. [OlesnickijM.A. Nravstvennoe bogoslovie ili hristianskoe uchenie o npravstvennosti] Kiev, 1892,

9. War and warriors in the service of the Lord. [Vojna i voiny na sluzhbe Gospodnej] / St. Petersburg, 1912

СОЦИОЛОГИ ЮГА РОССИИ

SOCIOLOGISTS OF THE SOUTH OF RUSSIA

АПЕРЯН

*Анна Валериевна,
Аспирант Института
социологии и
регионоведения,
Южный федеральный
университет
Ростов-на-Дону, Россия
a.v.aperyan@yandex.ru*

APERIAN

*Anna Valerievna,
Graduate student,
Institute of sociology and
regional studies, Southern
Federal University
Rostov-on-Don, Russia
a.v.aperyan@yandex.ru*

Развитие кадрового потенциала опорных зон Арктического региона Российской Федерации: вызовы и пути решения/Development of human resources of support zones of the Arctic region of the Russian Federation: challenges and ways of solutions

Аннотация

В статье рассматривается необходимость обращения большего внимания России к укреплению позиций в Арктике, поскольку этот регион представляет сосредоточение интересов страны во многих сферах.

В арктических регионах России реализуются большие инфраструктурные проекты, идет интенсивный поиск и разработка новых месторождений газа, нефти и других минерально-сырьевых ресурсов, строятся крупные транспортные и энергетические объекты. Одна из приоритетных задач нашей страны в этом регионе — создание и развитие опорных зон, в рамках которых уже на основе существующей инфраструктуры будет создана новая функциональная транспортная система, дополнительные драйверы развития получат экономика нашего Севера и проекты социальной направленности.

Ключевые слова

Арктика; опорные зоны; кадровый потенциал; социальная инфраструктура.

Abstract

The article concerns the necessity for Russia to pay more attention to the strengthening of the position in the Arctic, as this region represents the concentration of the interests of the country in many areas.

In the Arctic regions of Russia large infrastructure projects are being implemented. They include intensive prospecting and development of gas and oil fields and the deposits of mineral resources. Of similar importance is the construction of large transport and energy facilities. One of the nation's priorities in this region is the creation and development of support zones, where on the basis of the existing infrastructure a new functional transport system will be built while economic drivers and social projects connected with the development of the region, will receive additional support. Also much attention in the article is given to formation social potential for the development of the Arctic support zones.

Keywords

Arctic; support zones; human resources; social infrastructure.

В настоящее время существует потребность оценивать состояние и степень решения проблем, которые стоят перед человечеством. Наиболее пристальное внимание приковано к Арктическому региону, его ресурсной базе, человеческому капиталу, развитию Северного морского пути, как наикротчайшей транспортной магистрали, которая соединяет Западную Европу и Восточную Азию.

Подготовка молодых кадров для работы в Арктическом регионе невозможна в реализации без носителей новых знаний, амбициозных людей, желающих себя реализовать. Так же как и перевооружение, строительство новых предприятий и заводов, возможно, делать только при использовании новых технологий, приобретения станочного оборудования и в тоже время это не имеет никакого смысла, если нет подготовленных и мотивированных людей. Точно также и Арктика — сюда невозможно зайти без новых технологий строительства жилья, техники и транспорта, добычи полезных ископаемых, которыми богата арктическая земля — но это государство может осуществить только при наличии кадрового

потенциала. Этот вопрос сегодня является одним из важнейших в социально-экономическом развитии Арктического региона нашей страны. Но при этом, для того, чтобы привлечь человеческий ресурс, необходимо создать соответствующие условия и социальную инфраструктуру.

Наряду со всеми этими вопросами также отметим то, что при освоении Арктики необходимо особую роль в этом отвести коренным малочисленным народам, проживающим в макрорегионе. Данной проблеме уделяется серьезное внимание. Об этом можно судить по ряду резолюций и документов ООН, различных международных конференций, которые проводятся на самом высоком уровне, а также большому количеству фундаментальных исследований. Особое внимание к данной проблеме возникает у всего мирового сообщества. Об этом свидетельствует тот факт, что 21 декабря 1993 года Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция о проведении с 10 декабря 1994 года по 10 декабря 2004 года Международного десятилетия коренных народов мира, цель которого — организовать международное сотрудничество в решении проблем, стоящих перед коренными народами в таких областях, как права человека, окружающая среда, развитие, образование, культура и здравоохранение.

Важно отметить, что люди, живущие в арктическом регионе, являются для нашей страны конкурентным преимуществом по отношению к другим странам, входящих в циркумполярный мир. На территории российской Арктики проживают более 40 народов численностью около 245 тысяч человек. В настоящее время существует положительная динамика демографического роста среди малочисленных народов Севера. И задача государства заключается в том, чтобы поддержать народы, повысить развитие сельского хозяйства, ведь положение народов осложнено неприспособленностью их традиционного образа жизни к современным экономическим условиям.

Усилив внимание к социально-экономическим аспектам жизни аборигенных народов, Россия сможет укрепить свои стратегические позиции в арктическом регионе, развить как транспортную инфраструктуру, так и научно-образовательную.¹

Серьезным препятствием в освоении арктического региона являются экстремальные природные и социально-бытовые условия. Поэтому во многом происходит постоянный недостаток трудовых

---

¹ Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3-х томах / Рос. совет по межд. делам [под общей редакцией И. С. Иванова]. — М.: Аспект Пресс, 2013 — 360 с.

ресурсов.

9 марта 2016 года в г. Мурманск во время заседания Государственной комиссии по вопросам развития Арктики Министерством экономического развития Российской Федерации было выдвинуто предложение по осуществлению территориального подхода к развитию макрорегиона путем формирования восьми опорных зон по соответствующим субъектам Российской Федерации. Развитие опорных зон — это, по сути, большой системообразующий проект.

Но такой подход и реализация арктических проектов значительно отличается от любых других неарктических. Существует ряд признаков, которые характеризуют сугубо арктическую специфику:

1. Комплексность — интегрированные подходы.
2. Абсолютная взаимосвязь с инфраструктурным обустройством, то есть, в данном случае можно отметить, что хозяйственный рост базируется на инфраструктурной оснащенности.
3. Двойное назначение региона — оборонное и гражданское.
4. Сочетание стационарного режима работы, а также работа вахтовым способом.
5. Сезонность и ресурсный цикл, который задает ритм опорным зонам.
6. Использование традиционного знания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.¹

Учитывая все эти факторы, возможно сформировать экономически взаимовыгодные отношения в различных сферах экономики, а также предполагать многостороннее развитие территорий, включающее в себя:

1. Строительство жилья.
2. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры.
3. Развитие авиационных и железнодорожных узлов.
4. Расширение сектора переработки грузов транспортных проектов, связанных с добычей, переработкой и транспортировкой углеводородов и других полезных ископаемых на рынки азиатско-тихоокеанского региона
5. Строительство новых газо- и нефтехимических комплексов и сырьевых зон.

---

¹ Пилиясов А. Н. Сравнительный анализ решения социальных проблем в регионах Российского Севера. // Российский Север: траектория и перспективы социального развития. М.: КНОРУС. 2006. Том 2. С. 792—811.

6. Создание новых рабочих мест, что является ключевым.¹

Одним из приоритетных направлений стратегического развития Арктики является формирование рациональной и устойчивой системы расселения и создание условий для социально-экономического развития, главным образом, путем реализации крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов.

Виду особых масштабов макрорегиона целесообразно изменить основной подход к принципам пространственного расселения. При реализации конкретных инвестиционных проектов, которые локализуются в зонах опережающего экономического развития, необходимо координировать привлечение трудовых ресурсов. Для таких территорий Арктической зоны Российской Федерации, как Мурманская область, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Норильский промышленный район и некоторые прибрежные районы Чукотского автономного округа, целесообразно формирование зон устойчивого развития и создание трех типов районов расселения:

1. Городских агломераций, как опорных структур расселения и районов максимальной концентрации населения.
2. Локальных систем расселения в зонах нового освоения.
3. Систем расселения отдельных районов, в пределах которых формирование устойчивых систем расселения будет обусловлено стратегическими геополитическими условиями.

Для остальных территорий перспективными направлениями сохраняются такие формы пространственной организации системы расселения как производственно-обусловленные (это применимо в целом для сельского расселения) и регулярная сеть присутствия, организованная по принципу сетевых поселений.²

Развитие городов арктического региона необходимо осуществлять на основе укрепления социально-экономических и других связей образующих их групп муниципальных районов, формирования межмуниципальных структур управления инфраструктурой межмуниципального значения (транспортной, информационно-коммуникационной, энергетической, инженерной). Важно отметить такие главные аспекты, как перспективное развитие социальной сферы, которое предусматривает:

---

¹ Коренные малочисленные народы Дальнего Востока: труд и занятость.- Хабаровск: Из-во ДВГУГС, 2001.- 123 с.

² Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов Российской Арктики // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. — Вып. 141. — 23 с.

1. Развитие и модернизацию объектов социальной инфраструктуры.

2. Восстановление системы государственных социальных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в Арктической зоне Российской Федерации.¹

3. Обеспечение в полном объеме мер социальной поддержки и социального обслуживания, которые предусматриваются законодательством Российской Федерации, а также законодательством субъектов РФ и долгосрочными целевыми программами.²

Неотъемлемую роль в социально-экономическом развитии региона играет экономика знаний. На данный момент в стране существует определенная нехватка специалистов в различных отраслях, инновационный потенциал задействован недостаточно. По разным оценкам в России инновационных проектов и идей используется не более 10%, тогда как около 95% в Японии и порядка 60% в США. Несмотря на это, на Севере нашей страны существует мощная база для формирования экономики знаний.

На российском Севере действует большое количество научных организаций, в том числе 8 центров Российской академии наук, в состав которых входят 46 научно-исследовательских институтов, также там расположены десятки отраслевых НИИ. По данным Федеральной службы государственной статистики, в районах Севера и приравненных к ним местностях функционирует 212 государственных и муниципальных высших учебных заведений, в которых обучается более 300 тысяч студентов.³ Но помимо высшего образования не стоит забывать и о среднем профессиональном. Дефицит таких рабочих специальностей, как: монтажники, линейщики, механики, судоводители и др., влечет за собой дополнительные затраты на привлечение работников со всех регионов нашей страны. Вахтовый способ широко используется в работе на Севере, но имеет определенные минусы. Предприятия несут расходы по обеспечению проживания, питания и транспортировке сотрудников. При этом,

---

¹ Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография / Ю.Ф. Лукин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. Ломоносова. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. — 281 с.

² Павленко В.И. Проблемы и перспективы социально-экономического развития Арктической зоны России с позиции обеспечения национальной безопасности // V Северный социально-экологический конгресс, 22–23 апреля 2009 г., Москва.

³ Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3-х томах / Рос. совет по межд. делам [под общей редакцией И. С. Иванова]. — М.: Аспект Пресс, 2013 — 360 с.

важно учитывать тяжелые климатические условия, к которым могут быть не готовы люди, в связи с этим часто меняющийся состав бригад необходимо дополнительно обучать и интегрировать во все рабочие процессы.

Преимущество Арктической зоны России в том, что там проживает наибольшее количество коренного населения, в отличие от зарубежного Севера. Тот человеческий потенциал, который у нас существует необходимо использовать для эффективного развития, как в социальном плане, так и в экономическом.¹

Ввиду определенного недостатка образовательной инфраструктуры в отдаленных районах Севера значительная часть населения, как молодежь, так дети школьного возраста не имеют возможности получить полноценного образования. И этому аспекту целесообразно уделить особое внимание.

Стоит отметить то, что в арктических регионах существует однообразие и нехватка образовательных учреждений, в отличие от северных регионов.

Случается, что на весь район есть только одно или два учебных заведения либо среднего, а в лучшем случае высшего звена. При этом номенклатура специальностей весьма узкая, в связи, с чем у молодых людей возникают трудности в трудоустройстве. Отсюда, как следствие, происходит отток молодого населения, безработица и социальная деградация.²

Эти проблемы необходимо решать и активно подключать государственное регулирование. Очень важно развивать арктический регион в социально-демографическом аспекте. Поэтому, на долгосрочную перспективу, необходимо разработать концепцию по развитию научно-образовательной базы.

Крупные университеты Севера должны открывать свои филиалы в отдаленных районах с разнообразным перечнем факультетов. С новой силой должны функционировать и расширять номенклатуру специальностей средне специальные учебные заведения. Все это позволит готовить специалистов разного профиля и квалификации, возможна даже целевая подготовка кадрового потенциала для тех предприятий, которые ведут свою деятельность в арктическом регионе, что позволит постепенно отказаться от вахтового метода работы и формирования постоянного штата сотрудников, в том

---

¹ Коренные малочисленные народы Дальнего Востока: труд и занятость.- Хабаровск: Из-во ДВГУГС, 2001.- 123 с.

² Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3-х томах / Рос. совет по межд. делам [под общей редакцией И. С. Иванова]. — М.: Аспект Пресс, 2013 — 360 с.

числе и из числа коренных жителей.

В свою очередь, произойдет снижение оттока населения, увеличение занятости молодежи, что способствует социально-экономическому развитию макрорегиона. Только университеты могут создавать постиндустриальное, инновационное общество.

В нынешней экономической ситуации особенно важно создать условия для сохранения кадрового потенциала регионов Севера и Арктики. Для этого необходимо не только обеспечить подготовку кадров для северных регионов, но и принимать меры для закрепления кадров там, через решение социальных вопросов:

1. Предоставление жилья.
2. Повышение доступности социальных услуг, образования и здравоохранения.
3. Развитие и удешевление транспортных услуг.
4. Обеспечение доступности поездок в южные и центральные регионы страны.

Наука — это тот политический инструмент, который может быть мощной скрепой для объединения государства. Экономика северных территорий требует поиска собственных инновационных путей развития, в частности, тех научных направлений, которые необходимы для арктического региона. Сегодня имеются серьезные перспективы в области фармакологии, изучения морской флоры и фауны. Например, мировой рынок фармацевтической продукции в 5 раз превышает рынок вооружений и продолжает расти. Разворот нашей экономики может осуществляться в сфере биотехнологий — создания мобильных производств биологически активных добавок, производства ферментов, микроэлементов. В мире эта отрасль активно развивается, и традиционные занятия северян в этом контексте будут сильно востребованы.

Для формирования единого интеллектуального пространства арктического региона нужен системный подход, в том числе интеграция существующего научного и организационного потенциала. Необходима специальная программа по широкому внедрению информационных технологий во все сферы, в том числе социальную, что улучшит коммуникативные связи между населенными пунктами и жителями Севера, повысит качество их жизни.¹

---

¹ Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации // Научно-информационный бюллетень — Выпуск №9 — Апр., 2009 — с. 17.

Библиография

1. Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3-х томах / Рос. совет по межд. делам [под общей редакцией И. С. Иванова]. — М.: Аспект Пресс, 2013 — 360 с.

2. Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов Российской Арктики // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. — Вып. 141. — 23 с.

3. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока: труд и занятость.- Хабаровск: Из-во ДВГУГС, 2001.- 123 с.

4. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография / Ю.Ф. Лукин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. Ломоносова. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. — 281 с.

5. Лукин Ю. Ф. Современная ситуация в Арктике в контексте глобальных трендов / Ю. Ф. Лукин. // Арктика и Север. — 2014. — №16 — С. 41-71.

6. Павленко В.И. Проблемы и перспективы социально-экономического развития Арктической зоны России с позиции обеспечения национальной безопасности // V Северный социально-экологический конгресс, 22–23 апреля 2009 г., Москва.

7. Пилясов А. Н. Сравнительный анализ решения социальных проблем в регионах Российского Севера. // Российский Север: траектория и перспективы социального развития. М.: КНОРУС. 2006. Том 2. С. 792—811.

8. Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации // Научно-информационный бюллетень — Выпуск №9 — Апр., 2009 — с. 17.

References

1. Indigenous peoples of the Far East: labour and employment.- Khabarovsk: DVGUPS, 2001.- 123 p.

2. Klokov K. B., Krasovskaya T. M., Yamskov A. N. The problems of transition to sustainable development of the resettlement areas of indigenous peoples of the Russian Arctic // Research in applied and emergency Ethnology. — M.: Institute of Ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences, 2000. — Vol. 141. — 23 p

3. Lukin Y. F. Modern situation in the Arctic in the context of global trends / Y. F. Lukin. // Arctic and North. — 2014. — No. 16: Pp. 41-71.
4. Lukin Y. F. Russian Arctic in a changing world: monograph / Y. F. Lukin; Northern (Arctic) Federal University — Arkhangelsk: the CPI NARFU, 2013. — 281 p.
5. Pavlenko V. I. Problems and prospects of socio-economic development of the Arctic zone of Russia to a position of national security // V Northern social-ecological Congress, 22-23 April 2009, Moscow.
6. Pilyasov A. N. Comparative analysis of solving the social problems in the regions of the Russian North. // Russian North: trajectory and prospects of social development. M.: KNORUS. 2006. Part 2. p. 792-811.
7. Problems of the North and the Arctic of the Russian Federation / Research newsletter — Issue No. 9 — APR., 2009 — p. 17.
8. The Arctic region: Problems of international cooperation: a reader in 3 parts / Russian international Affairs Council [under the General editorship of I. S. Ivanov]. — M.: Aspect Press, 2013 — 360 p.

АСЛАНОВ
Яков Андреевич
Старший Научный Сотрудник
Института социологии и
регионоведения,
Южный федеральный
университет
Ростов-на-Дону, Россия
aslanov07@gmail.com

ASLANOV
Yakov Andreevich
Senior Researcher
Institute of sociology and
regional studies, Southern
Federal University
Rostov-on-Don, Russia
aslanov07@gmail.com

Патриотическое воспитание современной российской молодежи: теоретико-методологические аспекты исследования и проблемы реализации¹ / Patriotic education of modern russian youth: theoretical and methodological aspects of research and implementation problems

Аннотация

Авторская позиция исходит из того, российское общество в существенной мере подвержено негативным внешним воздействиям, на ряде уровней возникает угроза утраты идентичности. Современное российское общество не только претерпевает воздействие общемировых глобализационных процессов, но и само по себе пребывает в стадии становления и развития, что связано со сравнительно недолгой историей существования Российской Федерации и глубоким кризисом, имевшим место на заре ее возникновения. В представленной статье содержится анализ и оценка теоретических проблем, связанных с патриотическим воспитанием молодежи. Автор считает, что патриотизм выступает в качестве одной из защитных функций общества, проявляющейся в стремлении к сохранению структуры общества, самостоятельности культуры и целостности политической структуры.

---

¹ Статья выполнена в рамках реализации проектной части Государственного задания (Министерство образования и науки РФ), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации».

Ключевые слова

Российская молодежь; патриотизм; идентичность; глобализация.

Abstract

The author's position is based on the fact that Russian society is significantly exposed to negative external influences, at a number of levels there is a threat of loss of identity. Modern Russian society not only undergoes the impact of global globalization processes, but also in itself is in the stage of formation and development, which is associated with the relatively short history of the existence of the Russian Federation and the deep crisis that occurred at the dawn of its emergence. The presented article analyzes and assesses theoretical problems related to patriotic education of youth. The author believes that patriotism acts as one of the protective functions of society, manifested in the desire to preserve the structure of society, the independence of culture and the integrity of the political structure.

Keywords

Russian youth; patriotism; identity; globalization.

Современный этап развития российского общества связан с глубокими и достаточно интенсивными структурными изменениями. Он представляет собой стадию адаптации и реорганизации общественной структуры, что связано с необходимостью выхода российского общества из состояния кризиса и важностью повышения его конкурентных качеств на мировом политическом и экономическом уровнях. Трансформация общественной структуры предполагает временный выход основных социальных институтов из состояния согласованности и максимальной эффективности, что делает российское общество в существенной мере подверженным негативным внешним воздействиям, на ряде уровней возникает угроза утраты идентичности.

Современное общество пребывает в переходном состоянии, что проявляется в непрерывном изменении условий существования и внутренней структуры основных социальных институтов. Меняются структурные связи, изменению подвержен также и масштаб социальных взаимоотношений. Это определяет особые условия фор-

мирования социального сознания¹. В ряде аспектов можно судить о наличии противоречия между структурой локального общества и общемировыми тенденциями развития, что находит отражение на уровне внутрисоциальных конфликтов, дисфункции отдельных социальных институтов, а также проявляется в форме утраты культурной идентичности, а также политической и экономической самостоятельности отдельными обществами. На фоне этих процессов реализуется непрерывная адаптация локальных социальных систем, причем существует два основных вектора социальных изменений — включение в мировую социальную систему и обособление от нее. Это проявляется на уровне всплесков национального, религиозного, культурного самосознания, возникновения антиглобалистических организаций, а также в форме целенаправленного закладывания представителями власти структурных оснований общества, определяющих его независимость. На фоне этих процессов все большую актуальность приобретает проблема общественной, политической и культурной идентичности, выраженной на уровне социального сознания отдельных людей. При этом, в зависимости от уровня развития общества можно судить о более или менее благоприятных условиях для сохранения его внутренней структуры².

Современное российское общество не только претерпевает воздействие общемировых глобализационных процессов, но и само по себе пребывает в стадии становления и развития, что связано со сравнительно недолгой историей существования Российской Федерации и глубоким кризисом, имевшим место на заре ее возникновения. В этом смысле можно судить о том, что современное российское общество имеет широкий спектр проблем, еще не разрешенных в полной мере, что негативно сказывается на условиях формирования социального сознания и определяет высокий уровень подверженности его основных структурных элементов внешним воздействиям³. В этих условиях тематика патриотизма приобретает высокую степень актуальности. Вместе с тем, различные слои населения в разной степени подвержены внешним деструктивным факторам. Кроме того, отдельные социальные группы об-

---

¹ Арутюнян К. С. Становление кризисных тенденций общественного сознания в трансформирующемся обществе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №5.

² Асланов Я.А. Теоретические проблемы исследования патриотизма российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9. С. 174-181.

³ Арутюнян К. С. Становление кризисных тенденций общественного сознания в трансформирующемся обществе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №5.

ладают различной степенью влияния на социальную ситуацию. В этом отношении молодежь представляет собой социальную группу, обладающую высоким уровнем активности (что непосредственно определяет ее значение в развитии общества). По этой причине исследование основных проблем формирования патриотизма в среде молодежи представляет собой одно из приоритетных направлений отечественного социологического дискурса.

Внимания заслуживает специфика процессов формирования патриотической ориентированности в рамках данной социальной группы. По этой причине нами будет произведено общее рассмотрение основного спектра проблем, с которыми связано развитие патриотизма в современном российском обществе, а также постановка и исследование основных теоретических вопросов, связанных с тематикой развития патриотизма в среде молодежи¹.

Поскольку речь идет о социологическом исследовании проблемы, одной из первостепенных задач является внесение понятийной определенности, способствующей более точному раскрытию исследуемой проблемы. Кроме того, необходимо прояснение основных сфер приложения понятия «патриотизм» на уровне социальной структуры. В частности, требует постановки и разрешения вопрос об отношении патриотизма к государственной структуре, что на детализированном уровне предполагает рассмотрение отношения современной молодежи к институту государства, ее политического самоопределения². Кроме того, заслуживает внимания общий обзор существующих форм проявления патриотизма в молодежной среде, а также основных проблем и затруднений, связанных с формированием данной конструктивной социальной установки. В частности, существенный интерес представляет отражение актуальной социальной ориентированности молодежи, адекватности социальной рефлексии на уровне данной прослойки общества, основных проблем, связанных с существующими формами отражения идеи патриотизма в социальном сознании. Также исследовательский интерес представляет рассмотрение патриотизма не только в качестве самостоятельного социального явления, но и как элемента внутренней регуляции общественной структуры, в связи с чем требуется произвести определение роли процессов самоорганизации в обще-

---

¹ Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое сознание молодежи Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 58-76.

² Войтенко В.П., Сериков А.В. Молодежная политика в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания глазами молодежи Юга России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2016. Т. 2. № 1 (68). С. 10-18.

стве и значения сознательных регулятивных мер, производимых на уровне государственного управления.

Поскольку тематика патриотизма связана не только с деятельными установками социальной активности, но и с моментом оценки сложившейся ситуации в обществе, одним из важных аспектов проблемы является вопрос о формировании социальных ожиданий в среде молодежи, а также о соответствии или несоответствии складывающейся ситуации в обществе данным ожиданиям.

Рассмотрим логико-категориальный аспект проблемы патриотизма. Понятие «патриотизм» имеет длительную историю применения и традиционно трактуется как любовь к Отечеству. Это понятие кажется самоочевидным, однако, постановка вопроса о том, что следует понимать под отечеством, на деле обнаруживает сложность и проблематичность вопроса¹. Проблема заключается в том, что видение отечества у отдельных людей различно. Два человека, имеющие общую географическую определенность проживания, могут рассматривать отечество в различном масштабе — например, на уровне региона и государства в целом. При этом само по себе отношение государства к отечеству неоднозначно: так, например, выходцы из СССР могут рассматривать в качестве отечества территориальную общность, превышающую границы их государства. И, напротив, может иметь место национальное самосознание малого народа, в рамках которого патриотические настроения будут иметь отношение непосредственно к области проживания представителей конкретной национальности. Иными словами, в зависимости от уровня развития социального самосознания и масштаба самоопределения зависит то, насколько широкую общность человек рассматривает в качестве объекта патриотического отношения.

Всякое общество имеет собственную структуру, определяющую характер и форму протекания реализуемых в нем процессов. В этом отношении, в соответствии с принципами синергетики, можно рассмотреть общество в качестве системы, стремящейся к поддержанию собственной структуры и противодействию негативным внешним воздействиям. При этом на уровне общества реализуется функция воспроизводства, обеспечения и защиты отдельных людей, являющихся носителями его структуры. Осознание этими людьми своей социальной определенности, включенности в систему отношений и взаимную ценность этого взаимодействия предполагает сознательное сопоставление личных интересов с интересами обще-

---

¹ Мазур М. А., Ванюкова Я. А. Эволюция понятий патриотизма и патриотического воспитания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. №4 (43)

ства. Таким образом, патриотизм не следует сводить к оценочному отношению, в основу которого кладется абсолютное полагание исключительности представителей или элементов той или иной структуры. Патриотизм может представлять собой форму осознанного принятия человеком собственной включенности в конкретную систему отношений и признания необходимости сохранения (и развития) этой системы.

Следует отметить, что в современном социокультурном пространстве реализуются процессы, протекающие естественным образом (вне оценки ценности конкретных форм), и направленные на продвижение, или, напротив, вытеснение отдельных типов культурной, социальной или политической организации¹. С точки зрения синергетики эти процессы можно свести к внутренним процессам трансформации системы и воздействию внешней среды, направленному на деструкцию системы и ее поглощение. Таким образом, этическая постановка вопроса об ограниченности патриотизма, как формы социального сознания (в противовес космополитизму), не учитывает момент ценности надындивидуальных форм организации человеческого бытия.

Патриотизм выступает в качестве одной из защитных функций общества, проявляющейся в стремлении к сохранению структуры общества, самостоятельности культуры и целостности политической структуры. В определенной мере можно судить о том, что, чем выше внешняя и внутренняя напряженность в обществе, тем более актуальна проблема патриотизма². По этой причине патриотизм нельзя рассматривать исключительно в морально-этическом ключе. Данное понятие является соотносительным и отражает связь между индивидом и конкретной социальной структурой. Именно в этом ключе, с задействованием общих социологических методов и выделением надындивидуальных структур, выступающих в качестве объекта ценностной ориентированности патриотического отношения, и следует производить исследование рассматриваемой проблемы.

Не всякая форма самоопределения относительно социальной структуры является патриотизмом. Так, например, включенность в деятельность ортодоксальной секты не является патриотической деятельностью, хоть и полагает самоопределение отдельных людей относительно сложившейся социальной структуры. В данном случае речь идет о частном явлении обособления конкретной социальной

---

¹ Тимошенко Т.В. Негативные тенденции современной глобализации // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. №9

² Ахтариева Р. Ф., Мироваев В. К вопросу о патриотическом воспитании // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. №2 (15).

группы, ее противопоставления обществу в целом. Патриотизм есть осознание ценности внутренних структурообразующих принципов общественной организации, сознательное соотнесение человеком собственного существования с интересами общества. Проблема определенности общества (а точнее, невозможности полного определения его границ) представляет собой одно из затруднений точного выявления объекта патриотических настроений. Эта проблема проистекает из того, что общество представляет собой открытую систему, находящуюся в состоянии непрерывного становления.

К числу проблем, характеризующих создание современных патриотических движений, аналитики относят аполитичность молодежи¹. При этом основным вектором направленности современных молодежных организаций является противодействие внутренним и внешним угрозам.

Мотивация представителей данных социальных групп связана с желанием сохранения существующей социальной структуры, в рамках которой представители молодежных объединений видят широкие перспективы. Достаточно серьезную опасность в данном отношении представляет ориентированность молодых людей на борьбу (что требует объекта конфронтации, в качестве которого зачастую выступают виртуальные носители «оранжевой угрозы», либо, в случае радикальных националистических объединений — представители многочисленных народностей, не относящихся к титульной нации). Следует отметить важность сохранения в качестве ценностных ориентиров данных организаций установок на правовую адекватность социальной деятельности, необходимость следования конституционным нормам российского общества.

Отдельного внимания в данном случае заслуживает проблема целостности и адекватности социальной позиции молодых людей. Как было показано выше, патриотическое сознание предполагает момент самоопределения в отношении к социальной системе, при этом, в зависимости от модели общества в сознании отдельных людей могут развиваться как адекватные формы социального мировоззрения, так и различные абстрактные способы отражения социальной действительности. Результатом формирования абстрактного социального сознания становится формирование аксиологических установок, в редуцированной форме отражающих интересы общества. Чаще всего это отражается на уровне возникновения социальных установок, выражающих интересы какой-то конкретной части

---

¹ Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Быкадоров Ю.Г., Колосов В.А., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое воспитание молодежи Ростовской области: проблемы, перспективы и новые подходы. Ростов-на-Дону, 2013.

общества, что представляет собой момент дезинтеграции социальной структуры. Формируются такие формы социального сознания, как радикализм, фундаментализм, в частности — национализм, рассматриваемые самими носителями социального сознания в качестве патриотических и конструктивных по своей направленности форм общественного сознания.

Здесь актуализируется важная теоретическая проблема: существуют различные формы самоопределения членов общества, осознаваемые ими в качестве патриотических. Вместе с тем, существует набор социальных установок, рассматриваемый с позиции государства в качестве конструктивных. Несоответствие между патриотизмом с точки зрения государства и патриотизмом в сознании отдельных членов общества приводит к возникновению многочисленных затруднений в регулировании социальных процессов. Как было уже показано выше, существенную роль в формировании социальной позиции членов общества представляет масштаб их самоопределения. Вместе с тем, осознание включенности в некую социальную общность еще не является залогом конструктивной деятельности в рамках этой структуры, поскольку далеко не всегда участники социальных отношений адекватно осознают приоритетные сферы развития структур, в функционирование которых они включены. В качестве примера можно рассмотреть отношение членов общества к внешнеполитическим отношениям государства, в частности — заключению различных договоренностей или развязыванию внешних конфликтов. Даже среди тех, кто соотносит свою социальную деятельность с интересами государства, могут существовать многочисленные разночтения в вопросе того, какие направления его развития являются наиболее конструктивными. В результате может сложиться ситуация, когда в среде членов общества, положительно ориентированных на его развитие, могут возникнуть разногласия вплоть до выхода на уровень конфликта. Этот принцип реализуется и в отношении проблемы патриотизма: для большинства членов общества патриотическое сознание выступает в качестве положительно оцениваемого способа отношения к обществу. Вместе с тем, трактовка патриотизма отдельными людьми (не только по масштабу, но и по векторам социальной активности) может серьезно различаться. В этой связи проблема согласования социальных установок, имеющих конструктивный потенциал ориентированности на благоприятное развитие общества, имеет существенное значение¹.

---

¹ Досов Ю. Н., Кончугов А. В. Вопросы патриотизма: плюрализм и фальсификации // Армия и общество . 2009. №4.

Обратим внимание на еще один важный аспект проблемы — коллективный характер социального мировоззрения. Формирование определенного типа общественного сознания претерпевает трансформацию от индивидуальных рефлексий над ситуацией в обществе к коллективному ее осознанию, что реализуется посредством активной коммуникации членов общества. На этом уровне проявляется важный принцип: мировоззренческая общность отдельных членов социума представляет собой основание для их объединения в группы различного масштаба. В этом реализуется принцип самоорганизации общества по мировоззренческому основанию.

Независимо от характера социальной позиции, можно судить о том, что в среде молодежи реализуется тенденция к существенному повышению интенсивности развития и организации социальных групп, ориентированных на развитие определенных социальных установок. Иными словами, как конструктивные, так и деструктивные социальные установки находят в среде молодежи широкий отклик и приводят к частичному изменению структуры социальных контактов молодых людей. Следует, однако, отметить, что данные тенденции реализуются только в том случае, когда определенная мировоззренческая позиция непосредственно затрагивает сферу интересов молодежи. Иными словами, политически и социально индифферентные представители молодежи не обнаруживают склонности к организации в группы по основанию социально-политической позиции. Вместе с тем, как отмечают В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, представителям молодежи свойственна экстремальность мировоззренческих позиций: иными словами, молодые люди в куда большей степени, нежели зрелые участники социальных отношений, склонны либо к полной политической индифферентности, либо к крайним проявлениям социальной позиции.

С учетом рассмотренных выше факторов можно определить молодежь в качестве крайне неоднородной в плане социального сознания группы. При этом следует учитывать, что политическая индифферентность также не является конструктивной формой социального сознания, поскольку определяет игнорирование политической тематики, однако не способствует формированию устойчивости от всех опосредованных форм внешнего воздействия на социальное сознание молодых людей. В результате, самоисключаясь номинально из сфер политической активности, такие члены общества, тем не менее, в существенной мере определяют характер социального сознания, по большей части в негативном ключе.

Неосознанность социальной структуры, абстрактное отношение к ней имеет различные формы проявления, что определяет разную

степень деструктивности для общества отсутствия на уровне социального сознания целостной модели общественных отношений. При этом важность имеет не только понимание членами общества взаимосвязанности его структуры, но и осознание ими личной включенности во всю совокупность протекающих процессов, что определяет активность социальной позиции.

Одним из важных следствий гуманитарной образованности представителей молодежи является осознание различия между социальной действительностью и государством¹. Частым заблуждением, ведущим к нарушению социального сознания в молодежной среде, является персонификация социальных проблем, их перенос исключительно в сферу ответственности политической власти. На деле такой подход оправдан лишь частично, поскольку социальная ситуация определяется не только деятельностью института власти, но также рядом других факторов, к числу которых относится внешняя политическая, экономическая и культурная ситуация, состояние основных структурных элементов общества, социальное и политическое сознание его представителей и т.д. Регулирование, производимое на уровне политической власти, процессуально, и не может мгновенно разрешить весь спектр возникающих проблем. Осознание различия между условиями, находящимися в непосредственной зависимости от государства и факторами, определяющими его цели и возможности — одно из важнейших оснований, определяющих адекватную социальную позицию. Таким образом, развитие конструктивной социальной ориентированности в среде молодежи требует развития у них теоретико-методологической базы для осознания окружающей социально-политической реальности. Современная ситуация в среде молодежи далека от идеала — существования множества неформальных объединений, в основании которых лежит превратное толкование социальной ситуации, приводит к тому, что существенная часть представителей молодежи оказывается вовлечена в деятельность, противоречащую интересам общества и государства. Это проявляется на уровне включенности в многочисленные субкультуры, востребованности аксиологических установок контркультуры, приемлемости на уровне социального сознания молодых людей действий, выходящих за рамки правовой деятельности². Это свидетельствует о необходимости принятия комплексной системы

---

¹ Асланов Я.А., Данелюс Д.В. Государственная политика России в сфере патриотического воспитания: анализ эффективности в контексте национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 264-271.

² Хузяхметова В. Ф. Особенности социализации молодежи в культурном пространстве современной России: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2013. №10.

мер по оптимизации социального сознания учащихся.

Подводя итог проведенному рассмотрению, следует отметить, что проблематика воспитания патриотизма обнаруживает высокий уровень сложности и неоднозначности, что связано с комплексным, синтетическим характером основного объекта патриотического отношения. К числу актуальных проблем формирования патриотической ориентированности населения, и, в особенности, молодежи, относится необходимость целостного осознания членами общества окружающей социокультурной ситуации. Несоблюдение этого условия приводит к формированию абстрактной социальной позиции, проявления которой рознятся от неосознанной общественной деятельности, не имеющей четких ориентиров, до организованной, но деструктивной по своей содержательной наполненности социальной активности. Последнее представляет существенную опасность в силу того, что редуцированные модели общества и основных его интересов приводят к возникновению конфликтных отношений¹. Зачастую это связано с недостаточным масштабом социального самоопределения членов общества.

На общем уровне исследователи отмечают высокую степень неоднородности в среде молодежи. Это проявляется на уровне существования носителей крайних политических взглядов и на фоне общей аполитичности современной молодежи. Причина этого состоит в общей характеристике экстремальности молодежи, склонности молодых людей проявлять свою активность на высоком уровне интенсивности.

Проблема формирования патриотических установок социального сознания в среде молодежи обнаруживает связь с широким рядом факторов, определяющих конструктивность общественного сознания. К их числу, помимо целостности и всеобщности социального сознания, относится общий уровень развития основных сфер социальной жизни, эффективность социальных процессов, соответствие ситуации в обществе социальным ожиданиям молодых людей.

---

¹ Кубякин Е. О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность [Текст] / Е. О. Кубякин. — Краснодар: [б. и.], 2014. — 155 с.

Библиография

1. Арутюнян К. С. Становление кризисных тенденций общественного сознания в трансформирующемся обществе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №5.

2. Асланов Я.А. Теоретические проблемы исследования патриотизма российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9. С. 174-181.

3. Асланов Я.А., Данелюс Д.В. Государственная политика России в сфере патриотического воспитания: анализ эффективности в контексте национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 264-271.

4. Ахтариева Р. Ф., Мироваев В. К вопросу о патриотическом воспитании // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. №2 (15).

5. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Быкадоров Ю.Г., Колосов В.А., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое воспитание молодежи Ростовской области: проблемы, перспективы и новые подходы. Ростов-на-Дону, 2013.

6. Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое сознание молодежи Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 58-76.

7. Войтенко В.П., Сериков А.В. Молодежная политика в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания глазами молодежи Юга России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2016. Т. 2. № 1 (68). С. 10-18.

8. Досов Ю. Н., Кончугов А. В. Вопросы патриотизма: плюрализм и фальсификации // Армия и общество . 2009. №4.

9. Кубякин Е. О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность [Текст] / Е. О. Кубякин. — Краснодар: [б. и.], 2014. — 155 с.

10. Мазур М. А., Ванюкова Я. А. Эволюция понятий патриотизма и патриотического воспитания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. №4 (43).

11. Тимошенко Т.В. Негативные тенденции современной глобализации // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. №9

12. Хузяхметова В. Ф. Особенности социализации молодежи в культурном пространстве современной России: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2013. №10.

References

1. Arutyunyan K.S. Formation of crisis tendencies of public consciousness in a transforming society [Stanovlenie krizisnyh tendencij obshchestvennogo soznaniya v transformiruyushchemsya obshchestve]// Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. №5.
2. Aslanov Ya.A. Theoretical problems of the study of patriotism of Russian student youth [Teoreticheskie problemy issledovaniya patriotizma rossijskoj studencheskoj molodezhi]// Socio-humanitarian knowledge. 2015. No. 9. P. 174-181.
3. Aslanov YA, Danelius DV Russia's state policy in the sphere of patriotic education: analysis of effectiveness in the context of national security [Gosudarstvennaya politika Rossii v sfere patrioticheskogo vospitaniya: analiz ehffektivnosti v kontekste nacional'noj bezopasnosti] // Socio-humanitarian knowledge. 2015. No. 11. P. 264-271.
4. Akhtarieva RF, Mirovaev V. On the issue of patriotic education [K voprosu o patrioticheskom vospitanii]// Modern science: actual problems and ways to solve them. 2015. №2 (15).
5. Barbashin M.Yu., Barkov FA, Bykadorov Yu.G., Kolosov VA, Sadko DO, Serikov AV, Chernous V.V. Patriotic education of youth in the Rostov region: problems, perspectives and new approaches [Patrioticheskoe vospitanie molodezhi Rostovskoj oblasti: problemy, perspektivy i novye podhody]. Rostov-on-Don, 2013.
6. Barkov FA, Serikov AV, Chernous V.V. Patriotic consciousness of the youth of the Rostov region [Patrioticheskoe soznanie molodezhi Rostovskoj oblasti]// Humanitarian of the South of Russia. 2013. № 2. P. 58-76.
7. Voitenko VP, Serikov A.V. Youth Policy in the Sphere of Patriotic and Spiritual and Moral Education through the Eyes of the Youth of the South of Russia [Molodezhnaya politika v sfere patrioticheskogo i duhovno-nravstvennogo vospitaniya glazami molodezhi YUga Rossii]// Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2016. T. 2. No. 1 (68). Pp. 10-18.
8. Dosov Yu.N., Konchugov AV Questions of patriotism: pluralism and falsification [Voprosy patriotizma: plyuralizm i fal'sifikacii]// Army and society. 2009. № 4.
9. Kubyakin Ye. O. Foundations of sociological substantiation of the phenomenon of extremism. Extremoparity. [Text] / EO Kubyakin. — Krasnodar: [b. And.], 2014. — 155 p.
10. Mazur MA, Vanyukova YA. Evolution of the concepts of patriotism and patriotic education [Osnovaniya sociologicheskogo obosnovaniya fenomena ehkstremizma. EHKstremparantnost'] // Psychopedagogy in

law enforcement agencies. 2010. № 4 (43).

11. Timoshenko TV Negative tendencies of modern globalization // Izvestiya SFU [Negativnye tendencii sovremennoj globalizacii]. Technical science. 2005. № 9

12. Khuziakhmetova VF. Features of socialization of youth in the cultural space of modern Russia: sociological analysis [Osobennosti socializacii molodezhi v kul'turnom prostranstve sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz] // Theory and practice of social development. 2013. № 10.

ВОЛКОВ
Юрий Григорьевич,
Заслуженный деятель науки
РФ,
д. филос. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ) Ростов-
на-Дону, Россия
ugvolkov@sfedu.ru

VOLKOV
Yury Grigoryevich,
Honored worker of science of
Russian Federation, Doctor of
Philosophy,
Professor, Southern Federal
University (SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia
ugvolkov@sfedu.ru

ДЕНИСОВА
Галина Сергеевна
д. социол. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия
denigs@aaanet.ru

DENISOVA
Galina Sergeevna
Doctor of Sociology,
Professor, Southern Federal
University (SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia
denigs@aaanet.ru

ЛУБСКИЙ
Анатолий Владимирович
д. филос. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия
n_lav@mail.ru

LUBSKY
Anatoliy Vladimirovich
Doctor of Philosophy,
Professor, Southern Federal
University (SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia
n_lav@mail.ru

**Политика и практика мультикультурализма в западных
странах: эксперты о возможности использования его
опыта в российских условиях¹ / Policy and practice
of multiculturalism in Western countries: experts on the
possible use of its experience in Russian conditions**

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Аннотация

В статье рассматриваются итоги обсуждения экспертным сообществом Юга России возможности использования зарубежного опыта политики и практики мультикультурализма в контексте проблемы реализации национальной политики в полиэтнических регионах. Теоретической моделью осмысления мультикультурализма выступает его интерпретация как культурного многообразия и политической практики обеспечения пространства равноправного существования различных, в том числе этнических культур. В настоящее время в российском экспертном сообществе отсутствует консенсус по важнейшим проблемам нациестроительства, национальной политики, содержания культурного многообразия и возможности имплементации опыта политики и практики мультикультурализма в российских условиях.

Ключевые слова

Мультикультурализм; нациестроительство; национальные меньшинства; мигранты; культурное разнообразие; позитивная дискриминация.

Abstract

The article discusses the results of the discussion by the expert community of the South of Russia the possibility of using foreign experience in the policies and practices of multiculturalism in the context of the implementation of the national policy in multi-ethnic regions. A theoretical model of understanding multiculturalism is its interpretation of how cultural diversity and political practices to ensure equitable space for the existence of different, including ethnic cultures. Currently, the Russian expert community, there was no consensus on crucial issues of nation-building, national policy, maintenance of cultural diversity and the possibility of implementation of experience of the policies and practices of multiculturalism to the Russian context.

Keywords

Multiculturalism; nation building; national minorities; migrants; cultural diversity; positive discrimination.

Важным направлением внутренней политики России, которая задает импульс научно-политическим дискуссиям, является нациестроительство, в основе которого — конструирование общей ценностной платформы интеграции многообразного в этноконфессиональном отношении общества. В этом контексте достаточно широко в российских научных кругах обсуждаются идеология и практики мультикультурализма, который утвердился в различных странах мира. Термин «мультикультурализм» стал использоваться с конца 50-х гг. XX в. в Швейцарии для описания специфики государства, которое объединяет население, исповедующее различные религии и говорящее на четырех государственных языках. В последующие десятилетия этот термин утвердился как характеристика многокультурного государства, не зависимо от механизма формирования многокультурности — исторического или миграционного. Демократизация политической системы России, ориентация политического класса в 90-е годы на зарубежные практики политического управления, обусловили достаточно широкое использование в отечественном политическом и научном дискурсах понятия «мультикультурализм», которое часто трактуется как реальная практика функционирования различных этнокультурных общностей в рамках одного государства. Потенциал мультикультурализма как политической практики национальной интеграции зарубежных государств, привлекает внимание в контексте конструирования общероссийской нации.

Интерес к мультикультурализму как политической практике и идеологии актуализировался в конце XX в., что объясняется постоянными миграционными потоками, сопутствующими формированию и стабилизации глобальных рынков труда. Миграции увеличили культурное разнообразие принимающих экономически развитых стран. Наряду с этим обнаружилось, что представители этнических групп с эмигрантским прошлым, стремятся к культурной интеграции в принимающее сообщество, а к поддержанию и воспроизводству собственной культурной идентичности. Дискуссии по поводу культурного многообразия и его роли для стабильности государства обострились после событий 11 сентября 2001 г. Эти тенденции обусловили необходимость обоснования принципов социальных взаимодействий в условиях растущей культурной неоднородности. В ответ на эту потребность актуализировался интерес к идеологии и практикам мультикультурализма.

Основные принципы этой идеологии конспективно выразил Э. Паин, отнеся к ним «самоценность признания культурного разнообразия страны (региона, всего мира), принципиальную

невозможность (недопустимость) ранжирования культур (в том числе этнических) по принципу «низшая — высшая», «главная — второстепенная» или «государствообразующая — прочие».¹

Классиками идеологии мультикультурализма признаются Ч.Тейлор и У.Кимлик, которые разрабатывали концепцию признания другой культуры.² Термин «политика признания» был введен в научный оборот Ч.Тэйлором, для обоснования права на равное достоинство и автономию, которые нужно распространить также ина культурные группы, меньшинства. Однако и Ч. Тейлор, и У.Кимлик пришли к выводу, что коллективные движения за утверждения групповых прав вводят в противоречие с индивидуальными требованиями автономии. У.Кимлик поднимает проблему интеграции групп иммигрантов и национальных меньшинств культуру большинства. Национальные меньшинства определяются им как территориально локализованные самоуправляющиеся культуры, мигрантов — как этнические группы. Эти категории отличаются разной степенью интеграции в культуру общества. Обе категории требуют признания своей культурной идентичности и своих культурных практик. Реализация идеологии мультикультурализма проявилась в политической практике европейских государств, США и Канады, а именно: утверждение принципов мультикультурализма на законодательном уровне (признание ценности культурного многообразия, равенства этнокультурных групп, борьбы против дискриминации и др.); принятие принципов мультикультурализма в системе образования; финансирования двуязычия и обучения нативным языкам; финансирования поддержки этнических культур.³

В европейских государствах политика мультикультурализма рассматривается в качестве важного инструмента интеграции общества и позиционируется как результат консенсуса различных политических акторов, который достигается в процессе реализации

---

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. — М.: Новое издательство, 2004. С.132.

² Taylor Ch. Multiculturalism and the "Politics of Recognition". Princeton, Princeton University. P.64, 72, 1992; Taylor Ch. Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press. 1994; Kymlicka Will. States, Nations, and Cultures: Spinoza Lectures at the University of Amsterdam, Assen: Van Gorcum. 1997.

³ Kymlicka W., Banting K. Immigration, multiculturalism and the welfare state // Ethics and international affairs. 2006. № 20 (3). P.281.

ценностной политики. Уже поэтому политика мультикультурализма привлекает внимание отечественных исследователей, изучающих позитивный опыт зарубежных стран в сфере регулирования межэтнических отношений и достижения национальной интеграции.² Отношение к идеям мультикультурализма неоднозначно. В частности, академик В.А.Тишков указывает на амбивалентность такого рода политических практик, так как их реализация приводит не к ослаблению, а к усилению этнокультурных различий.³ Подробный анализ идеологии и практик мультикультурализма в спектре интеграционных стратегий разных стран, дан в работах ряда российских ученых, лидирующие позиции среди которых по этому направлению занимают специалисты Института этнологии и антропологии РАН.⁴ После признания в 2010-2011 гг. рядом европейских политиков (премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном, канцлером Германии А. Меркель, лидером Франции Н. Саркози) ошибочности политики мультикультурализма, усилилась его критика.⁵ Однако юридических последствий такие признания не имели. Анализ практик реализации мультикультурализма,

---

¹ Geibler R. Sozialer Wandel in Deutschland. Bonn, 2014. P.43; Rudiger A. Spenser S. Social Integration of Migration and Ethnic Minorities. Policies to Combat Discrimination // Conference Jointly Organized by The European Commission and the OECD. 21–21 January. Brussels, 2003 P. 5; Kaldwel Kr. Reflections on the revolutions in Europe. London, 2009 P. 67, 174.

² Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. — Ростов/Д: Фонд науки и образования, 2015; Volkov Y.G., Degtyarev A.K., Denisova G.S., Voytenko V.P., Chernobrovkin I.P. Priorities of Value Policy in Race and Ethnic Relations in the USA // American Journal of Applied Sciences. 2016; Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Политика мультикультурализма в США: оценка эффективности и возможности имплементации в российских условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11.

³ Тишков В.А. Теория и практика многокультурности // Малахов В.С., Тишков В.А. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. — М., 2002. С. 11.

⁴ Бабич И.Л., Родионова О.В. Теория и практика мультикультурализма. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2009. — Вып. 215. — 49 с.; Веретвская А.В. Проблемы европейского мультикультурализма // Сравнительная политология. 2011, № 3; Глушкова С.И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма. — Полис. Политические исследования. 2010, № 6; Зайка К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков // Мировая экономика и международные отношения. 2015, № 6; Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Политическая энциклопедия, 2016.

⁵ Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М.Б. Погребинского и А. Толпыго. — М.: Весь мир, 2013.

например, в Германии показывает не отказ от этой идеологии, а переход к некоторому ограничению практик мультикультурализма. При новом подходе «мигранты только структурно интегрируются и могут сохранять свою этническую культуру в тех компонентах, которые не противоречат законам ФРГ».¹ Такой результат обеспечивается, принятым законом о гражданстве, который разрушил традицию формирования немецкой нации по «принципу крови», исключением мигрантов, в первую очередь, в систему образования и рынок труда.²

Российские ученые, изучая политику мультикультурализма, обращают внимание на то, что как механизм интеграции она была реализована в Нидерландах, Швеции и Великобритании. В этих странах мультикультурализм был направлен на государственную поддержку этнических меньшинств, включая организацию образования на родном языке, телеканалов и СМИ, проведение культурных мероприятий. В контексте таких институциональных практик эта политика рассматривалась как механизм интеграции меньшинств (включая мигрантские группы) в культуру принимающего государства, при сохранении собственной культуры меньшинств. В Российском государстве сформирован свой собственный исторический опыт интеграции полиэтничного общества. Современный политический и академический дискурс по вопросу разработки законопроекта о российской нации,³ свидетельствует о поиске оптимальной модели интеграции полиэтничного общества в единую гражданскую нацию. Академик В.А.Тишков показывает, что эта задача решается сегодня не только Россией, но всеми странами мира, поскольку возникают новые угрозы целостности сложившимся государственным образованиям, вызванные новыми линиями культурного усложнения гражданских наций.⁴ В этом контексте заслуживает внимание экспертное обсуждение перспективы имплементации зарубежных практик мультикультурализма в политику конструирования российской нации.

---

¹ Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. С. 234–254.

² Там же. С. 218–220.

³ Дробижева Л.М. Русский, татарин, башкир, чеченец — а все вместе какой мы национальности? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/03/28/sociolog-o-tom-nuzhen-li-v-rossii-zakon-o-rossijskoj-nacii.html>.

⁴ Тишков В.А. Линии усложнения: Введение к коллективному труду «Культурная сложность современных наций» // Вестник Российской нации. 2016. № 5. С. 82–92.

В качестве теоретической модели мультикультурализма используется его трактовка как культурного многообразия и политической практики обеспечения пространства равноправного существования различных культур. Для проведения анализа дискурса в академическом сообществе вопросов эффективности политики мультикультурализма применительно к российским условиям в ноябре-декабре 2016 г. было проведено полуструктурированное экспертное интервью. В качестве экспертов выступили ученые разных субъектов Юга России, которые на протяжении последних двух десятилетий занимаются исследованием межэтнических отношений и национальной политики на региональном уровне.¹ Систематизация собранного материала позволяет выявить доминирующие точки зрения в экспертном сообществе Юга России и соотнести их с подходом, продвигаемым лидерами академического сообщества, выступающими экспертами в сфере нациестроительства для федеральных органов власти.

Основное большинство экспертов Юга России рассматривают в качестве объекта политики мультикультурализма этнических мигрантов, представители которых при получении гражданства, сохраняют свою этнокультурную идентичность, поддерживают социальные контакты с родственниками из стран выезда, и образуют этнокультурные группы. Поддержка европейскими государствами этих групп с точки зрения признания их права на сохранение собственной идентичности оценивается рядом отечественных исследователей как основание для укрепления культурных границ, использования инструментов этнической мобилизации. Этот вектор фиксируется и в США. Политика мультикультурализма в США по отношению к национальным меньшинствам вызвала практики позитивной дискриминации, которые были активно поддержаны представителями меньшинств: «Активисты этнических и расовых меньшинств, энергично взявшиеся за стилизацию жизненно-стилевых различий под фундаментально-культурные, углубили сегментирование общества по этно-расовому и этно-лингвистическому признаку».² Эта же тенденция проявилась

---

¹ Состав экспертов: д. филос. н. В.Х. Аккаев (Чеченская Республика), д. полит. н. А.В. Баранов (Краснодарский край), к. ист. н. А.Х. Боров (Кабардино-Балкария), к. ист. н. В.М. Викторин (Астраханская область), к. ист. н. В.Л. Волгин (Республика Калмыкия), д. социол. н. Х.В. Дзуцев (Республика Северная Осетия-Алания), д. полит. н. З.А. Жаде (Республика Адыгея), д. социол. н. С.И. Иванова (Ставропольский край), к. экон. н. Н.Г. Каберты (Северная Осетия-Алания), к. юр. н. Т.З. Тенев (Кабардино-Балкария), д. филос. н. И.М. Сампиев (Республика Ингушетия), к. полит. н. В.В. Черноус (Ростов-на-Дону), к. полит. н. Е.А. Щербина (Карачаево-Черкессия).

² Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. — М., 2002. С. 48-60.

во всех странах, которые стали проводить политику мультикультурализма. Идея позитивной дискриминации — т.е. предоставления различных льгот и преференций меньшинствам с целью выравнивания их возможностей с возможностями большинства, — привела к идее защиты групповых прав и правосубъектности меньшинств. Ряд российских исследователей акцентируют внимание на том, что идеология мультикультурализма, ориентируясь на обеспечение гражданских прав, имела обратный эффект: защита гражданских прав теперь обеспечивалась включением индивида в ту или иную группу меньшинств.¹ По образной характеристике Л.И. Ионина, такие политические практики, обеспечившие культурным (в том числе и этническим) меньшинствам социальные преференции, вызвали агрессию и «восстание меньшинств».² Укреплению этой позиции способствовало информационное продвижение идеи вины принимающих стран перед мигрантами из стран третьего мира, пострадавших от колониальной политики в прошлые столетия.³ Напомним, что в современном медийном пространстве и в его российском сегменте также четко выражен месседж, формирующий чувство вины у граждан за те или иные политические события, в которых политика России ущемляла интересы тех или иных народов. Этот контекст, а также отсутствие консенсуса политических элит и академического сообщества по проблеме статуса русской культуры (равного или доминирующего) в социально-политическом процессе интеграции российской нации, определяют сдержанные оценки экспертов Юга России такой идеологии и практик мультикультурализма. В осмыслении вопроса о его приемлемости для России эксперты отмечают, во-первых, принципиальное отличие российской полиэтничной ситуации от ситуации в европейских странах и США, где была апробирована модель мультикультурализма; во-вторых, ценность собственной, исторически сложившейся модели взаимодействия и интеграции народов России.

Ряд экспертов подчеркивают, что выдвигание и реализация модели мультикультурализма производно от: а) утвердившейся гражданско-правовой основы общества; б) идеологии либерализма, закрепленной в гражданских правах и свободах индивида; в) необходимости интегрировать в европейское (американское) общество культурно отличных мигрантов, получивших все гражданские права.

---

¹ Делягин М. Соблазн мультикультурализма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/5914/content/2246906>.

² Ионин Л. Восстание меньшинств. — М., СПб.: Университетская книга. 2012.

³ Делягин М. Указ. Соч. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/5914/content/2246906>.

В.Х. Аккаев подчеркивает: «Мультикультурализм формирует у народов, мигрировавших в Европу, принятые в ее странах, общие правовые, конституционные, гуманистические ценности, присущие развитым европейским странам. Мультикультурализм адаптирует мигрантов к экономическим, политическим, культурным реалиям, интегрирует их в европейское сообщество при сохранении культурных различий мигрантов и европейцев. В итоге этого процесса происходит разрушение многовековых культурных традиций, смешение культур приводит к некому усреднению. В России ситуация иная. Здесь национальная политика — это осуществление социально-экономического, этнокультурного развития ее народов, сотни лет живущих на своих территориях в рамках единого государства, признающих его своим отечеством. Государство проводило и проводит политику развития их языков, литературы, культуры в пространстве их исторического проживания и взаимодействия, вовлекая многих в государственное управление. Национальной политике России характерна не ассимиляция наций и народностей, а их экономическая, политическая, культурная интеграция. Это развитие и центра, и периферии, что приводит к сохранению исторически сложившегося единства народов и способствует укреплению межнационального согласия».

Эксперт из Краснодара А.В. Баранов высказался более категорично: «Национальная политика РФ, направленная на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, не должна иметь ничего общего с мультикультуралистской моделью. Последняя провалилась в странах Евросоюза, да и в США и Канаде она не очень эффективна. России нужна модель на основе принятия новоселами российской цивилизационной и исторической идентичности, российской культуры, русского языка, экстерриториальности новых диаспор, которые следует не обособлять, а всячески интегрировать в принимающее общество на условиях общества. Крайне опасно создание и сохранение обособленных анклавов переселенцев, особенно если они носят комплексный характер: и экономический, и этноязыковой, и конфессиональный. Для успеха политики интеграции России следует качественно усилить финансирование и поддержку формирования своей собственной идентичности и русского этноязыкового ядра».

Однако представители другой части экспертов из республик Северного Кавказа, хорошо знающих практики позитивной дискриминации в отношении национальных меньшинств, напротив, показывают, что и в России идеи и практики мультикультурализма утверждались на протяжении всего XX в. По мнению эксперта из

Кабардино-Балкарии А.Х. Борова, идея мультикультурализма в завуалированной форме заложена в концепцию российской национальной политики: «Разговоры о национальной политике в том смысле, в котором это понятие употребляется в современной России, является стыдливой формой признания мультикультуральной модели интеграции, уже составляющей российскую реальность. Но имплементация каких-то конкретных зарубежных моделей невозможна, поскольку они представляют собой результат естественно-исторического развития в этих странах». Эту критическую позицию разделяет профессор В.Н. Нехай, указывая, что в 90-е годы в России уже предпринималась попытка реализовать в национальной политике модель мультикультурализма, которая оказалась не успешной. «В России гражданская интеграция на основе мультикультурализма принципиально невозможна, ибо данная модель в конечном итоге выхолащивает принципы национального государства и ослабляет национальное единство страны, провоцируя диссипационные процессы в обществе». С этой позицией солидарен И.М. Сампиев, хотя приводит другие аргументы: «Имплементация мультикультуральной модели национальной интеграции в России, на наш взгляд, невозможна, поскольку она возникла и имела определенный эффект в развитых иммигрантских сообществах со сложной этнокультурной структурой, тогда как в России проживают в основном коренные народы, многие из которых имели исторически и имеют сегодня собственную национальную государственность в составе федерации. Кроме того, мультикультурализм может реализоваться только в демократическом правовом государстве, с развитой гражданской политической культурой населения, чего у нас на данный момент, по существу, нет».

Ряд экспертов (Х.В. Дзугев, З.А. Жаде, В.М. Викторин, Г.П. Зинченко и др.) допускают при определенных условиях вариативные возможности использования мультикультурной модели в России. Определенно высказалась по этому вопросу ставропольский профессор С.Ю.Иванова: «Модель мультикультурализма различна в Европе, Канаде, Австралии. Национальная политика РФ не базируется на его принципах. Имплементация моделей национальной интеграции, как и прочих экономических и политических моделей, не может давать однозначно позитивный эффект в странах с разной историей, культурой, менталитетом. В РФ можно использовать успешные социальные практики мультикультурных сообществ, например, в области интеграции и адаптации мигрантов».

Иными словами, применительно к персональной интеграции может быть использована модель мультикультурализма, обеспечи-

вающая каждому гражданину право выбора этнокультурной идентичности и сохранение приверженности своей культуре. Однако эта модель не решает проблему обеспечения культурной гомогенности российского поликультурного общества, которая требует консолидации различных народов на каком-то более широком основании.

Следует отметить, что многие из исследователей, изучающих межнациональные отношения и реализацию национальной политики на уровне российских регионов, слабо интересуются зарубежным опытом в этой сфере и недостаточно различают специфику реализации идеологии мультикультурализма в тех или иных странах. Политика позитивной дискриминации национальных меньшинств, которая проводилась в СССР на протяжении XX в. и была воспринята современной Россией, многими политиками и учеными интерпретируются как вариант мультикультурализма (например, В.Воронков СССР определяет как «страну победившего мультикультурализма»)¹. Результатами такой политики стала институционализация этничности, утверждение модели этнофедерализма. Позитивно оценивая эти институционные практики, соглашаясь с тем, что им пока нет альтернативы, эксперты Юга России не рассматривают эти реальные принципы национальной политики как вариант мультикультурализма. Такая позиция свидетельствует о двух установках, разделяемых экспертным сообществом: 1) дискредитация тех или иных принципов мультикультурализма в современных европейских странах, США и Канады; 2) необходимость достижения оптимальной формы организации функционирования многокультурного общества.

Сложившееся когнитивное противоречие, в основе которого — дифференциация ценностных позиций, свидетельствует о том, что само экспертное сообщество выступает определенным «фактором торможения» достижения консенсуса в сфере публичной политики по вопросам управления культурным разнообразием и конструирования российской нации. В этой ситуации академиком В.А.Тишковым было выдвинуто предложение создать по инициативе Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям Научный совет по комплексным проблемам этнологии, национальной политики и межнациональным отношениям при Президиуме РАН, который и был создан в феврале 2017 г. В его состав вошли ведущие специалисты из различных регионов России. Предполагается, что данная структура создаст пространство для диалога и достижения консен-

---

¹ Воронков В. Мультикультурализм versus деконструкция этнических границ? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ (под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова). — М.: Ин-т этнологии и антропологии; Ин-т философии РАН, 2002. С. 38–47.

суса в экспертном сообществе по ключевым проблемам понимания и регулирования культурного разнообразия, утверждения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа РФ.

В современном российском академическом дискурсе сохраняется поляризация позиций относительно проблемы понимания и управления культурным разнообразием, в основе которых лежат различные мировоззренческие ориентации экспертного сообщества. Вместе с тем, уже в настоящее время прорисовывается перспектива роста внешних миграционных потоков в России, участники которых, даже прибывшие из постсоветских республик, уже не владеют необходимыми культурными компетенциями для быстрой адаптации. Эта противоречивая ситуация обуславливает обращение к опыту политики мультикультурализма, практикуемой современными экономически развитыми странами.

Анализ методологических подходов к идеологии и политике мультикультурализма свидетельствует об их разнообразии в зарубежных странах при сохранении единых принципов: признания ценности культурного многообразия, равенства этнокультурных групп, отсутствия доминирующей культуры, толерантности, борьбы против дискриминации и др. Каждая страна, которая сталкивается с проблемой быстрого роста культурного разнообразия, должна решить вопрос о понимании этого процесса и выборе оптимальной модели политики, направленной на управление им. Существующие слабости идеологии и политики мультикультурализма и даже кризис тех или иных практик реализации не отменяют необходимости оптимизации этой политики, так как современные глобальные процессы блокируют перспективы каких-либо мононациональных государств. В этом контексте обращение к зарубежным практикам мультикультурализма и анализ собственного российского опыта сохраняет актуальность.

Библиография

1. Бабич И.Л., Родионова О.В. Теория и практика мультикультурализма. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2009. — Вып. 215. — 49 с.;

2. Веретевская А.В. Проблемы европейского мультикультурализма // Сравнительная политология. 2011. № 3. С. 114-121.

3. Воронков В. Мультикультурализм versus деконструкция этнических границ? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ (под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова). — М.: Ин-т этнологии и антропологии; Ин-т философии РАН, 2002. С. 38–47.

4. Глушкова С.И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 131-140.

5. Делягин М. Соблазн мультикультурализма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/5941/content/2246906>.

6. Дробижева Л.М. Русский, татарин, башкир, чеченец — а все вместе какой мы национальности? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/03/28/sociolog-o-tom-nuzhen-li-v-rossii-zakon-o-rossijskoj-nacii.html>.

7. Зайка К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 59-70.

8. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. — М.: Весь мир, 2013. — 400 с.

9. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. — Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. — 244 с.

10. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 384 с.

11. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. — М.: Новое издательство, 2004. — 248 с.

12. Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Политика мультикультурализма в США: оценка эффективности и возможности имплементации в российских условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 146-152.

13. Тишков В.А. Линии усложнения: Введение к коллективному труду «Культурная сложность современных наций» // Вестник Российской нации. 2016. № 5. С. 82-92.

14. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015.—320 с.

15. Kymlika Will. States, Nations, and Cultures: Spinoza Lectures at the University of Amsterdam, Assen: Van Gorcum. 1997.

16. Taylor Ch. Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press. 1994.

17. Volkov Y.G., Degtyarev A.K., Denisova G.S., Voytenko V.P., Chernobrovkin I.P. Priorities of Value Policy in Race and Ethnic Relations in the USA // American Journal of Applied Sciences. 2016. С. 1419-1427.

References

1. Babich I.L., Rodionova O.V. Theory and practice of multiculturalism. Studies in applied and emergency Ethnology [Teoriya i praktika mul'tikul'turalizma. Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii] — M., IEA Russian Academy of Sciences, 2009. — Vol. 215. — 49 p.;

2. Veretinskaja A.V. The problem of European multiculturalism [Problemy evropeyskogo mul'tikul'turalizma] // Comparative politics. 2011. No. 3. P. 114-121.

3. Voronkov V. Multiculturalism versus deconstruction of ethnic boundaries? [Mul'tikul'turalizm versus dekonstruktsiya etnicheskikh granits?] // Multiculturalism and transformation of post-Soviet societies (ed. by V.S. Malakhov, V.A. Tishkov). — M.: Institute of Ethnology and anthropology, Institute of philosophy RAS, 2002. P. 38-47.

4. Glushkova S.I. Individual, group, collective and universal rights in the context of multiculturalism [Individual'nye, gruppovye, kolektivnoyey vsehobshchie prava v usloviyakh mul'tikul'turalizma] // Polis. Political studies. 2010. No. 6. P. 131-140.

5. Delyagin M. The Temptation of multiculturalism [Soblazn mul'tikul'turalizma]. URL: <http://maxpark.com/community/5914/content/2246906>.

6. Drobizheva L.M. Russian, Tatar, Bashkir, Chechen and all together what we nationality? [Russkiy, tatarin, bashkir, chechenets — a vsevmestekakoy my natsional'nosti?]. URL: <https://rg.ru/2017/03/28/sociolog-o-tom-nuzhen-li-v-rossii-zakon-o-rossijskoj-nacii.html>.

7. Zaika K. Patterns of national integration in the face of increasing immigration flows [Modelinatsional'noy integratsii v usloviyakh vozzrastayushch

immigratsionnykh potokov]// World economy and international relations. 2015. No. 6. P. 59-70.

8. The crisis of multiculturalism and issues of national policy [Krizis mul'tikul'turalizma i problem natsional'noy politiki]. Ed. by M.B. Pogrebinsky and A. K. Tolpygo. — M.: Whole world, 2013. — 400 p.

9. Construction of Russian national identity in the context of interethnic and interreligious interaction: Monograph [Konstruirovaniye obshcherossiyskoy identichnosti v kontekste mezhetnicheskogo i mezhrefigioznogo vzaimodeystviya: Monografiya] / Ed. edited by Yu.G. Volkov. — Rostov n/D.: Foundation of science and education, 2016. — 244 p.

10. The cultural complexity of modern Nations [Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy] / ed. edited by V.A. Tishkov, E.I. Filippova, Institute of Ethnology and anthropology. N.N. Maclay, Russian Academy of Sciences. — M.: Political encyclopedia, 2016. — 384 p.

11. Pain E.A. Between Empire and nation. The modernist project and its traditionalist alternative to the national policy of Russia [Mezhdru imperiye i natsiye. Modernistskiy proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noy politike Rossii]. — M.: Novoelzdatelstvo, 2004. — 248 p.

12. Posukhova O.U., Serikov A.V., Chernous V.V. The Policy of multiculturalism in the United States: assessing the effectiveness and possibility of implementation in the Russian conditions [Politika mul'tikul'turalizma v SShA: otsenka effektivnosti i vozmozhnosti implementatsii v rossiyskikh usloviyakh] // Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2015. No. 11-1. P. 146-152.

13. Tishkov V.A. The line of complexity: Introduction to the collective work of the "Cultural complexity of modern Nations" [Liniiu slozhneniya: Vvedenie k kollektivnomu trudu «Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy»] // Bulletin of the Russian nation. 2016. No. 5. P. 82-92.

14. Value policies and institutional practices in the sphere of interethnic relations in economically developed countries with complex ethnocultural structure: Monograph [Tsennostnaya politika i institutsional'nye praktiki v sfere mezhetnicheskikh otnosheniy v ekonomicheskii razvitykh stranakh so slozhnoy etnokul'turnoy strukturoy: Monografiya] / Ed. edited by Yu. G. Volkov. — Rostov n/D: the Foundation of science and education, 2015. — 320 p.

15. Kymlika Will. States, Nations, and Cultures: Spinoza Lectures at the University of Amsterdam, Assen: Van Gorcum. 1997.

16. Taylor Ch. Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press. 1994.

17. Volkov Y.G., Degtyarev A.K., Denisova G.S., Voytenko V.P., Chernobrovkin I.P. Priorities of Value Policy in Race and Ethnic Relations in the USA // American Journal of Applied Sciences. 2016. C. 1419-1427.

ГЛУШКОВА
Светлана Алексеевна
аспирант Института
социологии и
регионоведения Южного
федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия
s.glushkova023@gmail.com

GLUSHKOVA
Svetlana Alekseevna
post-graduate student of
Institute of Sociology and
Regional Studies of Southern
Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
s.glushkova023@gmail.com

**Региональная идентичность: конструктивистская
парадигма социологических исследований / Regional
identity: constructiv paradigm of the sociological researches**

Аннотация

В статье представлены результаты анализа региональной идентичности в отечественных и зарубежных социологических исследованиях. С позиции социального конструктивизма выделяются основные этапы формирования региональной идентичности: типизация, габитуализация, институционализация и легитимация. Анализируются составляющие региональной идентичности, в структуре которой принято выделять когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты. Предпринимается попытка формулировки авторского понятия региональной идентичности.

Ключевые слова

Региональная идентичность; социальная идентичность; регион; социальный конструктивизм.

Abstract

The article presents the results of the analysis of the regional identity in domestic and foreign sociological studies. From the standpoint of social constructivism the main stages in the formation of regional identity are allocated: typing, gabitization, institutionalization and legitimation. There are analyzing the components of regional identity in the structure of which are allocated cognitive, value, emotional and regulatory components. There is attempted to make an author's concept of regional identity.

Keywords

Regional identity; social identity; region; social constructivism.

Региональное структурирование социального пространства России представляет собой совокупность процессов, порождающих необходимость формирования определенных условий. К числу таковых следует отнести постоянное уточнение места и значения, которые присущи региону в системе внутри- и межрегиональных взаимодействий, установка стратегии развития региона в сложившейся системе межрегиональных взаимодействий, определение и гарантия защиты социально-экономических интересов регионального сообщества и формирование положительного образа данного региона. Определяющая роль при достижении необходимых условий и решений поставленных задач принадлежит особенностям формирования и содержания региональной идентичности.

Исследование региональной идентичности является традиционной темой в социальных науках, а изучение проблем, непосредственно связанных с явлением регионального уровня, до сих пор носит эпизодический характер, что обусловило интерес автора к изучению региональной идентичности в качестве предмета социологических исследований. Таким образом, целью данной статьи является выявление специфики региональной идентичности в работах отечественных и зарубежных исследователей.

Конструктивистский подход, в рамках которого будет анализироваться региональная идентичность, основан на понимании идентичности как конструкта, сочетающий в себе субъективные и объективные качества и характеристики, являющегося производным социального творчества политических элит и государства в целом — с одной стороны, самоидентификации населения государства, а с другой — на субъективной категоризации.

При исследовании региональной идентичности с позиции социального конструктивизма можно вычлнить основные этапы ее формирования. Применяя методологический подход П. Бергера и Н. Лумана, следует выделить фазы типизации, габитуализации, институционализации и легитимации¹. Под типизацией, во-первых, понимается самокатегоризация индивидов, которые представляют данную общность и, во-вторых, категоризация «других» в качестве представителей иной социальной общности.

---

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 63-70

Габитуализация предполагает взаимодействие индивидов, которое характеризуется, в первую очередь, восприятием определенных мировоззренческих ценностей и моделей поведения конкретной социальной общности (габитус — человеческий опыт, выраженный в конкретной социально-поведенческой установке). Институционализация это последовательность и историчность развития двух предыдущих категорий, то есть последние трансформируются в процессе исторического развития в институт. В начале процесса институционализации идентичности происходит ее конструирование, когда идентичность еще воспринимается в качестве некоего искусственного конструкта, который представляет собой продукт политической целесообразности и конструктивистской стратегии политических элит. Однако в процессе смены поколений утверждается убежденность в изначальной данности идентичности и она воспринимается уже не как искусственный продукт социально-конструктивистской политики, а как реальность, обусловленная едва ли не биологическими причинами¹.

Последняя фаза конструирования идентичности — легитимация. Данный этап заключается в создании системы ценностей и идеологических установок, позволяющих легитимизировать существующую модель идентичности, при этом, не допустив ее разрушения в процессе социального творчества новых поколений граждан. В целях легитимации идентичности используется инструментарий пропагандистской машины, официальной гуманитарной и естественной науки, религии, системы образования и воспитания подрастающих поколений и правовой системы. Ее задача заключается в том, чтобы идентичность не подвергалась сомнению со стороны новых поколений, для которых утрачен изначальный смысл ее конструирования предыдущими поколениями².

Теоретическая операционализация процесса идентификации предполагает выделение следующих понятий: субъект и объект. Отдельный индивид выступает в качестве субъекта-носителя с индивидуальными психологическими качествами, на которого воздействуют внешние или внутренние факторы, определяя впоследствии приоритетные объекты для идентификации. Объектами

---

¹ Имгрунт С.И. Идентичность в контексте социально-философских и социогуманитарных исследований // Теория и практика общественного развития. № 4. 2014. С. 56-58

² Там же. С. 59

социальной идентификации выступают отдельные личности, а также их группы, общества. Понятие объекта идентификации может выступать в качестве критерия классификации социальных идентичностей личности и выделять ее уровни: гендерный, социально-стратификационный, этнический, конфессиональный, гражданский, геополитический, региональный и т.д.¹

С точки зрения формирования региональной идентичности, объектом идентификации будет выступать регион. Учитывая смысловую неопределенность данного термина и множество подходов к его трактовке, уточним его определения. Наиболее общим и широким является определение региона в рамках междисциплинарного подхода такого научного направления как регионоведение. Здесь под регионом понимается исторически сложившееся территориальное сообщество, обладающее физической средой, социально-экономическим, политическим и культурным своеобразием. В узком понимании данного термина регион это единица административно-территориального деления государства. В геополитике регион мыслится отдельным экономико-географическим районом, отличающимся от других районов своими цели и вариантами развития. Следует придерживаться комплексного понимания региона, отвечающего выше предложенным дефинициям.

Рассматривая идентификацию как явление социальное, следует отметить, что в социологии в определение содержания понятия региональной идентичности также вкладывается масса значений. Региональная идентичность имеет значение «системной совокупности культурных отношений, связанной с понятием «малая родина», где сочетаются как пространственные аспекты, так и аспекты внутренней энергетики»². Региональная идентичность это «реальный (не мнимый) феномен, который отражает преемственность самосознания местных общностей и не есть следствие компенсаторной реакции, которая продуцируется комплексом неполноценности «провинциала» перед «престижными» столицами»³.

---

¹ Лубский, А.В. Дискурсы о национальной и цивилизационной идентичностях в России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 24–32.

² Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. 2005. №3. С. 13-23

³ Крылов М.П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере Европейской России) // Логос. № 1. 2005. С. 275-289.

В рамках конструктивистского подхода региональная идентичность также имеет значение «объективного состояния, которое имеет своей основой рефлексивное чувство личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве». Региональной идентичности свойственны многоплановость и разнообразие, что выражается, с одной стороны, во влиянии физического пространства на региональное сознание, т.е. специфические особенности ландшафта и климата. С другой стороны, символическое освоение и репрезентация пространства, закрепление определенного региона с помощью установления границ, в результате чего происходит символическая связь жителей региона с пространством. Автор также отмечает, что в обществе со стабильной гражданской и национальной идентичностью региональная идентичность не занимает лидирующих позиций в общей иерархии территориальных идентичностей и находит свое проявление в становлении системы ценностей и норм жителей данного региона, не связанных с их этнической природой. Но при условии, когда общегражданская идентичность ослабевает, осознание своей принадлежности к региону принимает более значимую роль и получает политический оттенок. Как считает Е.В. Еремина, «результатом данного процесса может стать угроза единства страны»¹.

Ряд социологов рассматривают региональную идентичность в качестве метафоры. Автор объясняет это пренебрежением территориальными характеристиками, что является необоснованным. Отмечается важность исследования региональной идентичности не столько в отношении административных субъектов страны, сколько в отношении вернакулярных районов. Вернакулярные районы являются одной из форм пространственной самоорганизации общества, которая выявляется через изучение его пространственных представлений. Обычно под вернакулярным районом понимается часть территории, население которой осознает её в качестве собственного места жительства, и с этим условием она может быть представлена как часть общественного сознания данной социальной группы. Выделяется вернакулярный район непосредственно самими жителями данной территории, он являет собой не только часть территории урбосистемы, но и ментальное представление общества о территории, являющееся основой их поведения в пространстве. В сознании жителей этот район имеет общепризнанный образ, состоящий из

---

¹ Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. №3. С.216-222.

ряда когнитивных (познавательных, умственных), аффективных (эмоциональных, нервных) и ценностных компонентов¹.

Региональная идентичность также трактуется как психологический протест против всеобщей унификации, являющейся закономерным явлением в условиях модерна и постмодерна. В условиях унификации и европеизации культуры у людей возникает потребность в региональной идентификации. Как утверждает автор, это явление свойственно большинству стран Западной Европы, которые сталкиваются с проблемой формирования общеевропейской идентичности в силу существования региональной. Если рассмотреть данную проблему с психологического ракурса, то он примет статус феномена «психологического заражения», когда потребность в региональной идентичности актуализируется популярностью регионализма в соседних странах и регионах².

Мировой опыт изучения региональной идентичности отражен в работах, которые предпринимают исследование структуры идентичности в целом, выделяя когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты. Следовательно, региональная идентичность представляет собой форму коллективной идентичности, при которой ее носитель способен к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному и регулятивному самоотнесению с внешним миром.

Когнитивный компонент часто составляет основу содержания понятия, присутствует во многих дефинициях региональной идентичности. Когнитивная сфера представляет собой сложную систему знаний представителей региона о собственной региональной общности, о геокультурной реальности, в состав которой входит язык, ландшафт, особенности территории, традиции и история. При подобном понимании региональной идентичности понятие «географических образов» актуализируется³.

Целенаправленно создаваемые региональные образы создают имидж региона. Он представляет собой образ, который сформи-

---

¹ Мирошниченко В.В. Вернакулярные районы города Харькова // Псковский регионологический журнал. №16. Псков: Изд-во ПсковГУ, 2013. С.61-69

² Дробичева Л.М. Региональная идентичность — это протест против унификации // РИА-новости. 2011. Режим доступа: URL: <http://ria.ru/interview/20110416/366049476.html> (Дата обращения: 19.06.2017)

³ Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. №5. 2013 С. 42-50

ровался в результате целенаправленной деятельности, т.е. имидж региона выступает в качестве инструмента преобразования и конструирования социальной реальности. Осуществляемая деятельность по оптимизации образа региона может реализовываться в рамках создания позитивного имиджа региона, основываясь на включении в процесс формирования представлений о регионе субъекта, профессионально владеющего этой практикой.

Зарубежные исследователи отмечают значимость ценностного компонента в структуре региональной идентичности, выявляя ее символическое и историческое измерение, которое запечатлено в историко-культурном и природном ландшафте соответственно. Символическая природа, в свою очередь, находит себя в названии определенного региона, в материальных объектах и ключевых личностях, в жизненном стиле данного сообщества.

Региональная идентичность в рамках ценностного компонента, в отличие от идентичности региона, связана с идентификацией с определенным местом¹. Региональная идентичность есть субъективная связь человека или же регионального сообщества с местом его проживания. При данном понимании региональной идентичности определяющая роль в ее содержании отводится не идеологическим мотивам, а культурным ценностям. Ценностям региональной культуры до сих пор присущи значительная стабильность и фундаментальность, несмотря на то, что зарубежные исследователи определяют настоящее время как современный «культурный нomaдизм» и «дисплейсмент», что выражается в свою очередь в отсутствии всякой социальной привязки к какой-либо географической точке².

Региональную идентичность также связывают с проблемами восприятия пространственно-временного континуума, толкованием культурного прошлого, когда идентичность места находит свое выражение в рассказанных историях, в стиле рассказывания, в их числе и значимости превалирующих из них³.

---

¹ Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*, 2011. P. 163-178

² Орачева О. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы семинара / под ред. М. Ильина, И. Бусыгиной. М.: МОНФ, 1999. С. 25

³ Massey D. A global sense of place // *Space, place and gender*. Cambridge, Polity Press, 1994. P. 146-156

Тем не менее, при всей значимости культурных ценностей для регионального самоопределения нельзя оставить без внимания роль административного ресурса, который дает возможность артикулировать собственную отличительность принципиально новыми методами. Это целенаправленное конструирование новых значимых идентичностей («советскость», «республиканскость» и т.п.), которые трансформируют культурные и символические различия в политические. На уровне идеологии суждения о региональном самоопределении систематизируются, приобретая определенность и накапливая эмпирическую базу. Репрезентация пространства в современной действительности выступает зачастую в качестве репрезентации власти и идеологии, которые, в свою очередь, находят воплощение в обжитом пространстве¹.

В состав эмоционального компонента региональной идентичности входят стандартные стереотипы эмоционального реагирования жителей региона, интенсивность этих эмоций и преобладающие из них. В зарубежных работах эмоциональный компонент эксплицируется посредством концепции «чувства места» и феноменологии восприятия, которая иллюстрирует отношение между миром человека и его телом. Феноменологический подход выступает в качестве теоретической базы для описания эмоциональной привязки индивида к данной общности, месту и оказывается связанным с концепцией «жизненного мира»².

В зарубежных социологических исследованиях «чувство места», помимо всего, укоренено в персональной идентичности наряду с осознанием собственной принадлежности к нему³. В противовес этой точке зрения была предпринята попытка выделения особого среза пространства, «livedspace», которое «скорее чувствуют, чем мыслят». Это пространство также определяют как «spiritualspace» или «geniusloci», что складывается в сфере индивидуального

---

¹ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p. Режим доступа: https://monoskop.org/images/7/75/Lefebvre_Henri_The_Production_of_Space.pdf (Дата обращения: 19.06.2017)

² Замятин Д. Н. Идентичность и территория // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). Отв. ред. И. С. Семенов. М.: ИМЭМОРАН, 2011. С. 186 — 203.

³ Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа: <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (Дата обращения: 20.06.2017)

бессознательного¹. На данном этапе происходит конструирование пространственной привязанности, которая наполняет жизнь устойчивыми и ценностно-значимыми реалиями: родиной, собственной комнатой, родительским домом и т.д. Подобный уровень региональной идентичности воплощается скорее средствами искусства, а не науки².

Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности³. Из этого следует вывод: модели поведения и конкретные практики ориентирования в пространстве входят в состав регулятивного компонента региональной идентичности. Говоря о пространственном факторе, следует уточнить, что пространства выполняют определенную функцию «программирования» социального поведения, вследствие чего повседневная жизнь практически «колонизирована» пространственной организацией. «Артикулированная региональная идентичность» выступает в качестве базиса для участия в коллективных действиях с целью защиты региональных интересов, принятия на себя ответственности за судьбу и развитие региона⁴.

Значение когнитивного, ценностного, эмоционального и регулятивного компонентов в функционировании региональной идентичности нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, объективно существующие различия по данным характеристикам есть основание региональной идентичности в той мере, в какой они являются объектами отражения и рефлексии. С другой стороны, проанализи-

---

¹ Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // *European Planning Studies*. 2002. Vol.10. № 1. Режим доступа: <http://www.sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa01/papers/full/194.pdf> (Дата обращения: 20.06.2017)

² Малащенко М. В., Глушкова С. А. Понятие «региональная идентичность» в зарубежном научном дискурсе // *Гуманитарий Юга России*. 2017. № 1. С. 90-100.

³ Черняева Т. Город: производство идентичностей // *Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека*. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед.проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 116 — 137.

⁴ Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // *European Planning Studies*. 2002. Vol.10. № 1. Режим доступа: <http://www.sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa01/papers/full/194.pdf> (Дата обращения: 20.06.2017)

рованные компоненты можно принимать в качестве каналов определения и конструирования региональной идентичности.

Рассматривая региональную идентичность в качестве реально существующей и научно признанного понятия, подытожим выделенные в ходе анализа особенности. Во-первых, это иерархичность в силу наличия нескольких уровней, каждый из которых отражает территориальную принадлежность, будь то малая родина, или политико-административное и экономико-географическое образование к стране в целом. Во-вторых, региональная идентичность отдельных лиц и групп различается по степени интенсивности и по месту, занимаемому в ряду других идентичностей. В-третьих, региональная идентичность представляет собой форму осмысления и выражения территориальных интересов, наличие которых обусловлено региональными особенностями жизнедеятельности данного общества. И чем более глубокий характер носят эти особенности, тем заметнее отличаются региональные интересы от общегосударственных.

Проведенный в данной статье анализ трудов зарубежных и отечественных социологов подтверждает идею о том, что значение региональной идентичности интерпретируется неоднозначно; оно до сих пор не нашло единого толкования в современных отечественном и зарубежном социологических дискурсах. Понятие «региональная идентичность», как наиболее размытое и комплексное, продолжает находиться в стадии уточнения, что необходимо для более единообразного его употребления.

В ходе теоретического осмысления было выявлено, что региональная идентичность обусловлена такими факторами, как территориально географический, социально-экономический, этнокультурный и духовно-нравственный элемент государственно-политического структурирования, трансформирующийся и развивающийся на протяжении всей истории региона. Региональная идентификация это сложный, многомерный, многогранный социальный процесс, которому присущи относительность, динамичность и многокачественность. Формулируя авторское понимание региональной идентичности, дадим следующее определение — региональная идентичность это результат эмоционально-когнитивного процесса осознания своей территориальной принадлежности, отождествление индивида с регионом, его историей, культурой и народом.

Это трансформирующаяся структура, которая развивается на протяжении всей жизни региона и населяющей его общности, которые проходят процесс преодоления кризисных ситуаций, развиваясь в прогрессивном или регрессивном направлении.

Библиография

1. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p. Режим доступа: https://monoskop.org/images/7/75/Lefebvre_Henri_The_Production_of_Space.pdf (Дата обращения: 19.06.2017)
2. Massey D. A global sense of place // Space, place and gender. Cambridge, Polity Press, 1994.
3. Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа: <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (Дата обращения: 20.06.2017)
4. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia, 2011.
5. Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol.10. № 1. Режим доступа: <http://www-sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa01/papers/full/194.pdf> (Дата обращения: 20.06.2017)
6. Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol.10. № 1.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
8. Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. №5. 2013
9. Дробижева Л.М. Региональная идентичность — это протест против унификации // РИА-новости. 2011. URL: <http://ria.ru/interview/20110416/366049476.html> (Дата обращения: 19.06.2017)
10. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. №3. 2011.
11. Замятин Д. Н. Идентичность и территория // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). Отв. ред. И. С. Семененко. М.: ИМЭМОРАН, 2011.
12. Имгрунт С.И. Идентичность в контексте социально-

философских и социогуманитарных исследований // Теория и практика общественного развития. № 4. 2014

13. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016.

14. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. 2005. №3.

15. Крылов М.П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере Европейской России) // Логос. № 1. 2005.

16. Лубский А.В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. № 2. 2015.

17. Лубский А.В. Дискурсы о национальной и цивилизационной идентичностях в России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2.

18. Мирошниченко В.В. Вернакулярные районы города Харькова // Псковский регионологический журнал. №16. 2013.

19. Орачева О. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы семинара / под ред. М. Ильина, И. Бусыгиной. М.: МОНФ, 1999.

20. Черняева Т. Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». М.: Новое литературное обозрение, 2006.

References

1. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p. Rezhim dostupa: https://monoskop.org/images/7/75/Lefebvre_Henri_The_Production_of_Space.pdf (Data obrashcheniya: 19.06.2017)

2. Massey D. A global sense of place // Space, place and gender. Cambridge, Polity Press, 1994.

3. Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Rezhim dostupa: <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (Data obrashcheniya: 20.06.2017)

4. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia, 2011.

5. Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol. 10. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa01/papers/full/194.pdf> (Data obrashcheniya: 20.06.2017)

6. Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol. 10. № 1.

7. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge [Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya]. M.: Medium, 1995.

8. Golovneva E.V. Regional identity as a form of collective identity and its structure [Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoy identichnosti i ee struktura] // Labirint. №5. 2013

9. Drobizheva L.M. Regional identity is a protest against unification [Regional'naya identichnost' — ehto protest protiv unifikacii]// RIA-novosti. 2011. URL: <http://ria.ru/interview/20110416/366049476.html> (Data obrashcheniya: 19.06.2017)

10. Eremina E.V. Regional identity in the context of sociological analysis [Regional'naya identichnost' v kontekste sociologicheskogo analiza] // Regionologiya. №3. 2011.

11. Zamyatin D. N. Identity and territory // Identity as a subject of political analysis. Collection of articles on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference [Identichnost' i territoriya // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (IMEHMO RAN, 21-22 oktyabrya 2010)]. Otv. red. I. S. Semenenko. M.: IMEHMO RAN, 2011.

12. Imgrunt S.I. Identity in the context of socio-philosophical and sociohumanitarian research // Theory and practice of social development [Identichnost' v kontekste social'no-filosofskih i sociogumanitarnyh issledovaniy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. № 4. 2014

13. The construction of the all-Russian identity in the context of interethnic and interreligious interaction: Monograph [Konstruirovaniye obshcherossijskoj identichnosti v kontekste mezhehtnicheskogo i

mezhreligioznogo vzaimodejstviya: Monografiya] / Otv. red. YU.G. Volkov. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2016.

14. Krylov M.P. Regional identity in the historical nucleus of European Russia [Rossijskaya regional'naya identichnost' kak fokus sociokul'turnoj situacii (na primere Evropejskoj Rossii)]// Sociological research. 2005. № 3.

16. Lubsky A.V. State-civilization and national-civilizational identity in Russia [Gosudarstvo-civilizaciya i nacional'no-civilizacionnaya identichnost' v Rossii]// Humanitarian of the South of Russia. № 2. 2015.

17. Lubsky, A.V. [Diskursy o nacional'noj i cililizacionnoj identichnostyah v Rossii] Discourses on the national and tsilizatsionnoj identities in Russia / / Scientific thought of the Caucasus. 2014. № 2.

18. Miroschnichenko V.V. Vernacular districts of the city of Kharkov [Vernakulyarnye rajony goroda Har'kova]// Pskov regionological journal. №16. 2013.

19. Oracheva O. Regional identity: myth or reality? // Regional consciousness as a factor of the formation of political culture in Russia: materials of the seminar / ed. M. Ilyin, I. Busygin. M. : MONF, 1999.

20. Chernyaeva T. City: production of identities // A citizen of the world or a prisoner of the territory? To the problem of the identity of modern man. Sat. materials of the second annual conference. In the framework of the research project "Local History: the scientific, artistic and educational aspects"[Gorod: proizvodstvo identichnostej // Grazhdanin mira ili plennik territorii? K probleme identichnosti sovremennogo cheloveka. Sb. materialov vtoroj ezhegodnoj konf. v ramkah issled.proekta «Lokal'nye istorii: nauchnyj, hudozhestvennyj i obrazovatel'nyj aspekty»]. M. : New Literary Review, 2006.

ЛУБСКИЙ
Анатолий Владимирович
д. филос. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия

n_lav@mail.ru

ВОЙТЕНКО Валерия
Петровна
к. филос.н.,
Южный федеральный
университет (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия
leravvp@mail.ru

LUBSKY
Anatoliy Vladimirovich
Doctor of Philosophy,
Professor,
Southern Federal University
(SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia
n_lav@mail.ru

VOYTENKO Valeriya Petrovna
Candidate of Philosophy
Southern Federal University
(SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia
leravvp@mail.ru

Ценностная политика и формирование общероссийской идентичности в России¹ / Value politics and the formation of Russian identity in Russia

Аннотация

В настоящее время актуализировался переход к ценностной политике идентичности, основанной на диалоге представителей органов государственной и муниципальной власти, политических, гражданских и этнических организаций по поводу объединяющей национальной идеи и общезначимых публичных ценностей. В связи с этим в российском обществе актуализировалась проблематика, связанная с поиском тех идейных и ценностных оснований, которые могут стать пространством формирования общероссийской идентичности и основой национальных проектов, направленных на ее формирование. Трудности, связанные с разработкой этих проектов, обусловлены тем, что в интеллектуальном дискурсе существуют различные представления об общероссийской идентичности, которая при этом «нагружается» идеологическими и политическими коннотациями. Критический анализ различных

---

¹ Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

проектов нациестроительства в России и формирования национальной идентичности позволяет сделать вывод о том, что наиболее реалистичным в рамках ценностной политики идентичности является проект формирования трансэтнической российской нации и конструирования общероссийской идентичности на основе национальной идеи и публичных ценностей, консолидирующих российское общество.

Ключевые слова

Общероссийская идентичность; цивилизационная идентичность; нация-цивилизация; трансэтническая российская нация; национальная идея; ценностная политика; публичные ценности.

Abstract

Currently actualized the transition to a value-the identity policy based on the dialogue between representatives of state and local government, political, civic, and ethnic organizations about unifying national idea and the significant public values. In this regard, in the Russian society actualized the problem associated with the search for the ideological and value bases, which can be a space of formation of Russian national identity and national projects aimed at its formation. The difficulties associated with the development of these projects, due to the fact that the intellectual discourse there are different ideas about Russian identity, which the "loaded" ideological and political connotations. Critical analysis of different projects of nation-building in Russia and the formation of national identity leads to the conclusion that the most realistic value in the framework of identity politics is the project of formation transnational the Russian nation and the construction of Russian national identity based on national ideas and public values, consolidating the Russian society.

Keywords

Russian national identity; civilizational identity; nation-civilization; transitionsa Russian nation; national idea; the value of the policy; public values.

Глобализация, бросающая серьезный вызов национальным и культурным различиям, и локализация, в рамках которой этнические сообщества получают возможность реконструировать свою идентичность, сопровождаются в полиэтнических государствах кризисом национальных идентичностей¹. В связи с этим в российском обществе актуализировалась проблематика, связанная с поиском тех идейных и ценностных оснований, которые могут стать пространством формирования общероссийской идентичности. В русле этих поисков интеллектуальная элита занялась разработкой национальных проектов, направленных на формирование общероссийской идентичности². Однако при разработке этих проектов их авторы столкнулись с трудностями, обусловленными тем, что, с одной стороны, в интеллектуальном дискурсе понятие общероссийской идентичности постоянно «нагружается» идеологическими и политическими коннотациями, а с другой — в научно-исследовательских практиках существуют различные представления о природе этой идентичности.

Во-первых, общероссийская идентичность часто отождествляется с национальной или гражданской идентичностями. При этом понятие «национальная идентичность» применительно к российскому обществу используется преимущественно в западном смысле, пригодном, как отмечают исследователи, для описания совершенно других социальных реалий³. В западном смысле понятие «национальная идентичность» связано с обществом и государством, а в российском смысле — с этносом или народом. В этом плане «национальную идентичность, — как отмечают некоторые российские авторы, — можно определить, как заданную национальным видением мира и национальной историей основную идею, которой живет социум в конкретно-историческую эпоху и потому приемлемую для его большинства. Тем самым идентичность несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, его месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах его существования»⁴.

---

¹ Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y.: Simon&Schuster, 2004.

² Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. С. 3–9.

³ Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 58.

⁴ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2016. С. 297.

Во-вторых, в научном дискурсе существуют также различные представления о гражданской идентичности, применительно к специфике ее формирования в российском обществе. При этом одни исследователи полагают, что возникновение такой идентичности — это дело будущего в силу отсутствия в стране гражданского общества. Другие ученые считают, что в современном российском обществе можно выделить две модели формирования гражданской идентичности — государственно-гражданскую и национально-гражданскую. Основу государственно-гражданской идентичности составляют государственное самосознание индивидов и этатистская культура, предполагающие лояльность по отношению к государству. Основой национально-гражданской идентичности выступают гражданское самосознание и гражданская культура, которая предполагает отождествление индивида с гражданским сообществом как гражданской политической нацией. При этом исследователи подчеркивают, что в западноевропейской традиции государственно-гражданская и национально-гражданская идентичности на определенном этапе стали совпадать, поэтому применительно к Западу часто говорят о гражданской политической нации. В российской традиции понятия государственного и гражданского самосознания не совпадают, поэтому россияне, отвечая на вопрос о гражданстве, гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству¹.

Существуют также различные представления об уровнях общероссийской идентичности. Так, одни исследователи выделяют в ней макроуровень, включающий национально-государственную и цивилизационную идентичности; мезоуровень, представленный социально-групповой идентичностью, и микроуровень, позволяющий увидеть индивида в неповторимой уникальной взаимосвязи с обществом. Другие ученые в общероссийской идентичности выделяют цивилизационный, этнический, религиозный, региональный и социально-групповой уровни². Специфические черты общероссийской идентичности исследователи обычно усматривают в замедленном характере формирования российской нации и несформированности в России полноценного государства-

---

¹ Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 17–18.

² Зверева Г. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. 2009. № 1 (январь–март). С. 83.

нации¹, уникальном в ней сочетании многоэтнического состава и единого государства при государствообразующей роли русского народа, а также особой роли политиков, СМИ и образования в процессе формирования этой идентичности².

В целом можно отметить, что вопросы, касающиеся определения понятия общероссийской идентичности, ее структуры факторов формирования и специфики, в настоящее время остаются предметом дискуссий, затрудняющим разработку и реализацию ее различных проектов в российском обществе. Тем более, что зачастую эти проекты не всегда соответствуют ментальным программам россиян³.

Деконструкция различных проектов формирования общероссийской идентичности позволяет сделать вывод о том, что в них она интерпретируется, прежде всего, как идентичность коллективная, или идентичность «Мы» как воображаемого национального сообщества (российской нации)⁴. Однако вопрос о том, что собой представляет российская нация, в настоящее время остается не проясненным. Во многом это обусловлено тем, что в дискурсивных практиках существуют различные подходы к пониманию нации. В рамках одного из них, сложившегося под влиянием практик нациестроительства в западноевропейских странах, нация рассматривается как социальная общность с едиными национальными интересами и гражданскими ценностями, объединенная общей политической системой. При этом в понимании нации выделяется французская традиция, в которой нация рассматривается как политическое и гражданское сообщество, и немецкая традиция, связанная с пониманием ее как этнонации, т.е. сообщества культурного происхождения. Другой подход к пониманию нации связан с практикой «nation-building» в США как

---

¹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1. С. 52–63.

² Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия. С. 8; Lubsy A.V., Volkov Y.G., Denisova G.S., Voytenko V.P., Vodenko K.V. Civic Education and Citizenship in Modern Russian Society // *Indian Journal of Science and Technology*, 2016. Vol. 9. Iss. 36.

³ Культурология в вопросах и ответах. М.: Гардарики, 1999. С. 245–277; Лубский А.В., Лубский Р.А. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // *Научная мысль Кавказа*. 2012. № 4. С. 27–37; Lubsy A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsy R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549–9559;

⁴ Лубский А.В., Посухова О.Ю. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // *Власть*. 2016. № 8. С. 39–48.

иммигрантском государстве, в котором отождествляются понятия американского народа и американской нации как политического сообщества, основанного на верности американскому государству и приверженности американским ценностям, составляющим ядро политической культуры американского общества¹.

В рамках когнитивного моделирования можно выделить несколько вариантов формирования наций и национальных идентичностей. Во-первых, это складывание моноэтнической нации на основе общности этнического происхождения, религии, языка, экономических интересов и единства политической системы (нации-государства). На основе этой нации формируется национально-этническая идентичность. Во-вторых, это формирование полиэтнической нации на основе общности государственных (национальных) интересов и ценностей (политической нации). На основе этой нации формируется национально-государственная идентичность. В-третьих, это формирование полиэтнической нации на основе гражданского общества (гражданской нации). На основе этой нации формируется национально-гражданская идентичность. В-четвертых, это формирование трансэтнической нации на основе общности государственных интересов и идеологических ценностей (идеологической нации). На основе этой нации формируется национально-идеологическая идентичность. В-пятых, это формирование трансэтнической нации на основе общности государственных интересов и цивилизационных кодов (нации-цивилизации). На основе этой нации формируется национально-цивилизационная идентичность².

Сегодня исключительно остро стоит проблема повышения эффективности политики идентичности как управленческой деятельности. В настоящее время в управленческих практиках все активнее используются идеи и принципы «менеджмента публичных ценностей», базирующегося на представлении о том, что государственное управление должно опираться на такие общие базовые ценности, которые формируются в ходе публичных дискуссий при участии государства. Поэтому с целью повышения эффективности политики идентичности ей необходимо придать ценностное измерение. При этом следует отметить, что ценностная политика идентичности не просто опирается на публичные

---

¹ Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие. М.: Московская школа политических исследований, 2013. С. 298–312.

² Лубский А.В. Дискурсы о национальной и цивилизационной идентичностях в России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 24–32.

ценности, но и формирует их в качестве основы управленческой деятельности. В этом случае ценностная политика идентичности не противостоит диалоговой политике, поскольку она включает диалог как общественную ценность, предполагающую, что общие ценности должны идентифицироваться как политическими деятелями, так и широкой общественностью в процессе публичного дискурса.

В качестве основных, можно выделить такие принципы ценностной политики идентичности, как публичность, аксиологичность, субъектность и гуманитарность. Принцип публичности предполагает, что ценностная политика идентичности, опирающаяся на общезначимые публичные ценности, становится открытой для общественных дискуссий, выступающих важным ресурсом выработки управленческих решений. Принцип аксиологичности означает, что основой политики идентичности являются публичные ценности, формируемые в ходе публичных дискуссий при участии государства. Принцип субъектности предполагает, что ценностная политика идентичности не только должна ориентироваться на общественные ценности, но и формировать публичные ценности в качестве основы управленческой деятельности. Принцип гуманитарности требует, чтобы ценностная политика идентичности опиралась на гуманитарные технологии, основанные на гуманитарном мышлении и направленные на гуманизацию управленческой деятельности и повышение эффективности публичной коммуникации¹. Ценностная политика, основанная на гуманитарных технологиях, ведет к тому, что граждане все активнее стремятся формировать политическую «повестку дня», границы государства и гражданского общества фактически размываются, а их диалог по поводу национальной идентичности становится более открытым.

В 90-х гг. прошлого века модернизационные усилия российских реформаторов были направлены на изменение вектора развития общества в русле «догоняющего развития» в либеральном направлении. В связи с этим был предложен либеральный проект формирования в России гражданской нации и гражданской идентичности. Однако в силу специфики российского государственно-организованного общества и особенностей российской ментальности реализовать этот проект не удалось. В начале XXI в. был разработан новый проект, направленный на формирование российской нации одновременно как нации политической и гражданской. В результате частичной реализации этого проекта в России сформировалась

---

¹ Волкова А. В. Гуманитарные технологии и формирование ценностей // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. С. 78–85.

полиэтническая политическая нация, объединяющая граждан Российской Федерации. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что в современном российском обществе доминирующей является национально-государственная идентичность («Мы — граждане России»)¹. В российском дискурсе эту идентичность часто называют государственно-гражданской, основу которой, как отмечают исследователи, составляют государственное самосознание индивидов и этатистская культура, предполагающие лояльность по отношению к государству².

Существование в России полиэтнической политической нации, объединяющей граждан Российской Федерации, и доминирование в российском обществе национально-государственной идентичности вместе с тем не снимает с российской «повестки дня» вопроса об актуальности в современной России этнической идентичности. Более того, эта идентичность является преобладающей в национальных регионах среди представителей титульных национальностей. В связи с этим некоторые исследователи считают, что сформировавшаяся в России национально-государственная идентичность испытывает сильную конкуренцию со стороны этнической идентичности, и поэтому сложившаяся национально-государственная идентичность оказалась недостаточной для «купирования» в обществе межэтнических и межконфессиональных противоречий³. Однако другие исследователи обращают внимание на то, что вопрос о противоположности этнической идентичности, несмотря на высокий уровень ее распространения в российском обществе, и национально-государственной идентичности в настоящее время теряет остроту. Более того, социологические исследования, считают они, подтверждают возможность их совместимости в контексте общероссийской идентичности⁴. Однако вопрос о том, как совместить государственно-гражданскую и этнонациональную идентичности в контексте общероссийской идентичности, пока остается, как считают исследователи, открытым⁵.

---

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016. С. 176.

² Дробижева. Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 17–18.

³ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31–37.

⁴ Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. С. 301–304.

⁵ Волков Ю.Г., Лубский А.В. Размышление над российской социологией и российской реальностью // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 184–205.

В современном дискурсе предлагаются различные варианты формирования в России нации и общероссийской идентичности. Во-первых, это формирование нации-цивилизации в рамках моделей России как государства-цивилизации или страны-цивилизации. Катализатором особого внимания к модели России как государству-цивилизации стало «Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации» в декабре 2012 г., в котором он высказал идею о том, что «Россия веками развивалась как многонациональное государство», как «государство-цивилизация»¹. Выступая в сентябре 2013 года на заседании Валдайского клуба, Президент Российской Федерации, развивая эту идею, сказал, что «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве»².

Другая цивилизационная модель России как страны-цивилизации была предложена в октябре 2013 г. Патриархом Русской православной церкви Кириллом в выступлении на открытии XVII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». Подчеркнув, что Россия является самостоятельной цивилизацией «со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат», Патриарх Кирилл отметил, что «ценность любой цивилизации — в том, что она несет человечеству». В связи с этим он подчеркнул, что «России как стране-цивилизации есть что предложить миру». Во-первых, это опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений; во-вторых, это опыт многополярного и многоукладного бытия; в-третьих, это традиция самоограничения, столь важная в обстановке надвигающегося

---

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря. 2012 года. // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.

² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 года. // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.

дефицита ресурсов и острого экологического кризиса; в-четвертых, это концепция нравственных ценностей; в-пятых, идея человеческой солидарности как особая национальная идея, пронизывающая нашу историю и культуру на протяжении многих веков. Подчеркивая особое значение духовной составляющей, Патриарх отметил, что, «пожалуй, высшей ступенью утверждения суверенитета России как уникальной страны-цивилизации является суверенитет духовный»¹.

Таким образом, в настоящее время существует модель России как государства-цивилизации, предложенная Президентом Российской Федерации, и модель России как страны-цивилизации, предложенная Патриархом. Однако государственническая и церковная модели России как цивилизации не являются альтернативными, а как бы дополняют друг друга в духе принципов «симфонии властей». Обе модели акцентируют внимание на том, что Россия как цивилизация — это многонациональная локально-историческая общность, но в модели государства-цивилизации акцент делается на том, что эта общность государственно-организованная, а в модели страны-цивилизации на том, что эта общность солидарная и духовная.

Актуальность проекта конструирования национально-цивилизационной идентичности на основе образов России как государства-цивилизации или страны-цивилизации в настоящее время обусловлена тем, что консервативная волна, захватившая массовые уmonoстроения россиян на рубеже столетий, усилила сомнения значительной их части «в самом факте цивилизационной принадлежности России к Европе»². В результате в общественном сознании исчезли сомнения по поводу правомерности российской цивилизационной специфики. Вместе с тем реализация в России проекта нации-цивилизации и соответственно конструирования национально-цивилизационной идентичности в настоящее время связана с большими трудностями, обусловленными тем, что, во-первых, в интеллектуальном дискурсе существуют различные образы России как самостоятельной цивилизации³, во-вторых, матрица цивилизационной идентичности пока находится на периферии массового сознания россиян. Более реалистичным сегодня представляется проект, связанный с конструированием

---

¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVII Всемирного русского народного собора. 31 октября 2013 г. // Официальный сайт Московского Патриарха. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783>.

² Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. С. 309–310.

³ Лубский А.В. Цивилизационные образы России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 47–61.

трансэтнической российской нации как многонационального народа России и, соответственно, общероссийской идентичности на основе национальной идеи и публичных ценностей, консолидирующих российское общество.

Исследователи уже обратили внимание на то, что продвижение концепции единого русского народа как российской нации и формирование общероссийской идентичности — дело не из легких, поскольку речь идет, как они подчеркивают, не столько о «соблюдении паритета» между принадлежностью к русскому народу и определенному этносу, сколько о синтезе государственно-гражданского и этнонационального сознания, не обезличивающим при этом национальные языки и культуры¹. На основе чего возможен такой синтез? В русском обществе на основе перехода в государственном управлении к ценностной политике, в рамках которой синтез государственно-гражданского и этнонационального сознания возможен, прежде всего, за счет объединяющей национальной идеи и общих публичных ценностей. В связи с этим надо отметить, что национальная идея, задаваемая государством, играет особую роль в функционировании и развитии русского государствоцентричного общества, консолидируя его и задавая «общее дело». Именно поэтому государство в России и аффилированная с ним часть русских интеллектуалов постоянно заняты поиском национальной идеи.

В 2015–2016 гг. русскому обществу в качестве таковой была предложена идея патриотизма². Приживется ли эта идея в массовом сознании россиян и, если приживется, то, в какой интерпретации? Результаты социологических исследований свидетельствуют, во-первых, о том, что наибольшей поддержкой россиян пользуется в первую очередь идея единения народов России с целью ее возрождения как великой державы (42%). На втором месте стоит идея создания в России правового государства (38%), на третьем — объединение народов для решения глобальных проблем (26%). Остальные варианты национальной идеи, включая создание общеевропейского дома, возвращение к социализму, утверждение принципов либерализма пользуются небольшой поддержкой россиян³.

---

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. С. 312–313.

² Волков Ю.Г., Лубский А.В. Патриотизм и национальная идея в современной России в контексте национальной безопасности: теоретические аспекты исследования // Патриотизм — национальная идея России. Ростов н/Д.; Изд-во Фонд науки и образования 2016. С. 44–48.

³ Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. С. 246.

Что касается патриотизма как идеи, то он, как отмечают социологи, достаточно позитивно воспринимается массовым сознанием россиян, однако патриотизм у нас не слишком-то критичный и самокритичный¹. В связи с этим национальная идея патриотизма как любви к Родине в российском обществе должна сочетаться с идеей гражданственности как готовности человека активно участвовать в делах общества и ответственности за свои дела и поступки². Однако с гражданственностью в российском обществе есть проблемы, поскольку, согласно социологическим данным, «всего 11% населения России в число трех основных своих мечтаний включили желание оказаться полезными обществу, внести свою лепту в развитие страны»³.

Синтез государственно-гражданского и этнонационального сознания предполагает наличие не только объединяющей национальной идеи, но общих публичных ценностей, консолидирующих российское общество. Публичные ценности, присущие различным социальным, в том числе и этническим группам, разнородны и изменчивы. Поэтому ценностная политика как управленческая деятельность должна осуществляться, не только опираясь на актуальное состояние публичных ценностей как общественных предпочтений, но и целенаправленно диверсифицируя структуры этих ценностей в контексте диалога государства, национального сообщества и этнических групп.

При этом надо отметить, что формирование российской нации как воображаемого сообщества и соответственно общероссийской идентичности должно быть результатом не только государственного, но и социального конструирования на основе таких ценностей, которые сложились в российском обществе под влиянием нравственных и духовных традиций. Прежде всего, таких, как справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, солидарность, семья, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность, вера, Родина, свобода⁴.

---

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 2. С. 417.

² Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 42–59.

³ Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. С. 256.

⁴ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XV Всемирного русского народного собора. 25 мая 2011 г. // Официальный сайт Московского Патриарха. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1495312.html>.

Таким образом, в 90-х гг. прошлого века в условиях начавшейся модернизации был предложен либеральный проект формирования в России гражданской нации и гражданской идентичности, который, однако, остался не реализованным в силу социокультурной специфики российского общества и особенностей российской ментальности.

Формирование в России полиэтнической политической нации и преобладание в российском обществе национально-государственной, или государственно-гражданской идентичности, основанной на этатистской культуре и лояльности граждан по отношению к государству, не сняли вопрос об актуальности этнических идентичностей, обладающих дезинтеграционным потенциалом этнонациональных различий в российском обществе.

В настоящее время актуализировался переход к ценностной политике идентичности, основанной на диалоге представителей органов государственной и муниципальной власти, политических, гражданских и этнических организаций по поводу объединяющей национальной идеи и общезначимых публичных ценностей. В целом содержание этой политики может быть сведено к следующему: 1) эффективное управленческая деятельность должна опираться на коллективные публичные ценности и генерирование в обществе наиболее значимых из них; 2) публичные ценности должны быть легитимными, т.е. одобряться как политическими деятелями, так и широкой общественностью в процессе общественного диалога; 3) эффективность использования публичных ценностей в политике идентичности должна постоянно контролироваться; 4) представители органов власти, политических, гражданских и этнических организаций должны понимать, артикулировать и пересматривать, если это требуется, публичные ценности. К основным принципам ценностной политики идентичности, основанной на гуманитарных технологиях, можно отнести публичность, аксиологичность, субъектность и гуманитарность.

В настоящее время в российском обществе актуализировалась проблематика, связанная с поиском тех идейных и ценностных оснований, которые могут стать пространством формирования общероссийской идентичности и основой национальных проектов, направленных на ее формирование. Трудности, связанные с разработкой этих проектов, обусловлены тем, что в интеллектуальном дискурсе существуют различные представления об общероссийской идентичности, которая при этом постоянно «нагружается» идеологическими и политическими коннотациями.

Критический анализ различных проектов нациестроительства в России и формирования национальной идентичности позволяет сделать вывод о том, что наиболее реалистичным в рамках ценностной политики идентичности является проект формирования трансэтнической российской нации и конструирования общероссийской идентичности на основе национальной идеи и публичных ценностей, консолидирующих российское общество. Результаты социологических исследований показывают, что наибольшей поддержкой у россиян пользуются идеи единения народов России с целью ее возрождения как великой державы, создания правового государства, а также объединения народов для решения глобальных проблем. Идея патриотизма также позитивно воспринимается россиянами, однако, патриотизм как любовь к Родине в российском обществе еще не всегда сочетается с идеей гражданственности как готовности человека активно участвовать в общественных делах и ответственности за свои дела и поступки.

Основой формирования трансэтнической российской нации и конструирования общероссийской идентичности должны стать ценности, сложившиеся в российском обществе под влиянием нравственных и духовных традиций, прежде всего такие, как справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, солидарность, семья, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность, вера, Родина, свобода.

Библиография

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31–37.

2. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Патриотизм и национальная идея в современной России в контексте национальной безопасности: теоретические аспекты исследования // Патриотизм — национальная идея России. — Ростов н/Д.: Изд-во Фонд науки и образования 2016.

3. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Размышление над российской социологией и российской реальностью // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 184–205.

4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М. К., — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Новый хронограф, 2016. — 416 с.

5. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М. К., — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Новый хронограф, 2016. — 496 с.

6. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 17–25.

7. Зверева Г. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. 2009. № 1 (январь–март). С. 73–80.

8. Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие. — М.: Московская школа политических исследований, 2013.

9. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. — Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. — 244 с.

10. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря. 2012 года. // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/171>

11. Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y.: Simon&Schuster, 2004.

12. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549–9559

13. Lubsky A.V., Volkov Y.G., Denisova G.S., Voytenko V.P., Vodenko K.V. Civic Education and Citizenship in Modern Russian Society // Indian Journal of Science and Technology, 2016. Vol. 9. Iss. 36.

References

1. Avksentev V. A., Aksyumov B. V. The Russians: from the civil to the civilization identity [Rossiyane: ot grazhdanskoy k tsivilizatsionnoy identichnosti] // Scientific thought of Caucasus. 2013. No. 4. P. 31-37.
2. Volkov Yu. G., Lubsky A. V. Patriotism and national idea in modern Russia in the context of national security: theoretical aspects [Patriotizminatsional'naya ideya v sovremennoy Rossii v kontekstena tsional'noy bezopasnosti: teoreticheskie aspekty issledovaniya] // The Patriotism, the national idea of Russia. — Rostov n/D: Publishing House of the Foundation of Science and Education 2016.
3. Volkov Yu. G., Lubsky A. V. Reflection on Russian sociology and the Russian reality [Razmyshlenie nad rossiyskoysotsiologiyeyi rossiyskoy real'nost'yu] // Socio-humanitarian knowledge. 2017. No. 2. P. 184-205.
4. Gorshkov M. K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). [Rossiyskoe obshchestvo kak ono est': (opytsotsiologicheskoy diagnostiki)] In 2 t. T. 1. / Gorshkov M., — Ed. 2nd, Rev. and extra — M.: New chronograph, 2016. — 416 p
5. Gorshkov M. K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). [Rossiyskoe obshchestvo kak ono est': (opytsotsiologicheskoy diagnostiki)] In 2 vols 2. / Gorshkov M. K. — Ed. 2nd, Rev. and extra — M.: New chronograph, 2016. — 496 p
6. Drobizheva L. M. Russian identity and consent in interethnic relations: the experience of 20 years of reforms [Rossiyskaya identichnost' isoglasie v mezhetnicheskikh otnosheniyakh: opyt 20 let reform] // Bulletin of the Russian nation. 2012. No. 4-5. P. 17-25.
7. Zvereva G. As “us” now? Formulas of collective self-identification in modern Russia [Kak «nas» teper' nazyvat'? Formuly kollektivnoy samoidentifikatsii v sovremennoy Rossii] // Bulletin of public opinion. 2009. No. 1 (January–March). P. 73-80.
8. Inozemtsev V. L. A Lost decade [Poteryannoe desyatiletie]. — M.: Moscow school of political studies 2013.
9. Construction of Russian national identity in the context of interethnic and interreligious interaction: Monograph [Konstruirovaniye obshcherossiyskoy identichnosti v kontekste mezhetnicheskogo i mezhreligioznogo v zaimodeystviya: Monografiya] / Ed. edited by Yu. G. Volkov. — Rostov n/D.: Foundation of Science and Education, 2016. — 244 p.

10. The President's Address To The Federal Assembly. 12 Dec. 2012. [Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 12 dekabrya. 2012 goda] // President Of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.

11. Huntington, S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N. Y.: Simon & Schuster, 2004.

12. Lubsky V. A., Kolesnykova E. Y., Lubsky R. A. Programs Mental and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549-9559

13. Lubsky V. A., Volkov Y. G., Denisova G. S., V. P. Voytenko, Vodenko K. V. Civic Education and Citizenship in Modern Russian Society // Indian Journal of Science and Technology, 2016. Vol. 9. Iss. 36.

ПЕТРОВ
Родион Викторович,
аспирант Института
социологии и
регионоведения,
Южный федеральный
университет,
Ростов-на-Дону, Россия
centr770@yandex.ru

PETROV
Rodion Viktorovich,
research student of the
Institute of Sociology and
Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
centr770@yandex.ru

**К вопросу о трудовых мигрантах-экспатах на российском
рынке труда / To the question of labor migrants-expats in
the Russian labor market**

Аннотация

Статья посвящена анализу деятельности экспатов — высококвалифицированных иностранных управленцев и специалистов, работающих на российском рынке труда. Исследование вызвано необходимостью ликвидации пробела в систематизации знаний об экспатах. В этой социальной группе ряд современных исследователей видит альтернативный государству субъект российской модернизации. В статье рассматриваются тенденции использования социальной группы экспатов на российском рынке труда и их влиянии на принимающую российскую культуру.

Ключевые слова

Экспаты; высококвалифицированные трудовые мигранты;
интеграция; российский рынок труда.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the activity of expats — highly qualified foreign managers and specialists working in the Russian labor market. The study is caused by the need to fill the gap in the systematization of knowledge about the expats. In this social group, a number of modern researchers see an a subject of Russian modernization, alternative to the state. The article examines the trends of the usage of a social group of expats in the Russian labor market and their impact on the host Russian culture.

Keywords

Expats; highly qualified labor migrants; integration; Russian labor
market.

Официально принятый курс на введение для квалифицированной зарубежной рабочей силы с 2019 года облегченного въезда на территорию Российской Федерации¹ и переход к инновационному социально-ориентированному типу развития² актуализирует изучение широкого спектра вопросов, связанных с оценкой характера неотрывно связанных процессов на российском рынке труда. Проектный документ программы «Цифровая экономика», разработанный в рамках магистрального направления It-отрасль Минкомсвязь РФ, ставит целью решение существующих проблем на рынке труда. Предполагается, что карта будет выдаваться высококвалифицированным зарубежным специалистам, имеющим российское происхождение и при этом свободно владеющим русским языком³. Она будет предоставлять право въезда и работы на территории России. Авторы иницирующего документа предлагают проработать методику оценки работодателями квалификации работающих в России владельцев карты и выработать систему поддержки в России специалистов, которые получают высокие оценки.

Данная законодательная инициатива свидетельствует то, что российской экономике требуется большое количество высококвалифицированной иностранной рабочей силы — специалистов и управленцев. Причём критерии наличия российского происхождения и свободного владения русским языком для получения «карты соотечественника» подчеркивают приоритетность в выборе именно тех трудовых мигрантов, которые могут социокультурно ассимилироваться в принимающее российское сообщество.

Экспаты — это люди с гражданством одной страны, которых компания по контракту отправляет в другую страну, и они там работают на долговременной основе. Необходимость привлечения экспатов — следствие и транснационализации бизнеса. Иностранцы профессионалы и управленцы высшего и среднего звена, работающие в российских компаниях и филиалах транснациональных компаний, не являются российскими резидентами, однако, участвуют

---

¹ В России готовят аналог грин-карты // Газета «Известия». 04.05.2017 // URL: <http://izvestia.ru/news/698648>.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. / Министерство экономического развития РФ (официальный сайт). // URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategicPlanning/concept>.

³ Раздел «Привлечение иностранных специалистов и российских специалистов, уехавших за рубеж». Программа «Цифровая экономика» Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. 2017. // URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/779/#section-targets>.

в принятии стратегических решений в крупных компаниях. Экспатов можно сравнить с механизмом, который имеет определенные функции и инструментарий. В зависимости от того, как используется этот механизм, можно ожидать отдачу и результат.

В крупных компаниях и фирмах иностранные менеджеры допущены к выработке и принятию стратегических решений и, следовательно, обладают высоким потенциалом влияния. Однако они являются носителями совершенно иной системы ценностей, другого мировоззрения. Исследователи делают вывод, что «слой экспатов в России весьма неоднороден и при определенных условиях может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на «принимающую» их российскую культуру»¹. В структуре крупных компаний, работающих в России, на срединных уровнях, исследователи выявили иностранных профессионалов, которые могут выступать как субъекты, влияющие на переход российской экономической культуры на качественно новый уровень, который отвечает современной экономике и технологиям. Это экспаты, занимающиеся эффективным проектным управлением, стратегическим планированием, обладающие знанием еще не освоенных отраслей российского рынка, которые находятся на стадии формирования.

Состав экспатов, которые работают в России, разнороден. Большая часть из них приезжают в Россию из США, Германии, Франции и Великобритании. Многим из них свойственен изолированный образ жизни, они не стремятся к контакту и культурному обмену.

По способу интеграции в российскую культуру выделяют следующие типы экспатов:

1. Неинтегрированные специалисты. Установка их работодателей, находящихся за рубежом — сохранить чистоту культурного поля.

2. Экспаты, подвергшиеся культурной ассимиляции и ведущие себя как русские.

3. Специалисты, которые принимают русскую культуру, но не меняют свои внутренние установки.

Выделяется также группа экспатов, которая ищет точки соприкосновения с деловой культурой России для построения модели эффективной работы. Эта группа, по мнению исследователей, с точки зрения позитивного влияния на развитие российской экономики представляется для нас наиболее ценной².

---

¹ Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. Иностранные профессионалы в России как агенты модернизации // Общество и экономика. № 11-12. М., 2013. С. 164.

² Там же.

Иностранные работники сегодня стали неотъемлемой частью крупных компаний. Они востребованы, как специалисты, в различных областях. В Россию экспаты обычно едут по направлению какой-то зарубежной компании, которая развивает свой бизнес в России, или по персональному приглашению российской компании. Одним из слагаемых успеха при этом является знание экспатом культуры страны, где он планирует работать, интерес к ней. Уважение к представителям другой культуры помогают экспату. В этом случае ему удастся построить более эффективную модель управления и передать свой опыт россиянам. Культурная адаптация — одно из базовых качеств, необходимых экспату.

Однако мнения экспатов о российской культуре труда зачастую бывают негативными и противоречивыми. Экспаты отмечают склонность российских производств к авральному режиму работы, что подчас вызывает у них неприятие. Однако экспаты способны по достоинству оценить русских, они восхищаются их способностями¹. Иностранцы склонны к дисциплине, они скрупулезно работают над одним проектом, и лишь завершив его, готовы приступить к следующему. Это бывает часто непонятно россиянам, которые одновременно могут делать несколько дел. Некоторые экспаты оценивают русских как недисциплинированных, не склонных брать на себя ответственность и безразличных к проблемам фирмы². Однако русские могут работать сверхурочно, задержаться на работу, прийти раньше, выйти на работу в выходные дни, что почти нельзя встретить за рубежом.

Исследователь В. Карачаровский провёл анализ различий между совместно работающими в России российскими и иностранными профессионалами (экспатами) из ЕС и США³. На основании проведенных исследований он делает вывод, что в многонациональных

---

¹ Исследование «Экспаты на российском рынке труда», проведенное научным коллективом (Карачаровский В.В., Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.) для фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». 2013. В опросе приняли участие 145 руководителей-иностранцев, работающих в России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Новосибирск). Среди респондентов — выходцы из США, Европы, Южной Америки и Юго-Восточной Азии. // URL: <http://khamovniki.ru/projects/ekspaty-na-rossiyskom-rynke-truda.html>.

² Опрос *Balancing life abroad* выполнен компанией YouGov по заказу HSBC Expat Explorer. В нём приняли участие 21 950 экспатов из 198 стран посредством заполнения онлайн-анкеты в марте, апреле и мае 2015 года. // URL: <http://www.about.hsbc.ru/ru-ru/news-and-media>.

³ Карачаровский В.В. Деловые коммуникации и культурная дистанция в среде российских и иностранных профессионалов. // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Вып. 1(39). М.: из-во Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», 2015. С. 35-51.

коллективах на деловом и профессиональном обмене сказывается различное отношение к власти, риску и групповым интересам, при этом между работниками сохраняется культурная дистанция. Среди русских профессионалов и среди экспатов выделяются диаметрально полярные группы, одна из них представляет базовый для своей культуры набор ценностей, другая — комплекс ценностей, который более близок российской культуре.

Согласно опросу HSBC Expat Explorer, Россия входит в десятку стран, где иностранные работники адаптируются менее чем за год (57%, этот показатель по миру в среднем составляет 48%)¹. Как отмечает 62% экспатов, Россия — весьма подходящее место для освоения новых навыков и работа в стране приносит наибольшее удовлетворение². 45% опрошенных в России экспатов высоко оценивают местную корпоративную культуру, 20% респондентов уверены, что она хуже той, которая представлена на родине.

Изучение русского языка является первостепенным фактором успешной интеграции в России. 71% экспатов изучают и используют русский язык, пребывая в стране (55% экспатов во всем в мире изучают язык выбранной для проживания страны)³.

Меняется география стран, из которых российские работодатели приглашают экспатов. Традиционно у российских работодатели приглашают специалистов из Китая, Турции, Сербии, Боснии и Герцеговины, Вьетнама, Таиланда, Филиппин. Востребованы также сотрудники из развивающихся стран, таких как Малайзия, Индия. Уровень их зарплат соответствует российскому уровню, однако кроме высокого уровня образования и опыта они имеют сильную мотивацию.

В последние годы в России востребованы экспаты из Чехии или Польши. При этом работодатель считает, что если экспату удалось наладить бизнес в постсоциалистической стране с похожими условиями, то он будет полезен и в России. Появилась тенденция, которая раньше не была распространена в такой степени, — на должности специалистов высшего звена, которые раньше занимали

---

¹ Опрос Balancing life abroad выполняется компанией YouGov по заказу HSBC Expat Explorer. В нём приняли участие 21 950 экспатов из 198 стран посредством заполнения онлайн-анкеты в марте, апреле и мае 2015 года. // URL: <http://www.about.hsbc.ru/ru-ru/news-and-media>.

² Там же.

³ Опрос Balancing life abroad выполняется компанией YouGov по заказу HSBC Expat Explorer. В нём приняли участие 21 950 экспатов из 198 стран посредством заполнения онлайн-анкеты в марте, апреле и мае 2015 года. // URL: <http://www.about.hsbc.ru/ru-ru/news-and-media>.

экспаты, назначаются российские сотрудники. Это связано с тем, что успело вырасти поколение российских квалифицированных кадров. Кроме того, рабочие места стали занимать внутренние мигранты — из регионов.

В настоящее время российский бизнес изменил свое отношение к экспатам. Экспата приглашают, когда для выполнения определенной задачи (например, внедрение и применение иностранных технологий) среди российских специалистов нельзя найти управленца соответствующего уровня. При выборе иностранного специалиста работодатели руководствуются степенью его эффективности.

В настоящее время запрос на квалифицированную иностранную рабочую силу по сравнению с 2000-ми годами значительно снизился. Количество экспатов в разных сферах уменьшается: и среди топ-менеджеров, и в научной среде, и в промышленности, и в других сферах. По словам экспертов, количество иностранных сотрудников сейчас поддерживается за счет крупных иностранных компаний, которые по-прежнему продолжают приглашать иностранных работников, а также за счет профессионалов из развивающихся стран, так как они дешевле экспатов из Западной Европы. В компаниях, представляющих средний и малый бизнес, иностранные менеджеры работают почти в виртуальном режиме: дистанционно консультируют из-за рубежа, приезжая в Россию для контроля ситуации.

При данных условиях экспаты едва ли могут выступать силой, которая поспособствует делу модернизации российской экономики. Однако их взгляд на действительность местных реалий важен для понимания процессов, которые не дают экономике эффективно развиваться.

Некоторые современные исследователи ищут альтернативный государству субъект российской модернизации. Экспаты, которые работают в России, попадают в число этих социальных групп. К ним относят также образовавшийся средний класс, инновационных предпринимателей, профессионалов, занятых в отраслях экономики.

Сотрудники Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ проанализировали вклад экспатов в преобразование экономики России и их роль в модернизации производства¹.

---

¹ Исследование «Экспаты на российском рынке труда», проведенное научным коллективом (Карачаровский В.В., Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.) для фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», 2013. В опросе приняли участие 145 руководителей-иностранцев, работающих в России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Новосибирск). Среди респондентов — выходцы из США, Европы, Южной Америки и Юго-Восточной Азии. // URL: <http://khamovniki.ru/projects/ekspaty-na-rossiyskom-rynke-truda.html>.

В высокотехнологичной сфере после введения санкций и импортозамещения ИТ-компании повысили уровень требований к профессиональному опыту и компетентности персонала, приостановили его набор. При этом особое значение приобретают экспаты. Они являются опытными весьма ценными кадрами с чрезвычайно высоким уровнем квалификации, что может помочь в деле освоения и замещения новых зарубежных технологий.

Ситуация с техническими специалистами гораздо сложнее. Перспектива вырастить собственных специалистов займет длительное время. Система образования не успевает подготавливать специалистов, которые нужны бизнесу. Установки и требования меняются настолько стремительно, что необходимо срочным образом эффективными решениями поддерживать уровень компетенции конкурентоспособного персонала для достижения быстрого результата. Обучать сотрудников за рубежом не получается из-за высокого курса евро.

С позиции модернизационных процессов важна не только массовость присутствия носителей иной культуры, но сам факт попадания в культуру новых, социокультурных образцов. Важно и косвенное влияние. На экспатов лежит задача определения тех качеств принимающей культуры, с которыми они не сталкиваются на производстве в своих странах в аналогичных ситуациях. А это формирует фундаментальную основу для национального самоанализа.

Таким образом, освоение новых навыков и включение в новую культуру — чрезвычайно важный аспект ассимиляции экспатов. В многонациональных коллективах сотрудники демонстрируют различное отношение к власти, риску и групповым интересам, деловой и профессиональный обмен между работниками происходит при сохраняющейся культурной дистанции. Согласно последнему опросу HSBC Expatri Explorer, Россия входит в десятку стран, где иностранные работники адаптируются менее чем за год, а 62% экспатов отмечают, что Россия — весьма подходящее место для освоения новых навыков¹. Налицо изменение отношения экспатов к работе в России — им интересно работать с новым поколением умных, знающих российских специалистов, владеющих несколькими языками, с которыми можно вести бизнес и у которых тоже можно учиться.

---

¹ Опрос *Balancing life abroad* выполняется компанией YouGov по заказу HSBC Expatri Explorer. В нём приняли участие 21 950 экспатов из 198 стран посредством заполнения онлайн-анкеты в марте, апреле и мае 2015 года. // URL: <http://www.about.hsbc.ru/ru-ru/news-and-media>.

Новая проектная инициатива Минкомсвязи РФ ориентирована на открытие нового источника притока высококвалифицированных трудовых мигрантов, на привлечение специалистов-экспатов по «карте соотечественника». Это свидетельствует о приоритетности в выборе именно тех трудовых мигрантов, которые могут социокультурно ассимилироваться в принимающее российское сообщество.

Библиография

1. В России готовят аналог грин-карты // Газета «Известия». 04.05.2017. // URL: <http://izvestia.ru/news/698648>.

2. Карачаровский В.В. Деловые коммуникации и культурная дистанция в среде российских и иностранных профессионалов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Вып. 1(39). М.: из-во Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», 2015. С. 35-51.

3. Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. Иностранные профессионалы в России как агенты модернизации // Общество и экономика. № 11-12. М., 2013. С. 164.

4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. / Министерство экономического развития РФ (офиц. сайт). // URL: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/strategicPlanning/concept>.

5. Программа «Цифровая экономика» Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. 2017. // URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/779/#section-targets>.

6. Экспаты на российском рынке труда // Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». 2013. // URL: <http://khamovniki.ru/projects/ekspaty-na-rossiyskom-rynke-truda.html>.

7. Balancing life abroad by HSBC Expat Explorer. 2016. // URL: <http://www.about.hsbc.ru/ru/ru/news-and-media>.

References

1. In Russia, an analogue of the green card is being prepared // Newspaper "Izvestia". 05/04/2017. // URL: <http://izvestia.ru/news/698648>.

2. Karacharovsky V.V. Business communications and cultural distance among Russian and foreign professionals. // Contours of global transformations: politics, economics, law. Issue 1(39). M.:

Association of Independent Experts “The Center for Crisis Society Studies”, 2015. P. 35-51.

3. Karacharovskiy V.V., Yastrebov G.A. Foreign professionals in Russia as agents of modernization // Society and Economics. №11-12. M., 2013. P.164.

4. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008. № 1662-r. / Ministry of Economic Development of the Russian Federation (official website). // URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategicPlanning/concept>.

5. The program “Digital Economy” of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation. 2017. // URL: <http://minsvyaz.ru/en/activity/directions/779/#section-targets>.

6. Expats on the Russian labor market // Fund of Support of Social Research “Khamovniki”. 2013. // URL: <http://khamovniki.ru/projects/ekspaty-na-rossiyskom-rynke-truda.html>.

7. Balancing life abroad by HSBC Expat Explorer. 2016. // URL: <http://www.about.hsbc.ru/en-ru/news-and-media>.

ХОЦЕНКО
Виталий Павлович
соискатель Института
социологии и регионоведения
Южного федерального
университета (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия
infoippk@sfedu.ru

HOSENKO
Vitalij Pavlovich
Applicant of Institute of
Sociology and Regional
Studies of Southern Federal
University (SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia
infoippk@sfedu.ru

**Теоретико-методологический аспект исследования
корпоративизма в административном управлении:
формирование функциональных и институциональных
схем / Theoretical-methodological aspect of the study of
corporatism in the administration: the formation of functional
and institutional arrangements**

Аннотация

В представленной статье осмысливаются теоретические предпосылки исследования корпоративизма в административном управлении. Отмечается, что согласно логике структурно-функционального анализа и неоинституционализма, корпоративизм реализуется в деятельности субъектов административного управления в контексте соотнесения с формальными и неформальными нормами деятельности, согласованием интересов в целях поддержания стабильности системы управления и воспроизводства позиций автономности по отношению к группам влияния.

Ключевые слова

Административное управление; субъект административного управления; корпоративизм; формальные нормы; неформальные нормы.

Abstract

The article explains the theoretical background of the study of corporatism in administrative management. It is noted that according to the logic of structural-functional analysis and neo-institutionalism, corporatism is realized in activity of subjects of administrative management

in the context of correlation with the formal and informal norms of activity, coordination of interests to maintain the stability of the control system and the reproduction position of autonomy in relation to the groups.

Keywords

Administration; subject of administration; corporatism; formal norms; informal norms.

Следует подчеркнуть, что административное управление, как сфера государственного управления, связанная с исполнительной властью и обладающая компетентностью принятия управленческих решений в сфере регулирования процессов в общегосударственном пространстве, является предметом изучения правовых дисциплин. Вместе с тем, возникает вопрос о том, каким образом люди, наделенные административными полномочиями, реализуют данные исполнительские функции, каким образом используется административный ресурс, ресурс государственно-правового принуждения. Поэтому не случайно административное управление становится важным разделом в исследовании социологической мысли.

Заложенные классиками социологии Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Г. Спенсером мысли о роли административного управления в становлении и развитии общества, поддержании его целостности являются объяснимыми. Подчеркивая, что классическая социология исходит из парадигмы от общества к людям, неудивительно, что государственное управление наряду с другими сферами социальной жизни воспринимается как ключ к отгадке общественных взаимоотношений. При этом не следует забывать, что административное управление, попадая под действие юрисдикции, в социологической мысли интерпретируется в соответствии с ее характером, с тем, что в процессе профессионального разделения труда выделяется слой профессиональных управляющих, административных служащих, чиновников наделенных полномочиями распоряжаться и распределять, то есть использовать ресурсы государства для выполнения определенных задач стабильности интеграции и целостности.

Вместе с тем, следует отметить, что подходы к исследованию корпоративизма в системе административного управления имели определенное значение. Для Э. Дюркгейма это социальный факт,

что означает анализ административного управления через критерий общности, измерение в объективных показателях. Следующий шаг в понимании специфики административного управления делает М. Вебер, для которого в контексте рационализации общественных отношений бюрократия выступает агентом целерациональной деятельности, наделена такими параметрами как анонимность, сплоченность, функциональность, верховенства законов и указов, то есть формальная рациональность. Веберовское понимание административного управления было направлено на то, чтобы подчеркнуть, что в условиях современного общества господствует целерациональность, что свобода личности втиснута в определенные правовые и административные рамки. Безусловно, веберовское понимание нельзя считать критическим, напротив, автор подчеркивает эффективность административного управления, связанного со спецификой современного государства и современной экономики.

В позициях М. Вебера и Э. Дюркгейма прослеживается определенное расхождение, связанное с тем, что Э. Дюркгейм усматривал позитивную роль профессиональных ассоциаций для поддержания и воспроизводства органического распределения труда в обществе, так как в условиях, когда перестают работать традиции и обычаи, как регуляторы современного общества, именно профессиональные и правовые нормы становятся и способом регулирования отношения с другими и формой выражения представительства определенных групп. Вклад М. Вебера состоит в том, что для него сфера административного управления «деромантизирована», эта деятельность профессионалов «без души» и гедонистов «без сердца».

Несомненно, М. Вебер признавая необходимость профессионализма в административном управлении, полагал, что действует определенный профессиональный этос, квалифицируемый как бюрократический корпоративизм. Исходя из этого обстоятельства, М. Вебер ставил вопрос о том, чтобы корпоративизм проявлялся в ассоциациях свободных людей, в гражданском обществе. Сплоченность бюрократии является нежелательным вариантом на пути общественного прогресса и даже если ставить ее в рамки закона, трудно убедить в целесообразности принятия иных мнений. М. Вебер понимал корпоративизм, как общий корыстный интерес субъектов административного управления, поскольку речь шла о том, что пользуясь законом, как инструментом реализации управленческих целей, субъекты административного управления злоупотребляют своей властью в силу того, что мнят

себя вышестоящими по отношению к обществу. Эта оценка могла бы выглядеть не аналитической, если не принимать во внимание, что для М. Вебера целенаправленное поведение порождает корпоративизм особого рода, связано с тем укладом, который базируется на организационных предпосылках административного управления.

Принуждение, действующее внутри административного управления, переносится на общество, так как формируется язык общения, связанный с тем, чтобы деятельность и приоритет административного управления понимались исключительно как полезные по схеме «мы знаем то, чего не знаете вы. Таким образом, в классической социологической мысли было введено понятие корпоративности в административном управлении, как следствие органического разделения труда в обществе, выделения профессионального слоя управленцев и ориентированности системы управления на формирование всеобщего интереса, стоящего, по отношению к другим интересам, на основе профессиональной компетентности. В этом смысле М. Вебер открыл новую проблемную область, связанную с тем, что современное общество, в котором императивность административного управления определена рационализацией общественных отношений, является обществом частных интересов. Мысли М. Вебера прошли испытание временем, но в смысле критики бюрократического корпоративизма, следует подчеркнуть, что заложенная Вебером характеристика о бюрократии — корпорации вызвала и дальнейший научный интерес, и критику, которая была несовместима с научно обоснованной аргументацией.

«Романтическая» критика сужает возможности осмысления корпоративизма в административном управлении, так как довольствуется оценками, не стимулируя исследовательский интерес к пониманию корпоративизма как социального явления, определяемого структурными и институциональными условиями. В этом контексте плодотворной выглядела концепция Т. Парсонса, который применяет к административному управлению принцип партикуляризма — универсальности норм, с одной стороны, с другой — видит в формировании управленческого страта следствие социальной дифференциации общества.

Согласно позиции Т. Парсонса, система административного управления вписывается в контекст современных обществ, так как проникает в плюралистическую структуру групп по интересам, сопротивляется упрощению законов, формализует систему управления и, не менее важно, действует механизм назначения

управленцев из наиболее влиятельных групп, в частности юристов.¹ Применяя это положение к английской системе права, он высказывает предположение, что корпоративизм системы управления действует в отношениях с группами, которые напоминают средневековые гильдии по критерию отношений зависимости с государством. По этой схеме в административном управлении происходит легализация корпоративизма, поскольку существуют отсылки к коллективной солидарности, моральным стандартам и практическому смыслу.²

Важным моментом в модели исследовательской ситуации, предложенной Т. Парсонсом, является определение социетального влияния корпоративизма на систему управления, которое выражается в том, что административное управление, являясь орудием государства, становится медиаторным органом между государством и обществом. Правда автономность административного управления Т. Парсонс видит в том, чтобы обслуживать государственные интересы и быть достаточно независимым, чтобы служить многообразным частным потребностям.

Таким образом, формируется модель корпоративизма, связанного с взаимодействием различных корпоративных структур. Следует подчеркнуть, что корпоративизм в системе административного управления, трактуется функционально, как возможность представленности в системе административного управления социальных, территориальных, профессиональных интересов. Через группы представительства интересов, полагает Парсонс, в системе управления на основе административного права происходит согласование интересов, это является блокиратором бюрократизации, гарантией представительности системы административного управления для вовлечения важных буржуазных групп.³

Т. Парсонс предполагает исследовать корпоративизм административного управления на уровне его открытости и возможности адаптации и интеграции в систему административного управления. Вместе с тем, подчеркивает Т. Парсонс, следует помнить о том, что в системе административного управления действует собственный механизм воспроизводства, что освободившись от религиозных и идеологических влияний, эта система способствует

---

¹ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. С. 88.

² Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. С. 89.

³ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. С. 86.

вертикальной мобильности, связана с распространением статуса государственного служащего за пределы аристократии, если говорить о переходе к современному обществу. Данное условие подкрепляется тем, что сама система административного управления вступает в конкуренцию с правилами местного самоуправления, представительства, выходящего за пределы обычного права. У данного процесса есть два аспекта, связанных во-первых, с тем, чтобы отделить административное управление от гражданского сообщества, тем самым не подчиняя конфликту интересов. Вместе с тем, в рамках собственной деятельности, определять и препроводить в жизнь легально утвержденные ограничения своей собственной власти.¹

Таким образом, корпоративизм определяется, как алгоритм системы административного управления, ориентированный на его функционирование в рамках легально утвержденных механизмов проведения собственных управленческих решений. Поэтому система административного управления по Парсонсу юридизирована, в ней властвуют профессионалы — юристы, те кто имеет опыт использования законодательства в легализации административного принуждения и общения с группами интересов.

Дефиниция Т. Парсонса корпоративизма в структурно-функциональном аспекте означает, что структурно корпоративизм возникает в результате наделения системы административного управления нормами права, функционально — что двойственная позиция, которую занимает административное управление в отношении и к системе государственного управления и к гражданскому обществу требует, с одной стороны, поддержание открытости, достаточной для того, чтобы обеспечить связь с различными общественными группами, с другой — утверждать право государства на проведение собственных решений вне зависимости от влияния групп интересов. Поэтому корпоративизм является системой норм, позволяющих на правовой (легальной) основе выражать административные интересы, руководствоваться логикой принятия целесообразных решений.

В этом смысле важно, что корпоративизм в административном управлении основывается на одном существенном отличии от других видов корпоративизма: действовать на основании логики правового принуждения, преследовать государственные интересы, занимая нейтральную позицию по отношению к частным интересам. Следует

---

¹ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. С. 88.

подчеркнуть, что в рамках предложенной Т. Парсонсом схемы корпоративизм не является политическим ресурсом, предложением определенного типа политического устройства, для его позиции важно отделение административного управления от социетального общества, что позволяет рассматривать административное управление привлекательным в плане решения задач обеспечения жизнедеятельности и развития сообщества. При этом, доминантой функционирования административного управления выступают интересы устойчивого функционирования и развития общества, что подразумевает воспроизводство и повышение качества социетальной системы.

Характеризуя корпоративизм и соответствующие структурные и институциональные параметры, Т. Парсонсом указываются некоторые черты, свойственные корпоративизму субъектов административного управления. Концентрированность корпоративизма проявляется в том, что в условиях ресурсной дифференциации различных уровней административного управления, уровень корпоративизма субъектов зависит от того, какое место в системе управления занимают собственные инструменты распоряжения, владения и исполнения.

Также следует отметить, что Р. Мертон выводит понятие функциональности и дисфункциональности, согласно которым корпоративизм проявляется и в виде институциональной модели, и культурного образца. В первом случае, речь идет о адаптивном потенциале административного управления, о том, что в интересах стабильности и упорядоченности могут воспроизводиться действия, полезные для внутреннего режима административного управления и дисфункциональные, с точки зрения официально декларируемых целей. Во втором случае, корпоративизм может закрепляться как поведенческий код, принятый в качестве профессионального стандарта. Р. Мертон учитывает то обстоятельство, что и в самой системе административного управления может возникнуть дисфункциональный эффект, если корпоративизм связан с самовоспроизводством и наращиванием собственных материальных и нематериальных ресурсов.¹

Структурно-функциональный анализ делает упор на том, что существует функциональная необходимость управления, что возможно определить функциональные требования, которые должны удовлетворяться. Поэтому описывая функции административного управления указывается на соответствие

---

¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. С. 133.

их определенным структурным (организационным) единицам. Между тем, у Р. Мертона было ясно указано, что функциональные потребности могут быть удовлетворены некой областью структурных альтернатив, то есть действуют функциональные субституты. Это означает, что административное управление может иметь если не аналоги, то альтернативы в виде преследования функций другими корпорациями.

Отсюда, в работах представителей либерального функционализма, (Л. Петтегрю, Р. Квин, Дж. Рорбах) прослеживается мысль о том, что для исследования корпоративизма важно выделять не некие концептуальные постулаты, а то, какими практическими смыслами и достижениями руководствуется корпорация. По этой модели наиболее предпочтительной является рыночно ориентированный метод, позволяющий говорить о том, что корпоративизм воспроизводится как определенное позиционирование членами корпораций готовности к совместной деятельности, в том, что определяет поле конкурентных альтернатив. Референтным смыслом обладает акционерное общество, где существует и вертикальная иерархия, связанная с градацией акционеров, дифференциация возможностей влияния на корпоративные решения, и наблюдается возможность изменения состава членов корпорации, соответственно появление новых групп влияния.

В целом, можно говорить о том, что в рамках структурно-функционалистского подхода «просвечиваются» заложенные в нем проблемы, связанные, во-первых, с тем, что административное управление относится преимущественно к правовой сфере, что ограничивает и, отчасти, делает регламентированным корпоративизм и сужает возможности анализа неформальных норм в закреплении корпоративизма в системе административного управления. Вторая проблема заключается в том, что в рамках действия открытого корпоративизма, включающего влияние «других» ассоциаций, цели административного управления перестают быть только прерогативой профессиональных управленцев, соответствующим образом корпоративизм можно охарактеризовать как стремление к модели партнерства, то есть изменяется матрица корпоративизма как выражение узкогрупповых интересов.

По этому поводу немецкий исследователь П. Козловский писал, что можно сформулировать трактовку общества как легитимной иерархии и вследствие этого корпоративизм можно рассматривать как выражение самостоятельных нравственных

и деловых ориентиров личности.¹ Действительно, общество как система потребностей, требует стремления к взаимодействию, свободному обмену, справедливости. В этом контексте корпоративизм в административном управлении не может быть чисто легистским и под этим П. Козловский понимает отстаивание позиций относительно суверенитета управленческих функций. Можно говорить о том, что структурно-функциональный подход подвергается критической оценке исходя из того, что в административном управлении действуют не только формальные нормы, но и суверенитет распоряжения, обоснование свободы субъекта административного управления на основе институциональных предпосылок автономности деятельности. Закономерен, поэтому, интерес к неоинституционализму, к тому, чтобы представить административное управление в концептуальных рамках социального порядка.²

Можно говорить о том, что по мнению неоинституционалистов, в системе административного управления проявляется логика двух социальных порядков: «естественного государства» и «порядка открытого доступа».

Исходя из этого обстоятельства, корпоративизм в административном управлении может пониматься в контексте деятельности субъектов управления, ориентированных на должностную ренту в условиях обладания привилегированным статусом в доступе к социальным ресурсам и корпоративизм становится легитимацией исключительности, не исключающей насилия по отношению к нарушителям правил игры. При порядке открытого доступа корпоративизм становится инструментом полезной конкуренции, в которой субъекты административного управления обеспечивают агрегирование интересов в рамках поддержания верховенства закона.

Наиболее важным является то, что корпоративизм усиливает возможности административного управления принуждать к исполнению правил и норм, задаваемых системой административного управления. Речь идет о том, что административное управление является той определенной организацией, в рамках которой ряд официальных лиц обеспечивает соблюдение правил безличным образом.

---

¹ Козловский П. Общество и государство неизбежный дуализм. — М.: Республика, 1998. С. 8.

² Норт Д., Уолес Дж., ВайнгайтБ. Насилие и социальные порядки / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 28.

Важной тенденцией можно считать, что в рамках естественно-го государства хотя и используются формальные нормы, но способ их использования носит закрытый характер, связан не с равенством перед законом, а возможностью доступа к ресурсам управления. «Открытый порядок» позволяет говорить о том, что в условиях конкуренции корпораций корпоративизм в административном управлении переходит в статус субъектов управления, как экспертов и специалистов.

Таким образом, концептуализация корпоративизма в административном управлении включает исследование процессов адаптации и институционализации системы управления, в рамках которой субъекты, профессиональные управленцы основываются на принятии поведенческого кода, определяемого миссией административного управления и влиянием на сложившийся социальный порядок.

Библиография

1. Козловский П. Общество и государство неизбежный дуализм. — М.: Республика, 1998. — 368 с.
2. Норт Д., Уолес Дж., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М.: Изд. Института Гайдара, 2011. — 480 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с.

References

1. Kozlowski P. The state and Society inevitable dualism [Obshchestvo i gosudarstvo neizbezhnyy dualizm]. — М.: Republic, 1998. — 368 p
2. North D., Wallace J., Weingast B. Violence and social orders [Nasilieisotsial'nye poryadki]/ Ed. from English. D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskova, A. Raskova. — М.: Publishing House. Institute Of Gaidar, 2011. — 480 p.
3. Parsons T. The System of modern societies [Sistema sovremennykh obshchestv] / Translated from English. L.A. Sedov and A.D. Kovalev. Ed. by M.S. Kovaleva. — М.: Aspect Press, 1998. — 270 p.
4. Ritzer George. Contemporary sociological theory [Sovremennye sotsiologicheskie teorii]. 5-e Izd. — SPb.: Peter, 2002. — 688 p.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

САЗОНОВА

Анна Львовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), Москва, Россия an-netic@yandex.ru

SAZONOVA

Anna Lvovna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Sociology, State and Municipal Management, Moscow State University of Railway Transport (MIIT), Moscow, Russia an-netic@yandex.ru

«Любовь» как социокультурный феномен в жизни современных россиян / Love as a sociocultural phenomenon in life of modern Russians¹

Аннотация

Статья посвящена анализу феномена «Любовь между мужчиной и женщиной» как социального и социокультурного явления. Использовались материалы многих социологических

---

¹ В статье использовались материалы социологических исследований с участием авторов: «Ежегодный мониторинг социальной сферы России» Инициативный проект РГСУ 2002-2009гг.; «Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве (1982-2008)» Инициативный проект РГСУ2008; «Положение молодежи современного московского мегаполиса: потенциал и риски стабильного развития города» Заказчик — Департамент семейной и молодежной политики Москвы 2010; «Разработка предложений по вовлечению молодежи в спортивно-массовые мероприятия. Спортивное волонтерство и другие виды деятельности, как сдерживающий фактор роста количества молодых людей с девиантным поведением». Заказчик — Фонд нравственности и сохранения культурного наследия 2011; «Молодёжь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития» Заказчик — Департамент культуры Правительства Москвы 2013; «Молодежь Южной Осетии и России в контексте трансформационных и интеграционных процессов» (Грант РГН Ф — Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Южная Осетия №14-23-13005)2014.

исследований с участием автора, а также «Левада-Центра» и «ФОМ». Основные рассматриваемые вопросы: представления о любви россиян; определение места любви в ценностных системах различных социально-статусных и демографических групп и ценностная детерминация феноменом любви нравственного и гражданско-патриотического сознания, активной жизненной позиции, функционирования института семьи; влияние различного рода факторов на формирование и развитие социального качества «Способность любить».

Ключевые слова

Любовь; социальный конструкт; ценностная детерминация.

Abstract

The article is devoted to analysis of the phenomenon of “Love between a man and a woman” as a social phenomenon. Materials used many sociological studies with the participation of the author, and “Levada-Center” and “FOM”. Main issues discussed include: ideas about love of Russians; the determination of the place of love in the value systems of different social status and demographic groups and value determination by the phenomenon of moral and civil-Patriotic consciousness, an active vital position in the functioning of the family; the influence of various factors on the formation and development of social skills “Ability to love”.

Keywords

Love; a social construct; the value determination.

Любовь занимает огромное место в жизни человека. Этот феномен пронизывает всю нашу жизнь, наполняя ее смыслом, заставляя ярче, острее ощущать включенность в процессы бытия, инициируя желание создавать, творить, изменять мир, делая его более счастливым. Любовь — важная составляющая внутреннего мира личности, одно из ключевых самовыражений жизни, открывающее человеку его сущность, отличную от других. Каждый человек любит по своему, и, возможно, именно способность к любви делает человека человеком.

Способность любить — это не только индивидуально-личностное свойство человека, показатель его культурного уровня, но и обязательный компонент совокупности социально значимых качеств индивида, способствующих гармоничной включенности его

в систему социальных отношений с одной стороны, осуществлению активной социальной деятельности по удовлетворению своих возрастных (не только в утилитарном смысле) потребностей, с другой стороны. Любовь является особым типом социальных взаимоотношений, а отношения, основанные на любви (или каким-либо образом детерминированные любовью) — суть универсальный тип взаимодействия, заполняющий значительную часть нашей жизни с детства до старости.

Любовь не просто коррелирует со смыслом жизни, а представляет собой важный компонент последнего (поиски коего — характерная черта

менталитета русского человека), занимает особое место в ряду главнейших смыслов бытия личности, являясь «единственным разумным и удовлетворительным ответом на вопрос о смысле человеческого существования» (Э.Фромм), выполняя роль системно-образующего компонента, своеобразного общего знаменателя.

Таким образом, любовь правомерно причислять к категории «социальный конструкт» и, в этом аспекте, она, безусловно, отражает представления о базовых ценностях и «экзистенциальных благах», в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели и стоит в одном ряду с конструктами счастья, веры, надежды, свободы, познания, труда, творчества, общения, наконец — самой жизни человека.

Любовь многолика, оставляя за скобками все многообразие ее проявлений (любовь к Родине, к детям, к искусству...) мы остановимся на такой её ипостаси как гетеросексуальная любовь.

Любовь между мужчиной и женщиной занимает значительное место в жизнедеятельности россиян. О чём свидетельствуют, например, данные опросов «ФОМ» и «Левада-Центр» в преддверии Дня Святого Валентина (февраль 2000, 2013 и 2016гг.).

Большинство россиян (76%) признается, что для них важно ощущать себя любимыми¹; более 80% довелось в жизни испытать настоящую любовь; почти имеют любимых женщин/мужчин [12].

О значимости феномена «Любовь» свидетельствуют данные всероссийского опроса городского и сельского населения Фонда «Общественное мнение» (10 февраля 2000 года, n=1500), в котором респондентам было предложено определить, что для них есть любовь. Чаще всего россияне, давая определение любви, говорили о том, что это «великое чувство», нечто «возвышенное, светлое,

---

¹ <http://fom.ru/TSennosti/10813>

прекрасное», «высокое чувство, невыразимое словами», «когда душа поет и на сердце радостно» (22%).

Для 11% опрошенных любовь — это, прежде всего, понимание («взаимопонимание», «чтобы тебя понимали»), для 9% — «уважение». По мнению 6% россиян, любовь — это семья, дети, теплые отношения между близкими родственниками («это основа жизни, любовь к детям, родителям, мужу»). Столько же респондентов называют любовь «важнейшим элементом жизни», «самым главным чувством», определяющим суть человеческой жизни («все построено на любви, без любви нет счастья», «если нет любви, нет и жизни») — 5%. Любовь — это доверие, так полагают 5% респондентов («полное доверие друг к другу»). Еще 3% опрошенных определяют любовь как заботливое, бережное отношение людей друг к другу («бескорыстная забота о человеке»)[13].

По данным исследования (при участии автора) «Молодёжь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития» (2014г.), главным атрибутом любви, по мнению более чем половины опрошенных молодых людей, является «понимание, уважение друг друга». Почти по 40% среди главных характеристик любви назвали «ощущение счастья» и «сексуальную гармонию», а примерно по трети — «духовную близость» и «взаимность» (см. Рис.1).

К сожалению, такие атрибуты любви, присущие всем без исключения культурам, воспеты поэтами, как «бескорытность» и «готовность жертвовать собой», в сознании большинства респондентов не являются её символами. Также, что характерно для современной молодёжи, у большинства любовь не ассоциируется с «чувством ответственности за любимого человека» и «постоянством в отношениях»¹.

Любовь присутствует во всех сферах жизнедеятельности общества, оказывая влияние на их функционирование и развитие. Сама любовь имеет различные уровни проявления, включая физиологические ощущения, эмоциональные переживания, оценочные суждения. На ее формирование оказывают влияние уровень культуры, религия, исторические традиции, экономические условия, ценности и ментальность общества, группы, личности, а в современных условиях и СМИ.

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви. — М., 2003.

Рисунок 1. Представления респондентов о сущности любви (в % от опрошенных, n=2000)

Для иллюстрации влияния демографических, экономических, социально-статусных и иных факторов на формирование и развития такого свойства как способность любить можно привести, например, данные, полученные специалистами «ФОМ» (еженедельный опрос «ФОМнибус» 9-10 февраля 2013 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, n=1500), (см. Табл.1) и результаты исследования (при участии автора) «Мониторинг социальной сферы России 2005 г.» (% субъектов РФ по репрезентативной выборке, n=2918), (см. Табл.2, 3).

Таблица 1. (в % от опрошенных, n=2000)

Довелось ли вам в жизни испытать настоящую любовь? И если да, то сколько раз?	Население в целом	Душевой доход				
		не выше 4000 руб.	4001 – 9000 руб.	9001 – 20000 руб.	свыше 20000 руб.	отказ от ответа
Доли групп	100	14	22	40	14	10
да, 1-5 раз	81	74	79	86	87	72
ещё не довелось	10	20	10	7	7	9
затрудняюсь ответить	9	6	12	6	6	18

Инструментарий исследования включал список из 23 разнопорядковых ценностей и вариант «другое» (таблица, а также методика определения рейтингов ценностей, ценностного ядра и периферии применялась нами в указанных выше исследованиях, кроме проекта «Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве», что даёт возможность компаративного анализа динамики ценностных систем наших соотечественников). Респондентам предлагалось определить значимость каждой из них лично для себя по пятибалльной шкале от позиции «высшая ценность» до позиции «не значима совсем». В списке ценностей была выбрана ценность «любовь между мужчиной и женщиной». С одной стороны, этот конкретный вид любви оставляет за скобками все многообразие ее проявления (в частности, любовь к детям, к искусству, к Родине и пр.), с другой стороны, исключается многозначность трактовки понятия «любовь», что упрощает процедуру измерения данного признака на практике и повышает достоверность полученной информации.

На первом этапе мнения респондентов о значимости этой ценности были скоррелированы с их полом, возрастом, семейным положением, уровнем образования и материального благополучия. На втором этапе мнения респондентов о значимости ценности любви между мужчиной и женщиной были скоррелированы с их мнением о значимости других ценностей.

Таблица 2. (от опрошенных в возрастных группах, n=2502)

Возраст	Доли групп	Кол-во отметивших любовь как высшую ценность
15-29 лет, n=657	25,4	50%
30-44, n=612	25,2	42%
45-64, n=673	25,7	36,2%
>65 лет, n=560	23,7	32,3%

Полученные данные свидетельствуют об определенной обратной зависимости ценностных суждений от возраста (см. Табл.2). Любовь между мужчиной и женщиной как высшую ценность отметили 50% молодых людей (15-29 лет) и 42% людей среднего возраста (30-44 года). Среди респондентов более старшего возраста (45-64 года) этот вид любви как высшую ценность отмечают только 36,2%, а в группе пожилых людей (65 лет и старше) — 32,3%. Кроме очевидного снижения физиологических возможностей с возрастом, думается, необходимо учитывать и различие в иерархии ценностных систем, сформированных в разные исторические периоды у различных возрастных когорт. Вообще, надо сказать, что данные наших исследований, проводимых в течении более чем 10 лет, с обязательным включением ценностного блока, а также ряда других исследований по близкой проблематике, свидетельствуют что «Любовь между мужчиной и женщиной» среди наиболее значимых ценностей зафиксирована у 55-60% молодых россиян, у 45-48% людей среднего возраста и у 27-29% пожилых.

Таблица 3. (от опрошенных в группах, n=2344)

Самооценка материального благополучия	Доли групп	Кол-во отметивших любовь как высшую ценность
нищие, n= 115	6,5	31,5%
бедные, n= 484	19,2	37,5%
нуждающиеся, n=1190	51,8	39,3%
достаточно обеспеченные, n= 510	20,3	46,7%
высоко обеспеченные, n= 45	2,2	55,8%

Еще более четкая прямая зависимость ценностного отношения к любви между мужчиной и женщиной была зафиксирована от уровня материального благополучия (см. Табл.3). В ходе опроса респондентам было предложено соотнести свое материальное положение с признаками, отражающими различный уровень жизни. Так, среди респондентов, отнесших себя к самой неблагополучной категории, с точки зрения материальных условий существования, определенные нами условно как «нищие» («денег не хватает даже на продукты»), 31% определили значимость интересующего нас вида любви как высшую ценность. Среди респондентов, отметивших свое положение как «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения» («бедные»), значимость любви между мужчиной и женщиной как высшую ценность определили уже 37,5%. Среди отметивших, что «покупка вещей длительного пользования — представляет проблему» («нуждающиеся») — 39,3%. В следующей категории «для нас затруднительно приобретение действительно дорогих вещей» (достаточно обеспеченные»), любовь между мужчиной и женщиной является высшей ценностью уже для 46,7% респондентов. Наконец, среди самых обеспеченных участников обследования («мы можем себе позволить приобретение дорогих вещей: квартиру, автомобиль и многое другое»), получен самый высокий показатель по интересующему нас признаку — 55,8%.

Отношение к любви между мужчиной и женщиной как к выс-

шей ценности, по данным исследования, не коррелирует значимо с признаком «уровень образования», а вот такой признак как «наличие опыта семейной жизни» оказался весьма существенным. В рамках указанного исследования, респондентов попросили выбрать из предложенного в опроснике списка (или вписать самим) 5 важнейших условий, необходимых для создания «крепкой» семьи и ранжировать их (от 1 до 5) по степени важности (см. Рис. 2 и 3).

Все ответившие были разделены на 2 группы: имеющие опыт семейной жизни и не имеющие такового. В обеих группах «лидерами»

рейтинга оказались 7 условий-ценностей (другие — «отсутствие вредных привычек», «аккуратность», «умение вести хозяйство» и т.п. были отмечены как важнейшие условия для создания крепкой семьи менее 25% респондентов). Среди них «любовь между мужчиной и женщиной» обозначили примерно 70% в первой группе и более 80% во второй. Но её «рейтинг» почти в два раза выше у второй группы — 75% против 44% (см. Рис. 2 и 3). Как тут не вспомнить В. Маяковского: «...любовная лодка разбилась о быт». Хотя, объективно, показатели всё равно высокие. Это свидетельствует о традиционно очень большом влиянии духовного явления «Любовь» на функционирование институтов семьи и брака в России (сохраняющемся даже в наше время). Причем классической любви, с присущим ей отсутствием сверхценности сексуальных отношений.

Не имеющие опыта семейной жизни

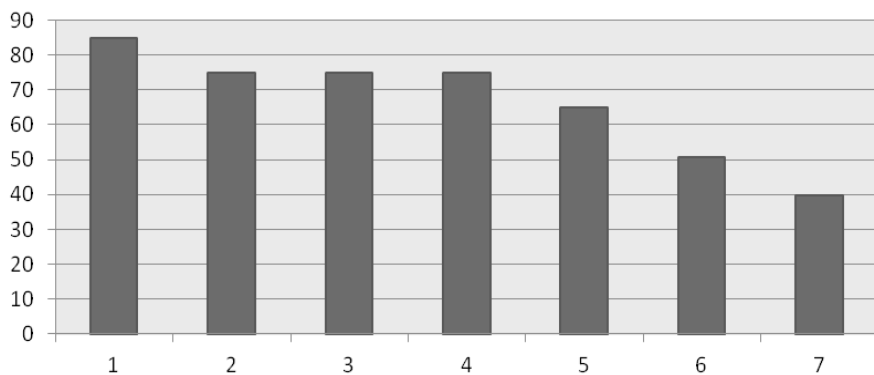

Рисунок 2. Важнейшие условия, необходимые для создания «крепкой» семьи (в % от опрошенных в группе не имеющих опыт семейной жизни, n=557)

1. Сексуальная удовлетворенность
2. Любовь между мужчиной и женщиной
3. Любовь к детям
4. Верность
5. Материальная обеспеченность
6. Собственное жилье
7. Психологическая совместимость

Имеющие опыт семейной жизни

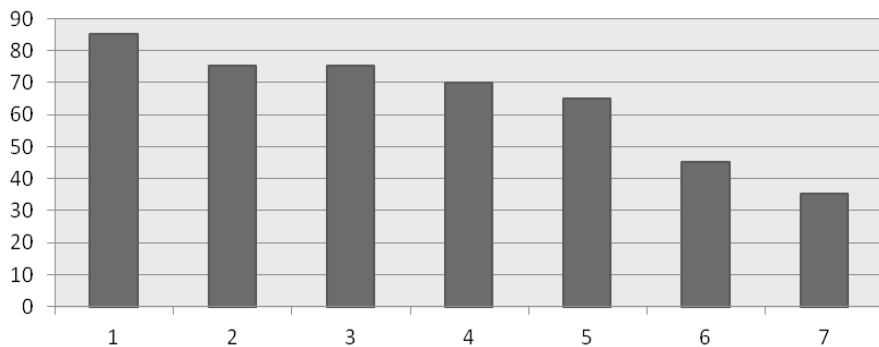

Рисунок 3. Важнейшие условия, необходимые для создания «крепкой» семьи (в % от опрошенных в группе имеющих опыт семейной жизни, n=1321)

1. Материальная обеспеченность
2. Верность
3. Психологическая совместимость
4. Собственное жилье
5. Любовь к детям
6. Любовь между мужчиной и женщиной
7. Сексуальная удовлетворенность

Ещё А. Г. Харчев, на основании результатов исследований 60-70 гг., констатировал, что среди мотивов выбора супруга, факторов супружеского счастья и прочности брака женщины и мужчины на первое место ставят любовь. В социологических исследованиях стабильности брака во второй половине 70-х — начале 80-х гг. общность супружеских взглядов и интересов, чувство любви обнаруживается не только как ведущий мотив вступления в брак, но и как условие удовлетворённости супружеством. Опросы 1990-2000 гг. показывают, что и в постсоветской России любовь оценивается большинством населения как необходимое условие для сохранения семьи.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что высокоразвитая «способность любить» прямо коррелирует с уровнем гражданского самосознания, определяет формы проявления и интенсивность социальной активности.

Проиллюстрируем этот тезис данными исследований «Мониторинг социальной сферы России» (2005г.) и «Молодёжь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития» (2014г.)

Среди всего массива выделялась группа респондентов, отметивших любовь между мужчиной и женщиной как «высшую ценность». В эту группу вошло 39,1% от числа всех опрошенных в 2005г. и 60,7% молодых москвичей в 2014г. (что само по себе свидетельствует о вообще высокой значимости этой ценности). В дальнейшем сравнивались ценностные суждения выделенного подмассива с показателями всего массива (см. Табл.4).

Таблица 4

Ценности	Кол-во отметивших как высшая ценность среди всех опрошенных		Кол-во отметивших как высш. ценность в группе, где любовь названа высш. ценностью	
	2005	2014	2005 (39,1%)	2014 (60,7%)
Патриотизм	24,4	22,0	60,0	25,4
Уважение к закону	19,7	28,5	66,8	29,9
Любовь к ближнему, готовность ему помочь	40,1	43,2	64,0	58,7
Гуманизм	21,4	28,7	65,0	34,7
Честность и порядочность	45,3	44,7	60,0	51,3
Общественная справедливость	39,7	35,7	55,6	48,1
Образование	28,7	40,8	63,7	45,6
Любимая работа	21,7	42,1	68,2	44,0
Творчество	12,0	27,2	73,4	31,0
Здоровый образ жизни	27,7	36,3	66,3	38
Секс	13,9	28,2	76,7	37,7
	Как ценность совсем не значима			
Способность перешагнуть через социальные, моральные нормы ради своих целей	23,4	12,5	41,0	20,5

В целом группа респондентов, отмечающих «любовь» в ряду наиболее значимых ценностей, продемонстрировала более высокий уровень социально значимых и нравственных качеств, чем группы мало или совсем не ценящих ее. Причем уровень устойчивый, т.е. по всей совокупности позитивных показателей. Среди людей (независимо от пола, возраста, региона проживания, других параметров), отнесших «любовь между мужчиной и женщиной» к высшим ценностям наблюдаются в среднем в 1,5-3,5 раза более высокие показатели значимости гуманистических и гражданских ценностей как «высших». Кроме того, в описываемой группе меньше людей, находящихся на полюсах социально-статусной стратификации (бедные-богатые), больше работающих, высокообразованных, религиозных. Они более трудолюбивы, толерантны, бескорыстны, патриотичны, отзывчивы, сострадательны. В их окружении меньше циников, рвачей, эгоистов, прожигателей жизни, наркоманов и пьяниц. Представители этой группы больше верят в то, что для достижения успеха, благополучия в сегодняшней России, по-прежнему важны честность и принципиальность, способности и талант, образование и трудолюбие, отзывчивость к людям, и, меньше — в важность связей с нужными людьми, умения приспособиться, способности переступить законы и мораль, эгоизма, а также во власть денег (что подтверждено компаративным анализом полученных в ходе ряда исследований данных последних лет).

Пока еще немногочисленные исследования феномена любви фиксируют прямую зависимость роста аномии, бездуховности и снижение стремления к творчеству, созидательному труду и соответствующие им девиантные последствия от неразвитости способности человека любить.

Еще Э. Фромм называл любовь способностью зрелой, творческой личности. Утрата или неразвитость способности любить ведет к социальной деградации личности. А социальная деградация и развитая, социально активная личность с высоким уровнем гражданского самосознания — абсолютно несовместимые понятия. Последняя не может быть носителем животных инстинктов. К сожалению, отечественные СМИ насаждают в российском обществе (особенно воздействуя на молодежь) то, что Б. Рассел определял как «социальную модель патологии любви».

Тесная взаимосвязь способности любить с общим уровнем развития личности предполагает также поэтапную эволюционно-поступательную трансформацию социального феномена любви.

Личность в своем развитии проходит становление эмоциональной сферы, способствующей общению между людьми; развитие

когнитивной сферы, формирующей рациональное мышление, понимание; и, наконец, духовной сферы, завершающей формирование развитой гармоничной личности, способной к осознанной, ответственной деятельности, преобразующей действительность. Соответственно, любовь сначала возникает как чувство, осознается как ценность впоследствии и лишь у отдельных высоко духовно развитых представителей человечества становится смыслом бытия в виде любви ко всему человечеству, определяя альтруистическое поведение. В этом и проявляется диалектика — только высокоразвитая личность способна любить, и, наоборот, — основной функцией любви является духовное совершенствование личности.

У личностей, остановившихся на эмоциональной или когнитивной стадии развития, любовь принимает упрощенные заместительные формы, лишь частично выполняя свои функции: любовь как общение, приязнь, привязанность в первом случае и любовь как понимание, осознание соответствия стереотипам, шаблонным представлениям рационального существования — во втором.

К этому же выводу — о великой роли любви в развитии личности — приходили многие известные мыслители (Л. Фейербах, Д. Менделеев, Э. Фромм, П. Сорокин, Э. Гидденс и другие).

Несмотря на то, что проблема любви много столетий волнует умы выдающихся мыслителей, мы согласны с испанским философом Ортега-и-Гассетом, писавшим, что нет области менее изученной, чем область любви, ибо проблема любви бесконечно многогранна и многозначна по содержанию и формам проявления¹. Это не только любовь между мужчиной и женщиной, как она узко чаще всего понимается в обыденном сознании и воспевается в литературе и искусстве, ведь это любовь между людьми вообще (любовь родителей к детям, детей к родителям, любовь к Родине, к своей профессии и т. д.). Это и эмоции, связанные с чувством любви, и проявление любви. Это и системы ценностей, и жизненные стратегии, и поведенческие модели, в основании которых лежит любовь.

Исходя из положения, что Любовь — безусловная ценность, находящаяся на высоких и очень высоких ступенях ценностной иерархии сознания большинства (по данным ряда исследований — 60-75%) россиян и является сильной детерминантой личностных систем деятельности и поведения значимость социологического осмысления сущности любви очевидна, а исследования этого феномена имеют и фундаментальное и прикладное значение.

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви. — М., 2003.

Библиография

1. Казакова Н.Д. Свобода и любовь как атрибут бытия личности. Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 102-110
2. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / под ред. А.А.Сазонова. — М., 2013.
3. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви. — М., 2003.
4. Сазонов А. А., Сазонова А.Л. Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т.6. № 3-1(23). С.162-170.
5. Сазонова А.Л. Любовь и развитие личности. Социальная политика и социология. 2010. № 12 (66). С. 206-212.
6. Сазонова А.Л. Вопросы методологии и методики в исследовании социального феномена «любовь» в современном обществе. Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 174-182.
7. Сазонов А.А. Методологические и методические вопросы построения социологической теории ценностей. Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 140-145
8. Фромм Э. Искусство любить.- М., «АСТ», 2014
9. Фромм Э.Иметь или быть.- М., «Прогресс», 1990
10. <http://pln-pskov.ru>
11. <http://fom.ru/TSennosti/10813>
12. http://bd.fom.ru/report/cat/val_/of010506

References

1. Kazakova N.D. Freedom and love as attribute of being a person. Social policy and sociology [Svoboda i lyubov' kak atribut bytiya lichnosti. Social'naya politika i sociologiya] 2007. No. 3. P. 102-110
2. Youth of Moscow: value priorities, behavior strategies and development prospects [Molodezh' Moskvyy: cennostnyye priority, strategii povedeniya i perspektivy razvitiya] / Ed. A.A. Sazonov. — M., 2013.
3. Ortega y Gasset H. Etudes about love [EHtyudy o lyubvi]. — M., 2003.
4. Sazonov AA, Sazonova AL Family potential of young Muscovites in conditions of socio-cultural heterogeneity of the megacity [Semejnyj potencial molodyh moskvichej v usloviyah sociokul'turnoj neodnorodnosti megapolisa] WORLD (Modernization, Innovation, Development). 2015. T.6. No. 3-1 (23). P.162-170.
5. Sazonova A.L. Love and development of personality. Social policy and Sociology [Lyubov' i razvitie lichnosti. Social'naya politika i Sociologiya] 2010. № 12 (66). Pp. 206-212.
6. Sazonova A.L. Questions of methodology and methodology in the study social phenomenon “love” in modern society [Voprosy metodologii i metodiki v issledovanii social'nogo fenomena «lyubov'» v sovremennom obshchestve] Materials of the Ivanovo readings. 2015. № 5. P. 174-182.
7. Sazonov A.A. Methodological and methodological issues of construction Sociological theory of values. Social policy and sociology [Metodologicheskie i metodicheskie voprosy postroeniya sociologicheskoy teorii cennostej. Social'naya politika i sociologiya] 2007. № 3. P. 140-145
8. Fromm E. The art of love [Iskusstvo lyubit]- M., “AST”, 2014
9. Fromm E. To have or to be [Imet' ili byt'] .- M., Progress, 1990
10. <http://pln-pskov.ru>
11. <http://fom.ru/TSennosti/10813>
12. http://bd.fom.ru/report/cat/val_/of010506

МИРОВЫЕ КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

WORLD CLASSICS OF SOCIOLOGICAL THOUGHT

КРАВЧЕНКО

*Сергей Александрович,
доктор философских
наук, профессор, МГИМО
Университет МИД РФ,
Москва, Россия
sociol7@yandex.ru*

KRAVCHENKO

*Sergey Alexandrovich,
Doctor of Philological
Sciences, professor, MGIMO
University MID RF, Moscow,
Russia
sociol7@yandex.ru*

У. Бек «Как изменение климата могло бы спасти мир»¹ / U. Beck «How Climate Change Might Save the World

Ульрих Бек (1944-2015), профессор социологии Мюнхенского университета и Лондонской школы экономики и политических наук, автор теорий «Общества риска», «Мирового общества риска», «Космополитического воображения», «Дистанционной любви» и др. Вниманию читателей представляется глава из посмертно изданной книги «Метаморфоза мира» (2016).

Сегодня большинство дискуссий по изменению климата блокируются. Они захвачены идеей катастрофизма, циркулирующей на горизонте проблемы: что плохого влечет за собой изменение климата? С точки зрения метаморфозы, поскольку изменение климата представляет собой угрозу для человечества, мы можем и должны перевернуть вопрос с ног на голову и спросить: что хорошего влечет за собой изменение климата (если мы выживем)? Удивительным моментом метаморфозы является то, если вы твердо верите, что изменение климата является фундаментальной угрозой для всего человечества и природы, что это могло бы привести к космополитическому повороту в нашей современной жизни, и мир мог бы измениться к лучшему. Это то, что я называю эмансипирующим катастрофизмом².

---

¹ Пер. с англ. и подготовка к печати: д.ф.н., проф., зав. кафедрой социологии МГИМО МИД РФ С.А. Кравченко

² Beck, U. (2015) Emancipatory Catastrophism: What Does it Mean to Climate Change and Risk Society // Current Sociology, 63(1). — 75-88 pp.

Чтобы избежать недоразумений, я не утверждаю, что нам нужна катастрофа с большими потерями, чтобы стать возрожденными оптимистами, и я не хочу рисовать и пропагандировать противоположную картину гипер-оптимизма, ожидая технологического спасения от всех зол современного мира с помощью цифровых инноваций (как это делают некоторые). Космополитическая метаморфоза изменения климата (или глобальный риск в целом) связана с совместным производством восприятий риска и нормативных горизонтов: апокалипсис не знает ограничений. Живя в суицидальной современности (капитализме), черный ящик фундаментальных политических вопросов вновь открывается: кто ратует за «упорядоченную систему»? Кто представляет «человечность»? Это государство? Город? Актеры гражданского общества? Эксперты? А кто говорит по-своему?

Глобальный риск изменения климата представляет собой своего рода навязанную коллективную память — в том смысле, что прошлые решения и ошибки содержатся в том, чему мы подвержены, и что даже самая высокая степень институциональной реификации есть не что иное, как овеществление, которое может быть аннулировано, как заимствованный способ действия, который может и должен быть изменен, если это ведет к самоограничению. Изменение климата является воплощением ошибок целой эпохи продолжающейся индустриализации, а климатические риски признают и исправляют все прежнее насилие, связанное с возможностью уничтожения. Они являются своего рода коллективным возвращением репрессированного, когда самоуверенность индустриального капитализма, организованная в форме политики нации-государства, сталкивается со своими собственными ошибками в форме объективной угрозы для собственного существования.

1. Что влечет для нас изменение климата?

Обращаясь к проблеме изменения климата на уровне мировой (и местной) политики, мы можем выделить два основных подхода к решению проблем. В первом подходе задается нормативный и политический вопрос: «Что мы можем сделать против изменения климата?» Это основной вопрос, поставленный учеными, политиками и активистами в области защиты окружающей среды, которые ищут пути решения этой проблемы, хотя это приводит к разочарованию. Напротив, второй подход (основанный на метаморфозе) ставит социологический и аналитический вопрос: «Что влечет изменение климата для нас, и как он изменяет порядок общества и политики?»

Постановка этого вопроса позволяет нам мыслить вне апокалипсиса или спасения мира и сосредоточиться на его метаморфозе. Таким образом, это дает нам возможность отступить и переосмыслить фундаментальные концепции, в которые попадают текущие дискурсы климатической политики, исследовать продолжающуюся метаморфозу через призму радара.

Под воздействием нахождения прагматических решений первый вопрос имеет тенденцию доминировать над вторым. Это одна из важных причин того, почему в настоящий момент наши коллективные усилия социального и политического воображения кажутся заблокированными. Более того, ситуация блокировки усугубляется двумя дополнительными факторами. Во-первых, простой успех влияния прогнозов климатических наук в настоящее время создает парадоксальную ситуацию, когда общественные и медийные дискуссии об изменении климата происходят под гильотиной «переломного момента»¹. Никогда еще в истории человечества политическая жизнь не насыщалась такими знаниями о предстоящей глобальной чрезвычайной ситуации. Однако, вместо того, чтобы способствовать обстоятельным ответам со стороны общества, риторика переломных моментов усугубляет проблему и препятствует социально-политическому переосмыслению.

Во-вторых, как раз в то время, когда спектр изменений климата нуждается в крупномасштабной ПОЛИТИКЕ самой планеты, мировая общественность сталкивается с явным бессилием реально существующей национально-международной политики. Как видно из драмы, разыгравшейся на саммите COP15 в Копенгагене в 2009 году, разрыв действительно огромен — после сформированных массовых общественных ожиданий возникающие политические разочарования столь же глубоки. Вместо возрождения политики ныне доминирует воображаемый апокалипсис в общественной сфере, выступая в качестве «аффективной профилактики», означающей упреждающее предотвращение чрезмерно сильных травматических потрясений от «преднамеренной» катастрофы². Климатические пессимисты, обнародующие эту апокалиптическую фантазию, ведут себя так же, как знаменитый ангел истории в притче Уолтера Беньямина о картине Пауля Клея «Ангел истории»:

---

¹ Russill, Ch., Zoe, N. (2009). The Tipping Point Trend in Climate Change Communications // *Global Environmental Change*, 19(3). — 336-344 pp.

² Crutzen, P. J. (2006) The 'Anthropocene'. In: E. Ehlers and T. Krafft (eds). *Earth System Science in the Anthropocene*. New York: Springer. — 13-18 pp.

³Wyngeedouw, E. (2010) Apocalypse Forever? Post-Political Populism and the Spectre of Climate Change // *Theory, Culture & Society*, 27(2/3). 9-30 pp.

шторм климатического изменения непреодолимо подталкивает их к политическому будущему, к которому они повернулись вспять и которое потому не могут видеть или понимать.

В этой книге я выдвигаю гипотезу, что основным источником климатического пессимизма является обобщенная неспособность и / или нежелание переосмыслить фундаментальные вопросы социального и политического порядка в эпоху глобальных рисков. Для противостояния таким неспособностям необходимы космополитическое теоретизирование и исследование, выдвигаемые мною, которые основаны на признании того, что изменение климата коренным образом меняет общество, влечет за собой новые формы власти, неравенства и опасности, равно как новые формы сотрудничества, определенности и солидарности, минующие границы. Три факта иллюстрируют эту интерпретацию.

Во-первых, повышение уровня моря создает изменяющиеся ландшафты неравенства — рисуются новые карты мира, ключевые линии которых не являются традиционными границами между национальными государствами и социальными классами, а возвышениями над морем или рекой. Это совершенно другой способ концептуализации мира и наших шансов на выживание в нем.

Во-вторых, изменение климата производит главный смысл происходящего этического и экзистенциального нарушения, что создает новые нормы, законы, рынки, технологии, понимания нации и государства, форм урбанизации и международного сотрудничества.

В-третьих, космополитический поворот 2.0 разворачивается не в мыслях о мире и увядающих национальных доктринах, а в первую очередь и главным образом в повседневных практиках и деятельности. Понимание того, что никакое национальное государство в одиночку не может справиться с глобальным риском изменения климата, вошло в здравый смысл. Отсюда возникает признание того факта, что принцип национального суверенитета, независимости и автономии является препятствием для выживания человечества и что «Декларация независимости» должна быть метаморфизирована в «Декларацию о взаимозависимости»: сотрудничать или умереть!

Следовательно, «методологический национализм», учение о том, что мир вращается вокруг нации, должен быть заменен «методологическим космополитизмом», учением о вращении и нации вокруг «мирового общества риска».

Если мы рассмотрим, как вопрос изменения климата вписывается в текущую перспективу в политике и социальных науках, мы можем увидеть ограниченность «методологического национализма». Мы

ставим почти каждый вопрос, относится ли он к классу, конфликту или политике, в контекст национальных государств, организованных в международной сфере. Но, когда мы смотрим на мир с точки зрения изменения климата, этот фрейм не подходит. Новая структура власти встроена в логику глобального климатического риска. Когда мы говорим о риске, мы должны соотносить его с принятием решений и акторами, принимающими решения, и мы должны провести фундаментальное различие между теми, кто создает риск, и теми, кого это затрагивает. В случае изменения климата эти группы совершенно разные. Те, кто принимает решения, не подотчетны с точки зрения тех, кого затрагивают риски, а у тех, кто подвержен последствиям, нет реального способа участвовать в процессе принятия решений. Это империалистическая структура: процесс принятия решения и его последствия относятся к совершенно различным группам.

Мы можем наблюдать эту структуру только тогда, когда выходим за пределы перспективы национального государства и принимаем космополитическую перспективу, где предметом исследования является сообщество риска, включающее то, что исключено в национальной перспективе: акторы, принимающие решения, и последствия их решения для других, взятые в пространстве и времени.

2. Метаморфоза — новый способ порождения норм

Изменение климата создает экзистенциальные моменты решения. Это происходит непреднамеренно, невидимо, нежелательно и не является ни целенаправленным, ни идеологически обоснованным. Литература об изменении климата стала супермаркетом для апокалиптических сценариев. Вместо этого следует сосредоточиться на том, что сейчас зарождается, — на будущих структурах, нормах и новых начинаниях.

Метаморфоза — это новый способ порождения значимых норм в эпоху глобальных рисков. Юристы-правоведы и стандартная социология трактуют нарушение в контексте наличия нормы. Что же касается глобальных рисков, то возникает новый глобальный горизонт, исходящий из опыта прошлого и ожидания будущих катастроф. Последовательность переворачивается вверх дном — нарушение происходит до нормы. Норма возникает из общественной рефлексии об ужасе, порожденном победой современности. Краткий взгляд на историю мирового общества риска иллюстрирует эту метаморфозу. До Хиросимы никто не понимал силу ядерного оружия; но впоследствии

чувство нарушения создало сильный нормативный и политический импульс: «Хиросима больше никогда!» Нарушения человеческого существования, такие как в Хиросиме, вызывают антропологические шоки и социальный катарсис, бросая вызов и изменяя порядок вещей изнутри.

«Холокост больше никогда!» Эта метаморфоза отделяет наш нормативный горизонт от существующих национальных норм и законов путем введения понятия «преступления против человечности». Я имею в виду здесь нечто-то глубокое. Основной принцип национального права заключался в том, что об акте нельзя судить по закону, который не существовал на момент совершения деяния. Так, хотя в соответствии с нацистским правом было законно убивать евреев, в ретроспективе это стало преступлением против человечества. Изменился не просто закон, а наши социальные горизонты — само наше бытие в мире. И эти изменения произошли неожиданным образом, что привело к усилению глобальной тяги к социальным и политическим действиям (режим прав человека). Это именно то, что я подразумеваю под метаморфозом: то, что вчера было совершенно немыслимо, сегодня возможно и реально, создавая космополитическую систему взглядов.

Учитывая реальность космополитизации, возрождение национального мировоззрения парадоксально. Это характеризует шизофреническую структуру духа времени, управляет мышлением, в то время как социальные активности, чтобы быть успешными, открывают себя в космополитическом поле деятельности. И именно национальное мировоззрение в общественном и академическом дискурсе слепит нас относительно возможностей альтернативных действий по изменению климата, которые мы видим с космополитической точки зрения.

3. Изменение климата: слияние природы и общества

В случае изменения климата как момента метаморфозы происходит слияние природы, общества и политики. Поэтому нарратив общества риска сам по себе является нарративом о метаморфозе мира. Это нарратив о человеческом состоянии без прецедента. Он дает возможность говорить о физическом мире и его рисках, которые привели к появлению множества новых тем. Это позволяет людям говорить о вещах — фактически, таким образом, чтобы понять вещи, о которых они пытались говорить и осмыслить, — но в условиях, когда хронически не хватало концепций. Метаморфоза в терминах общества риска означает конец разграничения между природой и обществом; я цитирую «Общество риска»¹:

---

¹ Beck, U. (1992) Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage

Это значит, что природа уже не может быть понята без общества, а общество без природы. Общественные теории XIX века (и их модификации в XX веке) мыслили природу в основном как нечто заданное, навязанное, долженствующее подчиняться человеку, иными словами, как нечто противостоящее обществу, чуждое ему, как не-общество. Процесс индустриализации не только устранил это подчинение, но и исторически фальсифицировал его. В конце XX века природа уже не нечто заданное и навязанное, она превратилась в продукт истории, стала в процессе естественной репродукции разрушенной или находящейся под угрозой разрушения декораций цивилизационного мира. Но это означает, что разрушение природы, интегрированное в универсальную циркуляцию промышленного производства, перестает быть просто разрушением природы, а превратилось в интегральную составляющую общественной, экономической и политической динамики. Незамеченным побочным эффектом обобществления природы стало обобществление разрушения природы и нанесения ей ущерба, превращение ее в экономические, социальные и политические противоречия и конфликты: нарушение естественных условий жизни оборачивается глобальными медицинскими, социальными и экономическими угрозами для человека — с совершенно новыми требованиями к социальным и политическим институтам высокоиндустриализированного мирового сообщества.

Пример этого можно увидеть в том, как промышленность усваивает и изменяет затраты на климат. Транснациональные компании, такие как Кока-Кола, всегда уделяли больше внимания экономическому результату, чем глобальному потеплению. Но когда компания теряет прибыльную лицензию на эксплуатацию, например, в Индии, из-за серьезного дефицита воды, то восприятие проблем и приоритеты начинают меняться. Сегодня, после десятилетнего увеличивающегося ущерба балансу Кока-Колы, в силу того, что глобальные засухи истощили водные ресурсы, необходимые для производства газированного напитка, компания признала, что изменение климата представляет собой экономически разрушительную силу:

Мы считаем, что изменение климата, вызванное антропогенными выбросами парниковых газов, является самой большой угрозой для нашей планеты. Существует настоятельная необходимость в поэтапном достижении не только целей сокращения выбросов, которые мы поставили перед собой, но и движение к низкоуглеродному будущему. С этой точки зрения, мы должны взглянуть за рамки наших собственных операций и взять на себя ответственность за всю производственно-сбытовую цепь. (См.: www.eurotrib.com/story/2014/1/25/12338/0822)

Сильные засухи, более непредсказуемая изменчивость климата, наводнения, случавшиеся раз в 100 лет, а ныне происходящие раз в два года, разрушают поставки сахарного тростника и сахарной свеклы для компании, что также касается цитрусовых для производства фруктовых соков. «Мы рассматриваем эти события как угрозы для наших самых важных ингредиентов», — сказал один из ее высокопоставленных менеджеров.

Это отражает новое понимание среди американских и европейских лидеров бизнеса и ведущих экономистов, которые рассматривают глобальное потепление как силу, способствующую снижению валового внутреннего продукта, влекущую более высокие затраты на продукты питания и сырьевые товары, большой финансовый риск, деформирующую цепочки поставок. Их позиция находится в противоречии с давним аргументом, выдвигаемым экономистами и менеджерами транснациональных компаний, суть которого в том, что политика по сокращению выбросов углерода более вредна для экономики, чем воздействие самого изменения климата. Интернализация разрушения «природы», экономическое исследование производственных и финансовых рисков, связанных с изменением климата, свидетельствуют, что в эпоху изменения климата промышленный бизнес становится «рискованным бизнесом». Как видно, промышленность становится чувствительной к последствиям изменения климата и их реальной стоимости. Таким образом, климатические риски, обусловленные антропоцентризмом¹, входят в сферу бизнеса и экономики, что знаменует собой новую геологическую эру в истории Земли, в которой люди являются определяющей экологической силой. Это делает причины, последствия и ответные меры на глобальные изменения климата истинно социальными и политическими по своему характеру. Здесь метаморфоза означает, что изменение климата связано с тем, что люди формируют направление планетарной и социальной эволюции не по намерению, а исходя из политики побочных эффектов или политики нормализованного ущерба.

4. Глобальный риск приходит как угроза и приносит надежду

Глобальный риск — это не глобальная катастрофа, а предчувствие катастрофы. Это подразумевает, что для нас настало

---

¹ Crutzen, P. J. (2006) The 'Anthropocene'. In: E. Ehlers and T. Krafft (eds). Earth System Science in the Anthropocene. New York: Springer.

время действовать — вытащить людей из их рутины, а политиков из «ограничений», которые якобы их окружают. Глобальный риск изо дня в день производит чувство незащищенности, что мы больше не можем принять. Он открывает нам глаза и приносит надежды. Это воодушевление является его парадоксом. Существует определенная близость между теорией мирового общества риска и принципом надежды Эрнста Блоха¹. Общество мирового риска всегда является политической категорией; оно создает новые виды и линии конфликтов и освобождает политику от существующих правил и институциональных кандалов.

Это опять-таки то, что я подразумеваю под метаморфозом. Изменение климата могло бы фактически использоваться как противоядие от войны. Мы переживаем переход от угроз, исходящих от логики войны, к угрозам, обусловленным логикой глобального риска. В случае войны мы осуществляем перевооружение, оказываем сопротивление врагам или подчиняемся им; в случае риска мы видим трансграничные конфликты, но также и сотрудничество для предотвращения катастрофы, выходящее за рамки границ, — это то, что я называю космополитизацией. Таким образом, жизнь и выживание в контексте глобального риска следуют логике, диаметрально противоположной войне. В этой ситуации осуществляется рациональное преодоление противостояния между Мы-Они оппозицией и признание другого как партнера, а не как врага, подлежащего уничтожению. Логика риска направляет взгляд на взрыв плюрализма в мире, что отрицает взгляд друг-враг. Мировое общество риска открывает моральное пространство, которое могло бы (хотя и не обязательно это произойдет) породить гражданскую культуру ответственности, которая превосходит старые антагонизмы и создает новые союзы, равно как новые линии конфликта.

Глобальный риск имеет две стороны: травматическая уязвимость всех и вытекающая отсюда ответственность для всех, включая собственное выживание. Это заставляет нас напоминать себе о выбранных путях, на которых человеческая раса подвергает опасности свое собственное существование. Соответственно, сознание человечества действует как отправная точка. Риск изменения климата порождает *Umwertung der Werte* (переоценку ценностей) (Ницше), переворачивая систему ценностной ориентации вверх дном — например, от постмодернистского культурного релятивизма к исторически новой фиксированной звезде, с

---

¹ Bloch, E. (1995) *The Principle of Hope*. Cambridge, MA: MIT Press.

помощью которой мобилизуются солидарности и действия. Это так, потому что глобальный климатический риск представляет собой своего рода навигационную систему в бурных морях культурного релятивизма.

Тот, кто говорит о человечестве, не обманывает (как полагали Пьер-Жозеф Прудон и Карл Шмитт), — он вынужден спасти других, чтобы спастись самому. В мировом обществе риска сотрудничество между врагами выражается не в самопожертвовании, а в реализации личных интересов самовывживания. Это своего рода эгоистический космополитизм или космополитический эгоизм. Мы должны различать неолиберальную форму эгоистических интересов и самоинтерес человечества.

Но метаморфоза — это не прямая линия в космополитическое будущее в нормативном политическом смысле. Напротив, дело обстоит иначе: метаморфоза весьма амбивалентна. В то время как жертвы изменения климата, такие, как малые островные государства, осуществляют перегруппировку на глобальной карте, возможно, могут появиться новые империалистические порядки. Опасность «климатического колониализма» вполне реальна. Мы должны задействовать космополитический взгляд, чтобы сделать эти уязвимые ситуации видимыми, осязаемыми и спросить, какие последствия для мышления и действия они имеют на Западе. Как мы можем дать им голос в «наших» политических процессах? Это действительно потребовало бы переопределение национальных интересов.

5. Мировые города поднимаются как космополитические акторы

Мы также переживаем метаморфозу ландшафта глобальных акторов, в результате чего национальные государства становятся космополитизированными. С одной стороны, национальные государства осознают, что нет национальных ответов на глобальные проблемы даже в условиях развития сетей глобальных городов как космополитических акторов. С другой стороны, национальные институты по-прежнему являются субъектами и продуктами воображения суверенитета.

Нормативные космополитические ожидания, таким образом, производят как космополитические нации, так и ренационализирующиеся нации. Ренационализация национальных государств парализует космополитическое сотрудничество — международные конференции терпят неудачу. Поэтому, чтобы найти

ответы на климатические изменения, нам следует иметь в виду не только Организацию Объединенных Наций, но и Объединенные Города.

Социальные движения важны для установления космополитической структуры, но они не создают коллективно обязательных решений. Для этого есть национальное государство с его монополией на законотворчество. Но влияние нации-государства размывается. Города мира становятся все более важными пространствами для принятия коллективно обязывающих решений. Почему? В больших городах изменение климата производит видимые эффекты, климатическое изменение стимулирует инновации, сотрудничество и конкуренция преодолевают границы, политический ответ на изменение климата используется как локальный ресурс для политической легитимации и власти.

Возникает новая структура власти, она состоит из специалистов, обеспечивающих жизнедеятельность в городах мира — городских транснациональных классов с различным историческим прошлым. Большие города легально переопределяются как транснациональные акторы, как организованные выражения транснациональной политики. Даже Цюрих — это мини-Нью-Йорк; это не один город, а множество городов мира в одном с сильным красно-зеленым коалиционным городским правительством и малыми шансами для консерваторов вернуть себе власть.

Существуют также основные противоречия. Раньше урбанизация определялась как противоположность природе. В настоящее время все наоборот: повсюду можно видеть «зеленый урбанизм», «устойчивое развитие» обрело нормативность, теперь все обеспокоены окружающей средой.

Такого рода деконструкции легитимизируют новый нормативный горизонт космополитических ожиданий. Города мира создают новый мир инклюзивности, где потенциал для трансформации права увеличивается. Создание этого нового потенциала видимым — квинтэссенция моей теории метаморфозы.

6. Паскаль, Бог и изменение климата

Давайте проведем мысленный эксперимент: скептицизм относительно изменения климата может быть сильной позицией. В чем же тогда контраргумент? Мой контраргумент относится к французскому философу Блезу Паскалю и его прагматическому «доказательству» Бога. Паскаль утверждал, что Бог либо существует, либо нет. Я не знаю. Но я должен выбрать Бога, потому что, если Бог

существует, я выигрываю; если же его нет, я ничего не потеряю.

Давайте сравним веру в Бога с верой в изменение климата, совершенное человеком. Как Паскаль, мы не знаем, является ли изменение климата «реальным». Несмотря на веские доказательства, остается существенная неопределенность. Нам необходимо принять, что невозможно знать, является ли естественная катастрофа фактическим следствием изменения климата, совершенным человеком. Эта неопределенность создает критический политический момент решения.

Есть два сценария. Первый, мы отрицаем изменение климата, который означал бы, что каждая катастрофа подчеркивает безответственность отрицателей. Второй, мы согласны с тем, что изменение климата реально, берем на себя ответственность и противостояем огромному масштабу необходимых моральных и политических изменений. Как и в случае Паскаля, существуют веские практические причины даже для отрицателей признать, что изменение климата реально. Изменение климата может изменить мир к лучшему.

Если рассматривать глобальный риск для всей цивилизации, то изменение климата могло бы стать противоядием от войны. Это приводит к необходимости преодолеть неолиберализм, воспринять и практиковать новые формы транснациональной ответственности; ставит проблему космополитической справедливости в повестку дня международной политики; создает неформальные и формальные модели сотрудничества между странами и правительствами, которые в противном случае игнорируют друг друга или даже считают друг друга врагами. Это делает экономических и общественных акторов предсказуемыми и ответственными — даже тех, кто не хочет быть предсказуемым и ответственным. Это открывает новые мировые рынки, новые модели инноваций, и, как следствие, отрицатели являются проигравшими. Это изменяет образ жизни и модели потребления; становится сильным источник ориентированных на будущее смыслов и для повседневной жизни и для легитимации политических действий (реформ или даже революций). Наконец, это порождает новые формы понимания и заботы о природе. Все это происходит под мантрой разочарований и крушений иллюзий передвижных цирков климатических конференций, следующих друг за другом.

С позиций этой парадигмы изменение климата означает прежде всего метаморфозу политики и общества, которая должна быть раскрыта и тщательно проанализирована с помощью социальной науки методологического космополитизма. Это не означает, что

существует простое решение проблемы изменения климата. Нельзя также сказать, что положительные побочные эффекты негативных побочных эффектов автоматически создают лучший мир. И даже не следует говорить о том, что активная, субполитическая и политическая метаморфоза достаточно быстра для противодействия галопирующему процессу климатических катастроф, который, возможно, ввергнет всю планету в засухи, наводнения, хаос, голод и кровавые конфликты. Но, в конечном счете, катастрофа тоже могла бы быть метаморфозой – худшим проявлением метаморфозы.

Библиография / References

1. Beck, U. (2015) Emancipatory Catastrophism: What Does it Mean to Climate Change and Risk Society // *Current Sociology*, 63(1).
2. Russill, Ch., Zoe, N. (2009). The Tipping Point Trend in Climate Change Communications // *Global Environmental Change*, 19(3).
3. Crutzen, P. J. (2006) The 'Anthropocene'. In: E. Ehlers and T. Krafft (eds). *Earth System Science in the Anthropocene*. New York: Springer.
4. Swyngedouw, E. (2010) Apocalypse Forever? Post-Political Populism and the Spectre of Climate Change // *Theory, Culture & Society*, 27(2/3)..
5. Beck, U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage.
6. Bloch, E. (1995) *The Principle of Hope*. Cambridge, MA: MIT Press.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Направляемые в журнал статьи оформляются в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски – постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее – на иностранном), он даётся в конце статьи.

6. К статье прилагается её **электронная версия**.

По электронной почте статьи принимаются обязательно в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

– аннотация (резюме) объёмом 15–20 строк на русском и английском языках;

– список 3–4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

– авторская справка на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также данные для связи с автором – адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклонённых материалов в переписку с авторами не вступает.

<http://журналпоиск.рф>

RULES OF PUBLICATION

Materials for publication in the journal «P.O.I.S.K» must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. The manuscript should not exceed 10-12 pages. Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. All signs that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. The formulas and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. A numbered bibliography should not exceed 1 pp. (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10- 15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 4 (63)
Июль - Август 2017 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский Университет Транспорта»

Издатель
РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений:
127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф
Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф